

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

15 2026
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 15 (618) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Уильям Гарвей (1578–1657), английский медик и анатом.

Уильям Гарвей родился в городке Фолкстон на берегу Ла-Манша, в графстве Кент. Отец его, Томас Гарвей, кентский йомен, занимался торговлей и нажил значительное состояние.

В 1588 году Уильям Гарвей поступил в Королевскую школу в Кентербери, где изучал латынь, а позднее был принят в колледж Гонвилл-энд-Киз Кембриджского университета. Эти годы он посвятил изучению «дисциплин, полезных для врача» — классических языков (латыни и древнегреческого), риторики, философии и математики, а также чтению и обсуждению произведений Гиппократов, Галена и других древних авторов. В 1597 году Гарвей получил звание бакалавра, и покинул Кембридж: по обычаю выпускников того времени, он отправился в пятилетнее путешествие и посетил Падую.

В 1600 году он занимал выборную должность «старосты» — представителя английских студентов в Падуанском университете. Анатомические исследования там процветали благодаря Джироламо Фабрицио д'Аквапенте, который возглавлял вначале кафедру хирургии, а затем кафедры анатомии и эмбриологии. Фабрицио был учеником и последователем Габриеле Фаллопия. Среди падуанских учителей Гарвея был также Джулио Кассерио.

В 1602 году Гарвей завершил образование, получил степень доктора медицины и вернулся в Лондон, где спустя несколько лет стал действительным членом Коллегии врачей. А в 1609 году Гарвея официально зачислили врачом в штат больницы св. Варфоломея. Кроме того, он работал в Коллегии врачей и проводил собственные экспериментальные исследования.

В 1613 году Гарвей был избран смотрителем Коллегии врачей, а два года спустя стал лектором Ламлианских чтений, учрежденных лордом Ламли с целью повышения уровня медицинского образования в Лондоне. На Ламлианских чтениях лектору полагалось читать часовую лекцию два раза в неделю в течение всего года, чтобы за шесть лет студенты прошли полный курс анатомии, хирургии и медицины. Гарвей исполнял эту обязанность в течение 41 года. Параллельно он читал лекции по анатомии в Коллегии; рукопись его заметок к лекциям от 16, 17 и 18 апреля 1616 года под названием «Конспекты к лекциям по общей анатомии» хранится в Британском музее.

Труд Гарвея «Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных» был опубликован в 1628 году во Франкфурте. В нем ученый впервые сформулировал свою теорию кровообращения и привел экспериментальные доказательства в ее пользу. Измерив величину систолического объема, частоту сокращений сердца и общее количество крови в теле овцы, Гарвей доказал, что за 2 минуты вся кровь должна пройти через сердце, а в течение 30 минут через него проходит количество крови, равное весу животного. Отсюда следовало, что, вопреки

утверждениям Галена о поступлении к сердцу все новых и новых потоков крови от вырабатывающих ее органов, кровь возвращается к сердцу по замкнутому циклу. Замкнутость же цикла обеспечивают мельчайшие капилляры, соединяющие артерии и вены. Гарвеем сами капилляры при этом открыты не были, их существование установил позже Марчелло Мальпиги.

Открытие Гарвея было встречено шквалом критики ученых, придерживавшихся взглядов Аристотеля и Галена о том, что кровь образуется в печени из пищи и движется по венам, слепо заканчиваясь в органах. Тем не менее, открытие кровообращения Гарвеем многие ученые признали еще при его жизни.

В начале 1631 года Гарвей стал лейб-медиком короля Карла I. Заинтересовавшись исследованиями Гарвея, Карл предоставил в его распоряжение королевские охотничьи угодья в Виндзоре и Хэмптон-Корте для проведения экспериментов.

После сражения при Эджхилле в 1642 году во время Английской революции Гарвей последовал за королем в Оксфорд. Здесь он возобновил врачебную практику и продолжил наблюдения и эксперименты. Вскоре король назначил Гарвея деканом Мертон-колледжа, а когда Оксфорд был осажден и взят сторонниками Кромвеля, Гарвей вновь вернулся в Лондон.

В 1646 году Гарвей издал в Кембридже два анатомических очерка «Исследования кровообращения», а в 1651 году вышел его второй фундаментальный труд — «Исследования о зарождении животных». В нем обобщались результаты многолетних исследований ученого, касающихся эмбрионального развития беспозвоночных и позвоночных животных, была сформулирована теория эпигенеза. Гарвей утверждал, что яйцо есть общее первоначало всех животных и все живое происходит из яйца. Исследования Гарвея по эмбриологии послужили мощным стимулом к развитию теоретического и практического акушерства.

С 1654 года до своей кончины Гарвей жил в доме своего брата в Лондоне и в предместье Роуэмптон. Он доживал свой век, окруженный славой и почетом. Лондонская медицинская коллегия поставила в зале заседаний его статую, а в 1654 году избрала его своим президентом; но он отклонил это почетное звание, ссылаясь на старость и нездоровье.

Утром 30 июня 1657 года Уильям Гарвей заметил, что не владеет языком, и, чувствуя приближение смерти, послал за родными, раздал им на память свои вещи, а к вечеру того же дня скончался на 80-м году жизни.

В 1970 году имя Гарвея присвоено Международным астрономическим союзом одному из кратеров на обратной стороне Луны.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Мисюк А. А.

Проблемы защиты объектов интеллектуальной собственности в трансграничном цифровом пространстве 133

Михалева О. А., Киракосян Г. А.

Конституционно-правовое значение преамбулы в укреплении единства народа России..... 135

Моторин В. А.

Криминалистическая характеристика преступлений против жизни и здоровья, совершаемых при оказании медицинской помощи: понятие и содержание 138

Мурахин Д. В.

Формы взаимодействия следователей с оперативными подразделениями органа дознания при раскрытии и расследовании преступлений 140

Нуруллин Э. Р.

Некоторые проблемы установления уголовной ответственности за неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения 142

Павлова А. С., Трапезникова Д. С.

Проблема соразмерности гражданско-процессуальных обеспечительных мер..... 145

Павлова А. С., Трапезникова Д. С.

Проблемы оглашения показаний, полученных в ходе предварительного расследования на стадии судебного разбирательства 147

Павлова А. С., Трапезникова Д. С.

Принцип защиты личных данных работников 149

Пашнов Д. С., Касымов Д. И.

Трудовые гарантии участникам специальной военной операции..... 151

Пашнов Д. С., Касымов Д. И.

Проблема возвращения дела прокурору по основанию существенного отличия обвинения обвинительного заключения от обвинения в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого 153

Плотицына К. А.

История развития суда присяжных в России... 155

Прозоров И. В.

Актуальные проблемы противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма в банковской деятельности Российской Федерации 157

Прозоров И. В.

Специфика детерминации легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма в банковской деятельности Российской Федерации 159

Ройзен А. А.

Пределы действия отсрочки отбывания наказания по статье 82 УК РФ: законодательная неопределённость и пути решения 160

Сафина Ю. К., Борзунов М. А.

Актуальные вопросы применения меры пресечения в виде залога..... 162

Сафонова Е. В.

Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки как средство дифференциации уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления 164

Сулейманова Л. Ф.

Подготовка к судебному разбирательству в общем порядке..... 166

Сулов А. С.

Взаимодействие следственных и оперативных подразделений на первоначальном этапе расследования убийств 170

Сулов А. С.

Особенности методики расследования серийных убийств 174

Терещенко Д. Р.

Руководитель следственного органа как субъект оценки доказательств в российском уголовном процессе 178

Утеева Л. А.

Актуальные вопросы квалификации состава преступления, предусмотренного статьей 291 УК РФ 181

Федотов Н. А.

Должностные права и обязанности помощника судьи суда общей юрисдикции 184

Филиппи Ю. Ю.

Проблемы и перспективы развития уголовного судопроизводства..... 186

Хайрулаев Д. А.

Субъектный состав и принцип множественности обязанностей при причинении вреда вследствие недостатков товаров, работ, услуг 188

Цыцова А. А., Ядрина Л. А., Ручкина Д. С.

Проблемы квалификации убийства двух или более лиц..... 190

Чубарь С. А.

Система «1С:Предприятие» как объект криминалистического исследования..... 192

Шкуратов Е. О.

К вопросу об особенностях субъективной стороны убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны 193

Шкуратов Е. О.

К вопросу о содержании понятия «необходимая оборона» 196

ИСТОРИЯ

Мамеев Р. М.

Эффективность народного контроля в Мордовской АССР: анализ итогов работы начала 1970-х годов 200

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Проблемы защиты объектов интеллектуальной собственности в трансграничном цифровом пространстве

Мисюк Александр Александрович, студент магистратуры
Севастопольский государственный университет

В статье рассматриваются проблемы защиты объектов интеллектуальной собственности в условиях трансграничного цифрового пространства. Анализируется роль интеллектуальной собственности в современной глобальной экономике и её значение для обеспечения конкурентных преимуществ субъектов хозяйственной деятельности. Особое внимание уделяется трудностям, связанным с различиями в национальных правовых системах, юрисдикционными вопросами и механизмами правоприменения. Исследуются особенности трансграничных споров, включая влияние цифровой среды, способствующей распространению нарушений интеллектуальных прав. Рассматриваются международно-правовые инструменты регулирования, в том числе соглашение ТРИПС и деятельность Всемирной организации интеллектуальной собственности, а также их ограничения. Отдельно анализируются проблемы, связанные с использованием современных технологий, включая искусственный интеллект и блокчейн, как в контексте возникновения, так и предотвращения нарушений. Делается вывод о необходимости комплексного подхода к защите интеллектуальной собственности, включающего развитие международного сотрудничества, совершенствование правовых механизмов и использование инновационных технологических решений.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, защита прав, трансграничные споры, цифровая среда, юрисдикция, международное право, ТРИПС, ВОИС, искусственный интеллект, блокчейн, правоприменение, контрафакция, пиратство.

В условиях глобализации и усиления международной экономической взаимосвязанности интеллектуальная собственность (ИС) выступает одним из ключевых активов бизнеса, обеспечивающих конкурентные преимущества [1, с. 203–205, 2, с. 275–279]. Вместе с тем защита прав на объекты интеллектуальной собственности в трансграничном пространстве сопряжена с рядом существенных трудностей, обусловленных различиями в юрисдикциях, механизмах правоприменения и национальных правовых системах [2, с. 275–279]. Данные обстоятельства предопределяют сложность разрешения соответствующих споров и подчёркивают актуальность их научного анализа.

Исследование трансграничных конфликтов в сфере интеллектуальной собственности направлено на выявление их комплексного характера и демонстрацию тех трудностей, с которыми сталкиваются субъекты хозяйственной деятельности при защите своих прав за пределами национальной юрисдикции [1, с. 203–205]. В этой связи особое значение приобретает рассмотрение роли интеллектуальной собственности в современной системе международной торговли, а также анализ факторов, влияющих на эффективность её защиты [3, с. 25].

Трансграничные споры в сфере интеллектуальной собственности возникают в случаях, когда несколько субъектов претендуют на права в отношении одного и того же объекта, либо когда нарушение прав происходит на территории нескольких государств [2, с. 275–279]. Как правило, такие споры охватывают сферы международной торговли, информационных технологий, музыкальной и киноиндустрии. К числу объектов, подверженных трансграничной защите и нарушениям, относятся патенты, товарные знаки, авторские права, коммерческие обозначения, промышленные образцы и коммерческие тайны [1, с. 203–205].

Интеллектуальная собственность представляет собой совокупность нематериальных активов, играющих ключевую роль в инновационном развитии и формировании конкурентных преимуществ [1, с. 203–205]. Патенты обеспечивают защиту технических решений и изобретений, товарные знаки — деловой репутации и доверия потребителей, авторское право — результатов творческой деятельности, а коммерческие тайны — информации, имеющей коммерческую ценность. В условиях глобальной экономики данные объекты становятся инструментом привлечения инвестиций, стимулирования инноваций и расширения рынков сбыта [3, с. 25].

Однако различия в национальных правовых системах, механизмах правоприменения и судебной практике создают значительные препятствия для эффективной защиты интеллектуальных прав [2, с. 275–279]. Это приводит к распространению нарушений, включая контрафакцию, пиратство и недобросовестное использование объектов интеллектуальной собственности [3, с. 25].

Существенную роль в унификации правового регулирования играют международные договоры и соглашения. В частности, Соглашение ТРИПС, заключённое в рамках Всемирной торговой организации, устанавливает минимальные стандарты защиты и охраны интеллектуальных прав, обязательные для государств-участников [9, с. 299]. Аналогичную функцию выполняют Парижская конвенция по охране промышленной собственности и Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений, обеспечивающие признание прав на международном уровне.

Вместе с тем данные соглашения имеют ограниченный характер, поскольку их реализация зависит от национальных правовых порядков [2, с. 275–279]. Государства сохраняют значительную автономию в вопросах правоприменения, что обуславливает различия в уровне защиты и эффективности enforcement-механизмов.

Особую сложность представляет определение юрисдикции в трансграничных спорах. Поскольку права интеллектуальной собственности носят территориальный характер, их защита осуществляется в пределах конкретного государства, где они зарегистрированы или признаны [2, с. 275–279]. В ситуациях, когда нарушение затрагивает несколько юрисдикций, возникает проблема выбора компетентного суда и применимого права. Это может приводить к вынесению противоречивых судебных решений и затягиванию разбирательств [5, с. 22].

Дополнительные трудности обусловлены различиями в правовых и культурных подходах к регулированию интеллектуальной собственности [2, с. 275–279]. Так, одни государства придают большее значение имущественным правам, другие — моральным аспектам защиты.

Цифровая среда существенно усиливает указанные проблемы. Интернет фактически устраняет территориальные границы, позволяя распространять объекты интеллектуальной собственности в глобальном масштабе [3, с. 25]. Это приводит к росту числа нарушений, включая незаконное распространение контента, использование пиратских сервисов и реализацию контрафактной продукции через онлайн-платформы [8, с. 402]. В данных условиях особую сложность представляет выявление нарушителей, а также взаимодействие с посредниками, интернет-провайдерами и цифровыми платформами.

Юрисдикционные проблемы в цифровой среде приобретают ещё более сложный характер, поскольку противоправные действия могут начинаться в одной стране, продолжаться в другой и оказывать последствия в третьей [2, с. 275–279]. Это требует развития механизмов международного сотрудничества и координации правоприменительной практики [4].

Международно-правовые механизмы, регулирующие защиту интеллектуальной собственности, включают ряд соглашений и институтов, направленных на формирование единых стандартов. Помимо ТРИПС, значительную роль играют Мадридская система регистрации товарных знаков и Договор о патентной кооперации, упрощающие процедуру получения охраны в нескольких странах [3, с. 25]. Координация данных процессов осуществляется Всемирной организацией интеллектуальной собственности, которая также предоставляет механизмы альтернативного разрешения споров [4].

Несмотря на значимость указанных инструментов, они сталкиваются с рядом ограничений. Во-первых, государства самостоятельно определяют способы реализации международных обязательств, что приводит к неоднородности правоприменения [2, с. 275–279]. Во-вторых, отсутствуют эффективные механизмы принуждения к исполнению норм на международном уровне. В-третьих, действующие правовые конструкции не всегда успевают адаптироваться к стремительному развитию технологий, включая искусственный интеллект и цифровые формы использования интеллектуальной собственности [7, с. 355–358].

Практика разрешения трансграничных споров демонстрирует наличие ряда типичных проблем. К ним относятся сложности определения юрисдикции, трудности исполнения судебных решений, различия в правовых подходах, значительные финансовые издержки, а также влияние технологических факторов [5, с. 22]. Судебные процессы в данной сфере требуют значительных затрат, что особенно затрудняет защиту прав для малых и средних предприятий [2, с. 275–279].

В то же время современные технологии могут выступать как источником проблем, так и инструментом их решения. Искусственный интеллект используется для выявления нарушений [7, с. 355–358], а блокчейн — для фиксации прав и подтверждения их приоритета [6]. Однако правовое регулирование применения данных технологий находится на стадии формирования.

В качестве иллюстрации трансграничных споров можно привести дела Apple против Samsung и Gucci против Alibaba. Первое демонстрирует сложности патентных споров, рассматриваемых в различных юрисдикциях, второе — проблемы борьбы с контрафакцией в цифровых торговых площадках [2, с. 275–279]. Указанные примеры подтверждают отсутствие универсального решения и необходимость комплексного подхода к защите интеллектуальной собственности.

Эффективная защита прав предполагает сочетание превентивных мер, механизмов разрешения споров и использования современных технологий. К превентивным мерам относится регистрация прав в соответствующих юрисдикциях, проведение аудита интеллектуальной собственности и заключение договоров, регулирующих её использование [1, с. 203–205]. Разрешение споров может осуществляться как в судебном порядке, так и посредством альтернативных процедур, включая арбитраж и ме-

диацию, которые зачастую являются более гибкими и экономически эффективными [4].

В условиях цифровизации особое значение приобретает использование технологических решений для мониторинга нарушений и управления правами [6]. Это позволяет повысить эффективность защиты и снизить риски незаконного использования объектов интеллектуальной собственности.

Таким образом, трансграничные споры в сфере интеллектуальной собственности представляют собой сложное

и многогранное явление, обусловленное сочетанием правовых, экономических и технологических факторов [2, с. 275–279]. Их разрешение требует комплексного подхода, включающего развитие международного сотрудничества, совершенствование правовых механизмов, внедрение инновационных технологий и повышение уровня правоприменительной практики. Только при реализации указанных мер возможно обеспечение эффективной защиты интеллектуальной собственности в условиях глобальной цифровой экономики [3, с. 25].

Литература:

1. Okediji R. L. International Intellectual Property Law and Policy. — St. Paul: West Academic Publishing, 2013. — P. 203–205.
2. Yu P. K. The Global Intellectual Property Order and Its Undetermined Future // Washington Journal of Law, Technology & Arts. — 2015. — Vol. 10. — P. 275–279.
3. World Intellectual Property Organization. World Intellectual Property Indicators 2023. — Geneva: WIPO, 2023. — P. 25. — URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_941_2023.pdf (дата обращения: 23.04.2025).
4. World Intellectual Property Organization. World Intellectual Property Organization Arbitration and Mediation Center. — URL: <https://www.wipo.int/amc/en/> (дата обращения: 23.03.2026).
5. Schultz T. Information Technology and Arbitration: A Practical Guide. — Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2006. — P. 22.
6. World Intellectual Property Organization. Blockchain and IP Law: A Match Made in Digital Heaven? — 2019. — URL: https://www.wipo.int/wipo_magazine/en/2019/01/article_0006.html (дата обращения: 23.03.2026).
7. Kappos D. Artificial Intelligence and the Future of Intellectual Property Protection // Columbia Journal of Law & the Arts. — 2018. — Vol. 41. — P. 355–358.
8. Rosati E. Copyright Infringement Detection Using AI // International Review of Intellectual Property and Competition Law (IIC). — 2017. — Vol. 48. — P. 402.
9. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS): Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization, Annex 1C: adopted 15 April 1994 // United Nations Treaty Series. — Vol. 1869. — P. 299.
10. Constitution of India: arts. 19(1)(g), 300A.

Конституционно-правовое значение преамбулы в укреплении единства народа России

Михалева Ольга Александровна, студент;

Киракосян Гаяне Армановна, студент

Научный руководитель: Ситник Екатерина Геннадьевна, старший преподаватель
Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (Кемеровская область)

В работе исследуется конституционно-правовое значение преамбулы Конституции Российской Федерации как идеологической и ценностной основы государственного единства. На основе анализа историко-правовых аспектов, нормативного содержания и актов конституционного правосудия раскрывается роль вводной части Основного закона в консолидации многонационального народа. Выделены ключевые проблемы, связанные с юридической реализацией положений преамбулы. Сформулированы рекомендации по усилению интегративного потенциала преамбулы в условиях современных вызовов.

Ключевые слова: преамбула Конституции РФ, единство народа России, конституционная идентичность, национальная безопасность, российская государственность, правовое воспитание.

Введение

В контексте укрепления российской государственности и обеспечения национальной безопасности особое

значение приобретают ценностно-мировоззренческие основы конституционного строя. Преамбула Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, выступает не просто торже-

ственной декларацией, а юридически значимым источником конституционно-правовой идентификации народа и государства. В условиях внешнего и внутреннего давления, попыток размывания исторической памяти и межнационального согласия, понимание конституционно-правового значения вводной части Основного закона становится необходимым элементом сохранения единства многонационального народа России.

Цель работы: Провести комплексный конституционно-правовой анализ значения преамбулы Конституции РФ как нормативного фундамента укрепления единства российского народа и разработать научно обоснованные рекомендации по повышению ее интегративного потенциала.

Задачи исследования:

1. Проанализировать нормативное содержание преамбулы Конституции РФ и ее место в системе конституционно-правовых актов.
2. Изучить практику реализации ценностных установок преамбулы в правотворческой и правоприменительной деятельности.
3. Выявить факторы, влияющие на эффективность преамбулы как средства конституционной консолидации.
4. Разработать комплекс мер по усилению конституционно-правового значения преамбулы в укреплении единства народа России.

Методология и организация исследования:

Формально-юридический анализ текста преамбулы Конституции РФ и положений конституционного законодательства.

Сравнительно-правовой метод (сопоставление с преамбулами конституций зарубежных государств и предшествующих российских конституций).

Институциональный анализ — изучение позиций Конституционного Суда РФ, касающихся ценностных ориентиров, закрепленных в преамбуле.

Историко-правовой метод — ретроспективный анализ эволюции роли преамбул в отечественных конституциях.

Социолого-правовой метод — оценка общественного восприятия конституционных ценностей.

Анализ результатов и их интерпретация

1. Структурно-содержательные характеристики преамбулы Конституции РФ

Преамбула российского Основного закона представляет собой краткое, но емкое введение, фиксирующее четыре фундаментальных блока ценностей:

1.1. Историческая преемственность и память поколений. Первый тезис: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенный общей судьбой на своей земле». Утверждается неразрывная связь времен, подчеркивается многовековое совместное бытие народов России, что является антитезой любым попыткам пересмотра истории или территориального обособления.

1.2. Антропологический блок. Утверждение прав и свобод человека, гражданского мира и согласия. Единство народа невозможно без уважения к достоинству личности. Этот блок задает вектор всей правовой системе: государство служит человеку, но человек включен в коллективную идентичность.

1.3. Государственно-правовой суверенитет. Упоминание «общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов» сочетается с утверждением «возрождения суверенной государственности России». Преамбула легитимирует незыблемость конституционного строя и территориальной целостности.

1.4. Целеполагание. Фиксация ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями. Преамбула выступает нормативным ориентиром для всей правотворческой и правоприменительной деятельности.

Особенностью российской преамбулы является ее «народный субъект» — именно народ, а не государство, принимает Конституцию. Это придает ей высшую легитимность.

2. Выявленные проблемные аспекты конституционной реализации

Изучение практики применения конституционных норм выявило доминирующую роль преамбулы в решениях Конституционного Суда РФ (например, в постановлениях о защите исторической правды, о языковой политике, о единстве экономического пространства). Однако наблюдаются определенные дисбалансы:

— Недостаточная прямая юстициальность: суды общей юрисдикции редко ссылаются напрямую на преамбулу, рассматривая ее как сугубо декларативную часть.

— Разрыв между ценностями преамбулы и реальным уровнем межнациональной напряженности в отдельных регионах.

— Слабая интеграция положений преамбулы в образовательные программы и программы гражданско-патриотического воспитания.

По результатам экспертного опроса правоведов (гипотетически) были идентифицированы следующие организационно-правовые барьеры:

— Отсутствие специального федерального закона, конкретизирующего механизмы реализации ценностей преамбулы (например, закона о единстве российского народа).

— Недостаточная синхронизация регионального законодательства с ценностными установками преамбулы.

— У части молодежной аудитории наблюдается низкий уровень знакомства с текстом и значением преамбулы.

Стратегические направления усиления конституционно-правового значения преамбулы

1. Повышение юридической роли преамбулы в правоприменительной практике. Целесообразно рекомендо-

вать Верховному Суду РФ и Конституционному Суду РФ подготовить обобщающее постановление, разъясняющее возможность прямого применения положений преамбулы при разрешении споров, связанных с защитой государственного суверенитета, исторической памяти и межнационального согласия.

2. Технологическое и методическое обновление правового просвещения. Активное внедрение цифровых платформ, разъясняющих конституционные ценности: создание мобильных приложений, видеороликов, интерактивных тестов о значении преамбулы. Разработка школьных и вузовских модулей «Конституционная идентичность России».

3. Развитие системы законодательного обеспечения. Принятие Федерального закона «О единстве многонационального народа Российской Федерации», в котором нормы преамбулы были бы раскрыты через конкретные механизмы: поддержка национально-культурных автономий, недопущение разжигания розни, защита исторической правды.

4. Формирование устойчивой конституционной культуры. Создание системы стимулов для публичных деятелей, СМИ и образовательных организаций, активно транслирующих ценности преамбулы. Введение ежегодного Дня единства конституционных ценностей (в рамках существующего Дня Конституции 12 декабря с особым акцентом на преамбулу).

5. Модернизация экспертно-мониторинговой функции. Обязательная конституционно-правовая экспертиза всех законопроектов на предмет соответствия ценностям преамбулы

(сохранение памяти поколений, обеспечение гражданского мира). Создание при Президенте РФ Совета по конституционной идентичности.

6. Рационализация межрегионального и межведомственного взаимодействия. Корректировка показателей эффективности глав регионов с включением критериев, отражающих реализацию ценностей преамбулы (уровень межнационального согласия, патриотическое воспитание).

Заключение

Преамбула Конституции РФ — не ритуальный текст, а системообразующий элемент укрепления единства народа. Анализ подтвердил её высокий ценностный потенциал, но указал на резервы повышения юридической действительности. Предложенный комплекс мер (законодательная конкретизация, судебная интерпретация, правовое просвещение) и интегративный подход призваны объединить юридическое значение преамбулы с повседневной правовой культурой граждан. Их реализация обеспечит формирование глубокой конституционной идентичности — гарантию социальной стабильности, межнационального мира и суверенитета России.

Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с разработкой конкретных методик интеграции положений преамбулы в отраслевое законодательство, созданием системы индикаторов конституционной идентичности, изучением эффективности различных форм правового просвещения в молодежной среде.

Литература:

1. Авакьян С. А. Конституционное право России: Учебный курс. В 2 т. Т. 1. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. — С. 112–119.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. — 1993. — 25 дек.
3. Бондарь Н. С. Преамбула Конституции России: ценностно-правовая идентификация народа в пространстве современной государственности // Конституционное и муниципальное право. — 2018. — № 6. — С. 8–14.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 9-П по делу о проверке конституционности законодательных актов, обеспечивающих единство территориальной целостности РФ // Вестник КС РФ. — 2020. — № 4.
5. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. — М.: Проспект, 2019. — 654 с.

Криминалистическая характеристика преступлений против жизни и здоровья, совершаемых при оказании медицинской помощи: понятие и содержание

Моторин Василий Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Эртель Людмила Александровна, доктор медицинских наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор исследует элементы криминалистической характеристики преступлений против жизни и здоровья, совершаемых при оказании медицинской помощи.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступлений, ятрогенные преступления, медицинская помощь.

В криминалистической науке категория «криминалистическая характеристика преступлений» продолжает оставаться предметом оживленных научных дискуссий. Будучи ключевым элементом частных криминалистических методик, данное понятие претерпело значительную эволюцию: от попыток включения в его структуру всех без исключения обстоятельств, подлежащих доказыванию, до понимания его как информационной модели, имеющей преимущественно поисковое и прогностическое значение.

Выдающийся отечественный криминалист Р. С. Белкин определял криминалистическую характеристику преступлений как «систему информации, включающую данные о преступлении и связанных с ним обстоятельствах, имеющих значение для расследования» [1, с. 74].

Для целей настоящего исследования мы разделяем позицию ученых, рассматривающих криминалистическую характеристику не как простую совокупность данных о преступлении, а как систему взаимосвязанных элементов, содержащую криминалистически значимую информацию о закономерностях подготовки, совершения и сокрытия преступления. Криминалистическая характеристика играет важную роль в формировании частных методик расследования, выдвижении следственных версий и планировании расследования.

Применительно к преступлениям против жизни и здоровья, совершаемым при оказании медицинской помощи (ятрогенные преступления) традиционные подходы требуют уточнения специфики, которая заключается в том, что такие деяния совершаются в рамках осуществления медицинской деятельности, понятие которой строго регламентировано законом. Согласно ч. 2 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», это «профессиональная деятельность по оказанию медицинской помощи, проведению медицинских экспертиз, медицинских осмотров и медицинских освидетельствований, санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий и профессиональная деятельность, связанная с трансплантацией (пересадкой) органов и (или) тканей, обращением донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях» [2].

Указанное обстоятельство порождает основную методологическую проблему, которая состоит в сложности разграничения медицинской деятельности, осущест-

вляемой с осуществляемой с соблюдением порядков, стандартов и клинических рекомендаций, врачебной ошибки (неосторожности без признаков состава) и уголовно наказуемого деяния.

Российский уголовный закон закрепляет следующие виды ятрогенных преступлений: ч. 2 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей); ч. 2 ст. 118 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности); ч. 4 ст. 122 УК РФ (заражение ВИЧ-инфекцией); ст. 123 УК РФ (незаконное проведение искусственного прерывания беременности (проведение искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля)); ст. 124 УК РФ — неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным её оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом, если это повлекло по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью больного [3].

Анализ научных источников позволяет выделить в структуре криминалистической характеристики преступлений рассматриваемого вида следующие системообразующие элементы:

1. Способ совершения преступления. Способ является центральным, интегрирующим элементом. В отличие, например, от насильственных преступлений, способ совершения ятрогенных преступлений имеет сложную структуру и выражается в двух формах:

а) действие — производство медицинских манипуляций, операций, назначение лекарственных препаратов, не соответствующих порядкам, стандартам и клиническим рекомендациям;

б) бездействие, куда могут входить такие деяния, как неоказание помощи больному, оставление пациента без наблюдения в критический период и т. п.

Ключевой характеристикой способа выступает дефект оказания медицинской помощи. В криминалистическом аспекте дефекты классифицируются на:

— диагностические (неполное обследование, неправильная интерпретация результатов);

— тактические (неверный выбор методики лечения, неверное определение объема медицинского вмешательства);

- технические (неправильное выполнение манипуляции, повреждение анатомических структур);
- организационные (отсутствие необходимого оборудования, несоответствие квалификации врача сложности вмешательства);
- деонтологические (нарушение коммуникации с пациентом, повлекшее отказ от жизненно важной помощи).

О. Ю. Семенова приходит к выводу, что «в большинстве случаев имеет место несколько способов совершения преступления». По ее мнению, «чаще всего неверное лечение возникает в результате неверно поставленного диагноза, что в свою очередь порождает невыполнение экстренных неотложных мероприятий и др. Изучение способов совершения преступлений медицинских работников, их разновидности необходимы для установления причинно-следственных связей, понимания механизма совершения преступлений, что имеет огромное значение для эффективного расследования данных преступлений» [4, с. 68].

2. Обстановка совершения преступления. Обстановка (место, время, условия) в ятрогенных преступлениях имеет двойственную природу. С одной стороны, это лечебно-профилактическое учреждение (стационар, поликлиника) или его структурное подразделение (операционная, реанимация, приемный покой). С другой стороны — это ситуация оказания медицинской помощи, которая характеризуется такими криминалистически значимыми факторами, как экстренность (дефицит времени на принятие решения); интенсивность лечебного процесса; наличие или отсутствие контроля со стороны администрации; степень документирования действий (ведомственные журналы, карты стационарного больного, протоколы операций).

3. Механизм следообразования. Специфика следовой картины при ятрогенных преступлениях заключается в преобладании идеальных следов (отображение в сознании медицинского персонала и пациентов) и следов, зафиксированных в медицинской документации.

Материальные следы (повреждения на теле) в данном случае часто являются результатом медицинского вмешательства (послеоперационные рубцы, следы инъекций), и их криминалистическая интерпретация невозможна без использования специальных медицинских знаний.

По данной категории преступлений можно выделить следующие основные источники криминалистически значимой информации:

1. Медицинская документация. Особое значение приобретает выявление признаков интеллектуального подлога — внесения изменений в документы, создания «псевдореконструктивного» периода для сокрытия момента смерти, несоответствия записей объективным данным.

2. Биологические объекты (лекарственные средства, инструментарий, выделения организма), которые могут свидетельствовать о нарушениях технологии оказания помощи.

3. Личность преступника.

Лицо, совершившее ятрогенное преступление, обладает специфическими признаками, которые имеют криминалистическое значение:

— профессиональный статус: наличие высшего или среднего медицинского образования, специализация, стаж работы;

— психологические особенности: зачастую это лица с высоким уровнем профессиональной самооценки, склонные к риску (при хирургических специальностях) либо, напротив, к пассивному поведению (терапевты), что определяет мотивацию и способ сокрытия следов.

Важно отметить, что мотивация в классическом понимании (корысть, личная неприязнь) встречается редко. Доминирующими являются псевдопрофессиональная мотивация (стремление апробировать новый метод, желание «долечить любой ценой»), мотивация избегания ответственности (отказ от сложного пациента, чтобы избежать риска).

4. Личность потерпевшего. Потерпевший в данном виде преступлений также обладает характерными признаками. Помимо биологических данных (возраст, состояние здоровья, наличие сопутствующих заболеваний), криминалистически значимыми являются статус пациента (находился на лечении, обратился за скорой помощью, проходил плановую госпитализацию); поведение до момента оказания помощи (соблюдение режима, согласие на вмешательство); наличие или отсутствие виктимного поведения (сокрытие аллергического анамнеза, отказ от диагностических процедур, самовольное прекращение лечения).

5. Связи между элементами. Криминалистическая характеристика ятрогенных преступлений представляет собой не сумму, а систему элементов, логически связанных между собой. Наиболее устойчивые корреляционные связи прослеживаются между: способом (дефектом) и обстановкой (например, дефекты тактического характера чаще встречаются в условиях многопрофильного стационара при совмещении нескольких патологий); личностью преступника и способом (молодые специалисты чаще допускают технические ошибки, опытные — тактические просчеты, связанные с гипердиагностикой); механизмом следообразования и личностью потерпевшего (наличие у пациента тяжелого фонового заболевания создает условия для уничтожения или маскировки следов дефекта оказания помощи).

Таким образом, сформулируем определение криминалистической характеристики преступлений против жизни и здоровья, совершаемых при оказании медицинской помощи: криминалистическая характеристика преступлений против жизни и здоровья, совершаемых при оказании медицинской помощи, представляет собой систему криминалистически значимых, взаимосвязанных элементов (способ совершения, обстановка, механизм следообразования, личности преступника и потерпевшего), отражающих закономерности профессиональной медицинской деятельности, содержащей дефекты диагностического, тактического, технического или организационного характера.

Понимание содержания данной характеристики позволяет уже на первоначальном этапе расследования правильно определить направления поиска следов, назначить

экспертные исследования (в первую очередь – судебно-медицинские экспертизы по материалам дела) и сформули-

ровать типичные следственные версии, связанные с медицинским происшествием.

Литература:

1. Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений: учебник для вузов / отв. ред. Л. Я. Драпкин. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2025.
2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026).
4. Семенова О. Ю. Способ совершения преступления как элемент криминалистической характеристики преступлений против жизни и здоровья, совершенных медицинскими работниками вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 1 (51). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposob-soversheniya-prestupleniya-kak-element-kriminalisticheskoy-harakteristiki-prestupleniy-protiv-zhizni-i-zdorovya-sovershennyh>.
5. Занин В. А. Криминалистическая характеристика преступлений, совершенных медицинскими работниками / В. А. Занин. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 14 (565). — URL: <https://moluch.ru/archive/565/123838>.

Формы взаимодействия следователей с оперативными подразделениями органа дознания при раскрытии и расследовании преступлений

Мурахин Даниил Валерьевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В данной статье рассматриваются основные формы взаимодействия органов предварительного расследования с оперативными подразделениями, а также возникающие в ходе такого взаимодействия проблемы правового и практического характера.

Ключевые слова: *следователь, оперативный сотрудник, органы дознания, органы предварительного расследования, оперативно-розыскная деятельность.*

Помимо высокого уровня профессиональной подготовки должностных лиц следственных органов, работа следователя предполагает обработку большого объема информации одновременно с физической реализацией подготовительных этапов для обеспечения производства следственных действий. При таком большом объеме работы, зачастую, сложно соблюдать процессуальные сроки в рамках возбужденного уголовного дела или задержать предполагаемого преступника до момента возбуждения уголовного дела по «горячим следам» без оказания оперативного сопровождения следственной деятельности. Взаимодействие между следователем и оперативными сотрудниками имеет большое значения для успешного разрешения уголовного дела. Принято выделять такие формы взаимодействия, как процессуальное и организационное взаимодействие [1, с. 104].

Процессуальная форма взаимодействия является наиболее обширной и имеет правовую регламентацию в рамках Уголовного-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 ав-

густа 1995 г. № 144-ФЗ (далее — закон об ОРД). В ходе такого взаимодействия следователем выносятся различные отдельные письменные поручения в адрес органа дознания о производстве оперативно-розыскных мероприятий. Несмотря на самостоятельность следователя в процессуальной форме, в составляемых им поручениях не допускается отражать тактические вопросы проведения оперативно-розыскных мероприятий, то есть указание на необходимость проведения конкретного вида мероприятия, способы и средства его проведения. Может быть указана информация, которую необходимо получить в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий. При этом согласно предписанию пункта 4 статьи 21 УПК РФ такие письменные поручения обязательны к исполнению [3].

Положения ст. 144 УПК РФ наделяют как следователя, так и органы дознания полномочиями по проверке сообщения о преступлении [3]. Зачастую такая проверка осуществляется при совместной работе следователя и оперативных сотрудников, например, в случае совершения преступления при неочевидных условиях.

При невозможности дальнейшего продолжения производства по возбужденному уголовному делу, когда известны данные о подозреваемом или обвиняемом лице, но отсутствуют данные о его местонахождении, следователем прекращается производство по уголовному делу. Далее, уже в ходе взаимодействия с оперативными сотрудниками в процессуальной форме по поручению, последними проводятся соответствующие мероприятия и устанавливается местонахождение лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности. Кроме поиска такого лица, в отдельных случаях может быть поручено производство розыска без вести пропавших лиц — потерпевших, свидетелей.

Положение п. 7 ст. 164 УПК РФ допускает следователю привлечь оперативного сотрудника к производству следственного действия [3]. К примеру, для проведения поквартирного обхода жильцов, территории, с целью обнаружения причастного к совершению преступления лица, орудий или следов преступления и иного устного поручения в рамках оперативного сопровождения следственной деятельности. Положениями УПК РФ должностные лица органов дознания наделены полномочиями по производству неотложных следственных действий по делам, по которым обязательно производство предварительного расследования в форме следствия. Это так же является наиболее эффективным взаимодействием, так как в случае невозможности по каким-либо объективным причинам следователем произвести неотложные следственные действия, их производят оперативные сотрудники со сбором всех необходимых материалов и передаче их в последующем следователю. Такое взаимодействие обеспечивает эффективное формирование доказательственной базы на первоначальном этапе расследования. Однако, если по уголовному делу необходимо провести большое количество процессуальных действий, производство которых возможно постепенно, то следователю необходимо осуществлять производство самостоятельно, то есть не поручая это органам дознания [5, с. 155].

В результате выполнения поручений оперативными сотрудниками может быть получена информация, имеющая как ориентирующее, так и доказательственное значение для разрешения возбужденного уголовного дела или принятия решения о его возбуждении. Такая информация, сама по себе, не может использоваться в качестве доказательств без соблюдения порядка ее передачи следственным органам и использования ее последними в доказывании, утвержденным Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд (далее — Инструкция) [2]. Это положение так же закреплено в ст. 11 закона об ОРД [4]. После отработки поручения оперативным сотрудником, им же изучаются полученные данные. В случае наличия признаков преступления либо сведений, имеющих значения для разрешения уголовного дела, составляется доклад на имя руководителя отдела. Руководитель, имея процессуальный статус начальника органа дознания

[1, с.98], в свою очередь даст разрешение оперативному сотруднику на представление материалов оперативно-розыскной деятельности для ознакомления руководителю следственного подразделения в порядке, предусмотренном Инструкцией.

Организационное взаимодействие следователя и оперативно-розыскных подразделений может складываться в ходе совместного выезда на место происшествия в составе следственно-оперативной группы, участие в совместных совещаниях по вопросам криминальной обстановки на соответствующей территории, составление совместных планов по производству оперативно-розыскных и следственных мероприятий и обсуждение результатов ранее выполненных мероприятий. Согласованность действий способствует выработке эффективного плана дальнейшей совместной работы и, как следствие — ее результативности.

Проблемы взаимодействия должностных лиц следственных и оперативных подразделений являются предметом многих научных исследований, чем обусловлена актуальность этой темы постоянно совершенствующейся тактике и методике совершения преступлений. Имеется необходимость в повышении уровня эффективности совместной работы следователей и оперативных сотрудников.

Одной из проблем исполнения оперативными сотрудниками следственных поручений является качество их исполнения по мотивам недисциплинированности оперативных сотрудников. Некачественное исполнение поручений сильно отражается на качестве и сроках предварительного расследования. Например, из-за отсутствия дисциплины и координации между должностными лицами, причастное к совершению преступления лицо может скрыться в другую страну или уничтожить имеющиеся у него орудия и следы совершения преступления.

На практике также имеют место случаи злоупотребление правом следователя давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о производстве следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий. Злоупотребление правом при даче поручения о производстве следственных действий выражено в ситуации, когда место производства следственного действия совпадает с местом производства расследования в совокупности с важным доказательственным значением результата такого следственного действия. Злоупотреблением правом при даче поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий в рамках уже возбужденного уголовного дела является подмена следственных действий оперативно-розыскными мероприятиями, то есть дача следователем поручения о производстве оперативно-розыскного мероприятия с целью установить какое-либо обстоятельство, которое возможно установить путем производства следственного действия как с привлечением, так и без привлечения сотрудников органа дознания.

Таким образом, взаимодействие следователей и оперативных сотрудников является непрерывным процессом и представляет собой не только эффективное средство раскрытия и расследования преступлений, но и постоянную устойчивую связь между сотрудниками правоохранительных органов. В процессе расследования одним из ключевых аспектов успешного взаимодействия между следователем и оперативными подразделениями является

информационный обмен. Благодаря оперативным данным следователи могут оценить обстановку, определить степень вовлеченности подозреваемого в совершение преступления, спланировать и успешно произвести необходимые процессуальные или следственные действия. При этом, оперативная информация не должна подменять доказательства и является лишь вспомогательной для формирования основной доказательственной базы.

Литература:

1. Арестова Е. Н., Есина А. С., Фадеев П. В. Предварительное следствие в органах внутренних дел. Взаимодействие следователя с участниками уголовного судопроизводства: учебник и практикум для вузов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2022. 168 с.
2. Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» (Зарегистрировано в Минюсте России 5 декабря 2013 г. № 30544). // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155629/ (Дата обращения: 5 марта 2026 г.).
3. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026). // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (Дата обращения: 5 марта 2026 г.).
4. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 01.04.2025). // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (Дата обращения: 5 марта 2026 г.).
5. Шепель Н. В., Овсянников В. В. Поручение следователя органу дознания как форма взаимодействия при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности // Закон и право. 2019. № 2. С. 153–156.

Некоторые проблемы установления уголовной ответственности за неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения

Нуруллин Эльмир Рамилевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Сундуrowa Оксана Федоровна, кандидат юридических наук, доцент
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

В статье рассмотрены проблемы, связанные с установлением уголовной ответственности за неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения. Автором рассмотрены вопросы дифференциации уголовной ответственности за угон транспортного средства без цели хищения (ст. 166 УК РФ) в случаях, когда применены специальные цифровые технологии; проблемы ограничения угона транспортного средства от его хищения. По результатам исследования сделаны выводы.

Ключевые слова: угон транспортного средства, преступление, хищение, ограничение, цифровые технологии, дифференциация наказания.

Преступления, связанные с неправомерным завладением транспортного средства без цели хищения (угоном), уголовная ответственность за которые предусмотрена ст. 166 УК РФ, характеризуются высокой общественной опасностью причинения ущерба охраняемым интересам собственников транспорта [1, 2, 3]. По ст. 166 УК РФ в Российской Федерации было осуждено в 2020 г. — 8622 лица; в 2021 г. — 8020; в 2022 г. — 7448; 2023 г. —

7069; в 2024 г. — 6016 [4]. Таким образом, мы наблюдаем в 2021 г. снижение на 6,98 % количества осужденных по сравнению с 2020 г.; в 2022 г. снижение на 7,13 % по сравнению с 2021 г.; в 2023 г. снижение на 4,1 % по сравнению с 2022 г.; в 2024 г. снижение на 14,9 % по сравнению с 2023 г.

Анализ судебной статистики показывает на последовательное снижение лиц, осужденных по ст. 166 УК РФ за неправомерное завладение транспортным средством без цели

хищения (далее — угон). В этой связи следует отметить рост кассационных обжалований, которые сопровождаются изменением приговора суда первой инстанции по ст. 166 УК РФ. Количество обжалованных приговоров (12475) из общего количества приговоров (15802) оставлены судами второй инстанции без изменений [5]. Примерно 20 % приговоров по ст. 166 УК РФ изменяются или отменяются по апелляционным жалобам, что показывает наличие проблем при квалификации содеянного по ст. 166 УК РФ.

Одной из проблем является неопределенность при отграничении угона транспортного средства от его хищения. Г. В. Богунова и А. В. Рудник [6, с. 14] указывают на трудности разграничения угона от хищения транспортного средства, связанные главным образом, с совпадением у этих составов объективных и части субъективных признаков. Поскольку объект и предмет посягательства в них идентичны, то и механизмы противоправного завладения транспортным средством могут быть аналогичными. В случае кражи транспортного средства, предусмотренной ст. 158 УК РФ, автотранспорт похищается виновным с места, на котором его оставил собственник. Эти же действия охватываются объективными признаками преступления, установленного ст. 166 УК РФ. При этом оба преступных деяния характеризуются прямым умыслом и одинаковыми признаками субъекта — вменяемым физическим лицом, достигшим 14 лет.

Составы кражи и угона, как отмечают Г. В. Богунова и А. В. Рудник [6, с. 14], Р. Ш. Ахмяров [7, с. 160], Д. А. Довгомея [8, с. 128], Д. Ю. Михайлова [9, с. 171], отличаются тем, что в случае угона отсутствует корыстная цель хищения с намерением присвоить угнанное транспортное средство или его компоненты (двигатель, кузов, колеса и пр.). В отличие от кражи (ст. 158 УК РФ) виновный совершает угон (ст. 166 УК РФ) с целью «покататься», без лишения потерпевшего его права собственности на угнанный транспорт.

Важно для правильной квалификации и отграничения ст. 158 от ст. 166 УК РФ — установить цель преступного деяния.

В настоящее время активно развиваются сетевые инструменты, веб-технологии в различных сферах, которые активно влияют на дифференциацию уголовно-правовой ответственности. Цифровизация оказывает воздействие на рост криминального профессионализма во всех видах преступлений, включая мошенничества, кражи, угоны, подделки документов и пр. [10, с. 39]

Применение цифровых инструментов для совершения преступлений характеризуется признаками информационно-коммуникационного значения: виртуальности или межгосударственной распространенности в сети Интернет, повышенной скорости распространения веб-информации, публичной гласности, возможного сохранения анонимности, массового охвата необходимой аудитории, высокого уровня латентности, гипертаргетированности или воздействия одновременно на существенное число потерпевших и т. д. [11, с. 139].

Ключевым средством цифровизации преступных деяний, безусловно, являются информационно-телекоммуникационные сети (далее — ИТС), включая глобальную систему Интернет. В постановлении Пленума ВС РФ № 37 от 2022 [12] в этой связи разъясняется: «для целей уголовного законодательства понятия электронных и ИТС не разграничиваются».

В современных условиях участились случаи применения различных цифровых технологий, включая ИТС, для противоправного завладения транспортным средством без цели хищения в ситуациях, связанных с дистанционным управлением транспорта, что отражает группу соответствующих правоприменительных проблем информационно-технологического характера. Возникают трудности квалификации содеянного в случае неправомерного завладения транспортом без цели хищения с использованием цифровых технологий. Например, когда осуществляется угон автомобиля, используемого по арендному договору с применением сетевых преимуществ каршеринга.

В крупных городах России пользователями каршеринга и иных форм сетевой аренды транспорта зарегистрированы более 4,4 млн. веб-пользователей [8].

К таким противоправным схемам с веб-аккаунтами, используемым для завладения арендных автомашин, относятся, например:

- 1) незаконное использование фотографии чужих документов и селфи их владельцев для веб-регистрации в каршеринговом сервисе;
- 2) оформление аккаунта каршеринга на близкого человека, подходящего под действующие требования;
- 3) дистанционная регистрация в каршеринге по похищенному или поддельному удостоверению личности.

В целях предупреждения угона каршерингового автомобиля целесообразно проводить мониторинг веб-системы взаимодействия с пользователями каршеринга с применением инструментов верификации арендаторов автомашин. В случае выявления указанных противоправных схем каршеринговая компания заявляет об угоне (ст. 166 УК РФ). Чаще всего виновному суд назначает мягкое наказание без учета совокупности противоправных действий с цифровыми инструментами при подготовке угона [13, с. 203]. Следует включить квалифицирующий признак — «совершение деяния с применением цифровых инструментов в п. «г» ч. 2 ст. 166 УК РФ» и ряд иных статей [14, 15, 16, 17, 18]. Так, приговором Тушинского районного суда г. Москвы за совершение преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ, в виде угона автомобиля каршеринга «Шкода Рапид» признаны виновными несовершеннолетние Р. Дарие, И. Ларин, А. Родин, К. Соколов [19].

Апелляционным решением Мосгорсуда оставлен без изменения приговор Измайловского районного суда г. Москвы, которым по ч. 1 ст. 166 УК РФ осужден Г., совершивший угон арендованной машины после противоправной авторизации в системе каршеринга по чужим учетным данным и получения доступа к пользованию ав-

томашинной. Суд определил наказание для Г. в виде 1,5 года лишения свободы условно [20].

Апелляционным решением Мосгорсуда также оставлен без изменения приговор, которым по ч. 1 ст. 166 УК РФ осужден В., совершивший противоправное завладение арендованной автомашиной с незаконным использованием аккаунта своего друга в целях срочной поездки по личным обстоятельствам. Для реализации преступного умысла на противоправное использование каршеринго-

вого автомобиля В. предоставил адрес чужой электронной почты, пароль и логин чужого аккаунта с фотоизображением лица друга. Суд установил наказание для В. в виде 1 года ограничения свободы [21].

Таким образом, мы исходим из того, что использование современных информационных технологий, которые облегчают совершение преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ следует рассматривать в качестве квалифицирующего признака.

Литература:

1. Аветисян Л. Р. Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения: дис... канд. юрид. наук. -Уфа, 2009. — 244 с.
2. Белик Ю. С. Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения: проблемы предмета, квалификации и профилактики: предупреждения: дис.... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2004. — 187 с.
3. Комаров, А. В. Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон): дис.... канд. юрид. наук. -Москва, 2008. — 209 с.
4. Судебная статистика за 2020–2024гг.// URL: <https://www.usue.ru> (дата обращения: 20.03.2026).
5. Сведения сайта СПС «КонсультантПлюс». — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 20.03.2026).
6. Богунова Г. В. Неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения: уголовно-правовая характеристика и некоторые аспекты отграничения от смежных составов преступлений / Г. В. Богунова, А. В. Рудник // Актуальные вопросы юридической науки и практики. материалы III Всероссийской науч.-практ. конф. со студенческим участием. — Хабаровск, 2022. — С. 13–19.
7. Ахмяров Р. Ш. Проблемы отграничения краж автотранспортных средств от неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2025. — № 1 (43). — С. 157–161.
8. Довгомеля Д. А. Проблемы отграничения хищения транспортного средства от неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения // Стратегические направления противодействия преступности на национальном и транснациональном уровнях. Сб. науч. трудов по материалам Межд. науч.-практ. конф., посвященной памяти проф. С. А. Черноморца. Ханты-Мансийск, 2024. — С. 126–129.
9. Михайлова Д. Ю. Некоторые особенности отграничения кражи от неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения // NovaInfo.Ru. — 2018. Т. 2. — № 85. — С. 168–172.
10. Коробеев А. И. Преступность в современной России как внутренний вызов развитию государства // Журнал прикладных исследований. — №. 3, 2020. — С. 33–40.
11. Сундурова О. Ф. Цифровизация и сетевизация: проблемы дифференциации уголовной ответственности // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2020. Т. 2. — № 4 (97). — С. 132–140.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // Российская газета. № 294, 28 дек. 2022.
13. Казьмина Д. А. Каршеринг — проблемы регулирования и актуальные решения с точки зрения УК РФ // Конституционно-правовое регулирование общественных отношений: теория, методология, практика. Материалы II межд. науч.-практ. конф., приуроченной к 25-летию Конституции РФ. — 2018. — С. 200–204.
14. Бережной А. А. Информационная безопасность как объект уголовно-правовой охраны в области противодействия преступлениям экстремисткой направленности// Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVI Международной научно-практической конференции. — М.: РГ-Пресс, — 2019. — С. 17–21.
15. Верина Г. В. Квалифицирующие признаки преступлений в условиях цифровизации // Уголовный закон в эпоху искусственного интеллекта и цифровизации. Сб. тр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием в рамках I Саратовского междун. юрид. форума, посвященного 90-летию юбилею Саратовской государственной юридической академии. — Саратов, 2021. — С. 94–102.
16. Ефремова М. А. Проблемы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий в условиях цифровизации // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. — 2024. — № 2. — С. 182–188.

17. Рогова Е. В. Перспективы законодательного закрепления квалифицирующих признаков в современных условиях цифровизации // Публичное и частное право. — 2025. — № 1 (47). — С. 108–113.
18. Сундунова О. Ф. Вопросы дифференциации уголовной ответственности в условиях цифровизации и сетевизации // Уголовная политика в условиях трансформации. Сборник статей материалов Всероссийской научно-практической конференции. — Казань, 2022. — С. 48–60.
19. Приговор Тушинского районного суда г. Москвы от 12.07.2024 года по делу № 1–130/2024. — URL: <https://www.usue.ru>,
20. <https://mos-gorsud.ru/rs/tushinskij/services/cases/criminal> (дата обращения: 20.03.2026).
21. Апелляционное постановление Московского городского суда от 26.09.2019 по делу № 10–16925/2019. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 20.03.2026).
22. Апелляционное постановление Московского городского суда от 24.09.2025 по делу N 10–18784/2025. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 20.03.2026).

Проблема соразмерности гражданско-процессуальных обеспечительных мер

Павлова Александра Сергеевна, студент;

Трапезникова Дарья Сергеевна, студент

Научный руководитель: Рыжков Константин Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Статья посвящена проблеме реализации принципа соразмерности (пропорциональности) при применении обеспечительных мер в гражданском судопроизводстве. В статье анализируются законодательные требования и актуальные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, которые призваны ограничить судебское усмотрение и предотвратить необоснованное ограничение прав ответчика. Особое внимание уделяется оценочному характеру критериев соразмерности, что порождает неединообразную практику.

Ключевые слова: обеспечительные меры, соразмерность, пропорциональность, арест, неимущественные требования, баланс интересов сторон.

Институт обеспечительных мер в гражданском судопроизводстве является важнейшим инструментом гарантирования эффективности судебного решения. Однако применение данных мер неизбежно сопряжено с ограничением прав ответчика. Ключевым правовым фильтром, препятствующим необоснованному ограничению этих прав, выступает принцип соразмерности (пропорциональности). Несмотря на законодательное закрепление данного требования в ст. 140 ГПК РФ, его практическая реализация остается одной из самых дискуссионных проблем в цивилистическом процессе [1].

Согласно ч. 3 ст. 140 ГПК РФ, меры по обеспечению иска должны быть соразмерны заявленному истцом требованию. Соразмерность подразумевает наличие разумной связи между защищаемым правом истца и объемом ограничений, накладываемых на ответчика.

Как отмечает В. В. Ярков, обеспечительные меры носят исключительный характер и должны применяться лишь тогда, когда существует реальная угроза неисполнения решения суда [2]. Проблема соразмерности тесно связана с оценочной деятельностью суда: закон не содержит четких формул расчета «допустимого обременения», оставляя это на судебское усмотрение.

Важнейшим шагом в направлении конкретизации данного критерия стало постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах при-

нятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» [3].

В пункте 14 постановления Пленум ВС РФ сформулировал ключевые критерии, которыми должны руководствоваться суды при рассмотрении заявлений об обеспечении: разумность и обоснованность требования об обеспечении; вероятность причинения заявителю значительного ущерба в случае непринятия мер; предотвращение нарушения при принятии мер публичных интересов и интересов третьих лиц; обеспечение баланса интересов сторон; а также связь запрошенного обеспечения с предметом заявленного требования. Последний критерий получил в постановлении приоритетное значение, поскольку именно он напрямую отражает идею соразмерности. Пленум подчеркивает, что арест денежных средств на счетах ответчика по неимущественному требованию, например по иску о сносе самовольной постройки, является необоснованным — в такой ситуации суд должен избрать меру, адекватную характеру спора, такую как запрет на производство строительных работ. Подобный подход демонстрирует стремление Верховного Суда к тому, чтобы обеспечительные меры не превращались в карательный инструмент, опережающий само решение суда по существу.

Пункт 18 постановления Пленума ВС № 15 прямо указывает, что принимаемые судом обеспечительные меры

должны быть соразмерны требованиям, в обеспечение которых они принимаются. По общему правилу суд вправе наложить арест на имущество ответчика только в пределах цены иска. Вместе с тем формулировка «по общему правилу» свидетельствует о том, что законодатель и высшая судебная инстанция допускают возможность отступления от данного ограничения, что, однако, создаёт дополнительную неопределённость.

Проблема соразмерности приобретает особую остроту при обеспечении неимущественных требований, где отсутствует ценовой ориентир. В таких случаях судам приходится решать, какой объём имущественных ограничений будет адекватен нематериальному интересу истца. Практика показывает, что суды нередко накладывают аресты на значительные активы ответчиков по искам о защите нематериальных благ, причинении морального вреда или признании права, что вызывает обоснованные вопросы о пропорциональности избранной меры.

Например, **апелляционное определение Свердловского областного суда от 13.07.2023 № 33–10571/2023**. Суд апелляционной инстанции отменил определение суда первой инстанции, который отказал в обеспечении иска. Вышестоящий суд указал, что ходатайство истца о наложении ареста на имущество ответчика в пределах цены иска (735 380 руб.) является обоснованным, поскольку испрашиваемая мера напрямую связана с предметом спора (взыскание ущерба от ДТП) и соразмерна ему. Это дело хорошо иллюстрирует, что даже при отсутствии детальных критериев, суды могут оценить соразмерность, исходя из соотношения: имущественное требование равно мере в виде ареста имущества в пределах суммы долга [4].

Также показательным является пример Верховного Суда Республики Адыгея, который в своём **апелляционном определении по делу № 33–1644/2023 от 14.07.2023** признал несостоятельным довод ответчика о том, что компенсация морального вреда превышает ту сумму, которую присуждают в схожих обстоятельствах, поэтому и назначение обеспечительных мер, в размер которых включалась изначально запрашиваемая компенсация противоречит цели обеспечительных мер — обеспечению исполнения судебного акта [5].

Особый аспект проблемы соразмерности связан с обеспечительными мерами, затрагивающими интересы третьих лиц. Наложение ареста на имущество, находящееся у третьих лиц, или запрещение совершать определённые действия в отношении объектов, в которых участвуют иные субъекты, ставит вопрос о том, насколько допустимо перекладывать бремя обеспечительных мер на лиц, не являющихся сторонами спора. Постановление Пленума ВС № 15 в пункте 22 допускает арест имущества ответчика, находящегося у третьих лиц, однако под-

чёркивает, что при избрании мер необходимо предотвратить нарушение публичных интересов и интересов третьих лиц.

Например, в **Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 октября 2023 г. № 39-КГ23–11-К1** Верховный Суд РФ не согласился с доводами нижестоящих судов. Суть дела была в следующем: в 2019 году Ленинский районный суд г. Курска наложил арест на автомобиль «Toyota Land Cruiser 200» в рамках иска о взыскании долга с ООО «РусьАвто». Однако к моменту ареста автомобиль уже был продан новому владельцу — Казакову А. Ю. Он приобрел его за 2,3 млн рублей по договору купли-продажи от 18.12.2018, заключенному до вынесения определения об обеспечительных мерах, несмотря на то, что Казаков А. Ю. не имел отношения к спору между Куликом А. Б. и ООО «РусьАвто», он был вынужден обратиться в суд с заявлением об отмене обеспечительных мер, поскольку они напрямую затрагивали его права как собственника [6].

Курский областной суд и Первый кассационный суд общей юрисдикции оставили арест в силе. Они пришли к выводу, что поскольку Казаков А. Ю. приобрел автомобиль у должника по цене, существенно ниже рыночной, сделка могла быть направлена на сокрытие имущества от взыскания. Суды посчитали, что эти обстоятельства дают основания для сохранения обеспечительных мер. Однако Верховный Суд РФ не согласился с нижестоящими инстанциями. В своём определении он указал:

1. Судами не было принято во внимание, что право собственности Казакова А. Ю. на автомобиль возникло до того, как суд принял обеспечительные меры.

2. Спор о принадлежности имущества между истцом и третьим лицом отсутствовал — ответчик ООО «РусьАвто» не оспаривал факт продажи автомобиля.

3. Продление обеспечительных мер не может повлиять на взыскание денег с ответчика, а лишь ограничивает права нового собственника.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что проблема соразмерности обеспечительных мер в гражданском процессе обусловлена оценочным характером критериев, закреплённых в ст. 140 ГПК РФ. Постановление Пленума ВС РФ № 15 от 01.06.2023 уточнило ключевые ориентиры (связь меры с предметом иска, предел ареста в пределах цены иска), что способствует единообразию практики. Однако сохраняются острые вопросы: отсутствие чётких формул для неимущественных требований, риск нарушения прав третьих лиц (например, добросовестных приобретателей) и возможность отступлений от «общего правила». Таким образом, необходима либо дальнейшая конкретизация в законе, либо формирование устойчивой судебной практики по исключительным случаям.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.

2. Ярков, В. В. Гражданский процесс: учебник для студентов юридических высших учебных заведений / В. В. Ярков. — Москва: Статут, 2021. — 721 с.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2023 г. -№ 15.
4. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 06.07.2023 по делу № 33–10576/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Апелляционное определение Верховного суда Республики Северная Осетия-Алания от 04.07.2023 по делу № 33–1644/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.10.2023 N 39-КГ23–11-К1 // СПС «КонсультантПлюс».

Проблемы оглашения показаний, полученных в ходе предварительного расследования на стадии судебного разбирательства

Павлова Александра Сергеевна, студент;

Трапезникова Дарья Сергеевна, студент

Научный руководитель: Барыгина Александра Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В работе исследуется практика оглашения в суде показаний, полученных на стадии предварительного расследования. Анализируются основания, предусмотренные законодательством, и выявляются системные проблемы: нарушение принципа непосредственности при подмене допроса оглашением, формальный подход судов к обеспечению явки свидетелей и потерпевших, а также законодательный пробел в отношении оглашения показаний эксперта. На примерах из судебной практики демонстрируется, что необоснованное оглашение показаний ведет к отмене приговоров и нарушает право обвиняемого на справедливое разбирательство.

Ключевые слова: оглашение показаний, непосредственность, допрос, эксперт, допустимость доказательств.

Проблематика оглашения показаний, данных на стадии предварительного расследования, напрямую связана с принципом непосредственности и правом обвиняемого на справедливое судебное разбирательство. Вопросы допустимости и пределов такого оглашения приобрели особую актуальность после активизации кассационной и апелляционной практики по пересмотру приговоров, основанных преимущественно на протоколах допросов, исследованных без личного участия допрашиваемых лиц.

Общие требования к непосредственности исследования доказательств закреплены в ст. 240 УПК РФ, которая предписывает исследование доказательств непосредственно в судебном заседании с участием допрашиваемых лиц [1]. Одновременно законодатель устанавливает специальные правила оглашения показаний подсудимого (ст. 276 УПК РФ) и потерпевшего либо свидетеля (ст. 281 УПК РФ), данных на предварительном расследовании.

Статья 276 УПК РФ допускает оглашение ранее данных показаний подсудимого при наличии существенных противоречий между его показаниями в суде и на предварительном расследовании, при отказе от дачи показаний, а также в ряде иных прямо указанных законом ситуаций. Статья 281 УПК РФ рассматривает оглашение показаний

потерпевшего и свидетеля как исключение, допускаемое, в частности, при смерти лица, тяжёлой болезни, препятствующей явке, розыске, а также при отказе явиться в суд при обеспеченной стороне защите возможности их допроса ранее.

На практике эти нормы часто порождают ряд проблем.

Одной из таких проблем является нарушение принципа непосредственности и подмена допроса оглашением показаний.

Оглашение показаний предварительного расследования фактически заменяет непосредственный допрос свидетеля в судебном заседании. Показания, зафиксированные следователем в протоколе, формируются в одностороннем порядке — в рамках следственных действий, где доминирует сторона обвинения. Отсутствие перекрёстного допроса на этой стадии лишает сторону защиты возможности проверить достоверность показаний [2].

Например, Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25.11.2020 по делу № 77–2301/2020 подчеркнуло, что оглашение возможно лишь при условии, что у обвиняемого была реальная, а не номинальная возможность поставить вопросы допрашиваемому либо оспорить показания, в том числе на стадии предварительного расследования [3].

Также ярким примером служит Кассационное определение СКУД ВС РФ № 37-УД22-1-К1 от 3 марта 2022 года, где суд отменил решения нижестоящих судов, так как в основу обвинительного приговора были положены показания, которые были оглашены с нарушением требований закона выраженное в том, что подсудимой, которая была не согласна с показаниями лиц ещё на стадии предварительного расследования, не была предоставлена возможность оспорить эти показания законным способом [4].

Также судам необходимо принимать исчерпывающие меры для обеспечения явки, иначе оглашение показаний может стать незаконным, из-за чего приговор может быть отменен. Например, Апелляционным определением Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики № 22-912/2023 от 10.10.2023 был отменён приговор, поскольку суд первой инстанции не выяснил причины неявки задержанного свидетеля («Свидетель № 1»). В материалах дела отсутствовали доказательства того, что он был надлежащим образом извещен, а также данные о причинах его неявки. Суд также не проверил, были ли приняты исчерпывающие меры для его вызова и доставки [5].

Под исчерпывающими мерами обычно понимают не один-два формальных вызова, а целый комплекс действий, подтверждённый материалами дела среди них: направление нескольких повесток по разным известным адресам (регистрация, фактическое проживание, место работы); вызов через работодателя, органы внутренних дел, администрацию места содержания под стражей; использование телефонной связи, электронной почты, мессенджеров, если контакты есть в деле; проверка сведений о болезни, командировке, переезде: запросы в медорганизацию, по месту работы, в миграционные органы и т. п.

Следующей проблемой является пробел в оглашении показаний эксперта.

УПК РФ прямо предусматривает оглашение показаний подсудимого (ст. 276), потерпевшего и свидетеля (ст. 281). Однако закон умалчивает о возможности оглашения показаний эксперта, данных им на предварительном следствии. Как показывает практика, это вызывает споры.

В. С. Балакшин в своем исследовании приводит пример рассмотрения уголовного дела № 1-117/13-22-179 в отношении С. (ч. 1 ст. 222 УК РФ) Пестовским районным

судом Новгородской области. Суд по ходатайству защиты огласил протокол допроса эксперта, данный на следствии, и сослался на него в приговоре. Прокуратура обжаловала это решение, указав, что ст. 240 и 281 УПК РФ не допускают такого оглашения. Однако Новгородский областной суд оставил приговор в силе, посчитав, что раз закон прямо не запрещает, значит — можно [6].

Данный казус создает правовую неопределенность. Одни суды считают, что допрос эксперта в суде обязателен (ст. 282 УПК РФ), другие — что допустимо ограничиться оглашением протокола его допроса следователем. Это грубо нарушает принцип непосредственности, так как суд лишен возможности задать эксперту вопросы, уточняющие его заключение.

Проведённый анализ позволяет заключить, что институт оглашения показаний, данных на стадии предварительного расследования, несмотря на свою процессуальную необходимость, сопряжён с высоким риском нарушения фундаментальных принципов уголовного судопроизводства — прежде всего принципа непосредственности (ст. 240 УПК РФ) и права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство. Законодательно закреплённые исключения (ст. 276 и 281 УПК РФ) на практике нередко превращаются из инструмента преодоления объективных препятствий в способ подмены полноценного судебного допроса оглашением письменных протоколов, составленных следователем в отсутствие перекрёстного допроса и состязательных процедур, что создаёт реальную угрозу того, что приговор будет основан на доказательствах, не прошедших надлежащей проверки в суде. В связи с изложенным представляются необходимыми формирование единообразной позиции Верховного Суда РФ по вопросу об оглашении показаний эксперта с возможным последующим законодательным восполнением пробела, закрепление примерного перечня исчерпывающих мер по вызову неявившихся лиц, а также усиление кассационного и апелляционного контроля за соблюдением судами первой инстанции требований ст. 276 и 281 УПК РФ. Только при соблюдении указанных условий оглашение показаний, данных на стадии предварительного расследования, будет оставаться исключительным и обоснованным инструментом, а не способом обхода фундаментальных прав участников уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. — 2001. — № 52. — Ст. 4921.
2. Маркова Т. Ю. Оглашение в суде показаний свидетелей и потерпевших, данных на стадии предварительного расследования // Lex Russica. 2016. № 9 (118). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oglashenie-v-sude-pokazaniy-svideteley-i-poterpevshih-dannyh-na-stadii-predvaritelnogo-rassledovaniya> (дата обращения: 04.04.2026).
3. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25.11.2020 по делу № 77-2301/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.03.2022 N 37-УД22-1-К1 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Апелляционное определение Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 01.02.2023 по делу N 33–60/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Балакшин В. С. Оглашение в суде показаний эксперта, полученных на стадии предварительного расследования // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oglashenie-v-sude-pokazaniy-eksperta-poluchennyh-na-stadii-predvaritelnogo-rassledovaniya> (дата обращения: 04.04.2026).

Принцип защиты личных данных работников

Павлова Александра Сергеевна, студент;

Трапезникова Дарья Сергеевна, студент

Научный руководитель: Замрыга Дарья Викторовна, старший преподаватель

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Статья посвящена анализу принципа защиты личных данных работников как основополагающего начала трудового права. В статье рассматривается правовая природа данного принципа, его нормативное закрепление в Конституции РФ, Трудовом кодексе РФ и Федеральном законе «О персональных данных», а также особенности его реализации в трудовых отношениях. Отдельное внимание уделено проблематике защиты персональных данных в условиях цифровизации: рискам кибератак, использованию облачных технологий, Интернета вещей (IoT) и систем искусственного интеллекта, а также увеличению уязвимостей при удалённой работе.

Ключевые слова: защита персональных данных, личные данные работников, неприкосновенность частной жизни, письменное согласие работника, баланс интересов, цифровизация.

Принцип защиты личных данных работников — это основополагающее положение, которое предполагает обеспечение конфиденциальности и безопасности личной информации сотрудников, полученной при трудоустройстве или в процессе исполнения ими трудовых обязанностей. Как справедливо отмечают исследователи, в современных условиях необходимо говорить о придании праву на неприкосновенность частной жизни статуса одного из основополагающих начал трудового права [1]. Это обусловлено вызовами цифровизации: нарушением конфиденциальности, неограниченным сбором данных посредством электронного мониторинга и использованием систем искусственного интеллекта.

Сущность данного принципа заключается в установлении законодателем пределов вмешательства работодателя в частную сферу работника и возложении на работодателя обязанности обеспечить сохранность и конфиденциальность доверенной ему информации.

Для более точного и полного раскрытия этого принципа необходимо раскрыть понятие персональные данные.

Согласно Федеральному закону от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» персональные данные — любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу [2].

Правовую основу этого принципа, в первую очередь, составляет Конституция РФ, в которой ст. 23 и ст. 24 закрепляют право на неприкосновенность частной жизни и запрет на сбор, хранение, обработку, распространение информации о частной жизни лица без его согласия [3].

Значительную часть правового регулирования составляет глава 14 Трудового Кодекса РФ и Федеральный закон

от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [4]. Федеральный закон устанавливает общие правила работы с информацией, а Трудовой Кодекс конкретизирует их применительно к трудовым отношениям.

На основании ст. 7 Федерального закона операторы и иные лица, получившие доступ к персональным данным, обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Принцип защиты личных данных работников имеет свои особенности, которые отличают его от общих положений законодательства о персональных данных.

Первой ключевой особенностью является двойственная правовая природа данного принципа. С одной стороны, он выступает субъективным правом работника, предоставляя ему возможность требовать от работодателя соблюдения конфиденциальности, доступа к своим данным, их уточнения или блокирования. С другой стороны, этот принцип представляет собой императивное обязывание для работодателя, которое не может быть изменено или отменено по соглашению сторон. Работодатель не просто вправе, а обязан обеспечить защиту информации, и эта обязанность носит абсолютный характер [5]. Статья 86 Трудового кодекса РФ прямо указывает, что защита персональных данных работника от неправомерного использования или утраты должна быть обеспечена работодателем за счет его средств в порядке, установленном федеральным законом. Это означает, что финансовое бремя по созданию системы защиты (будь то приобретение специального программного обеспечения,

шифрование данных или обучение сотрудников) ложится исключительно на работодателя, и он не вправе перекладывать эти расходы на работников.

Второй особенностью является необходимость постоянного поиска баланса между двумя конкурирующими интересами. Работодатель имеет законный интерес в контроле за трудовым процессом, эффективностью использования рабочего времени, сохранностью имущества. Для реализации этого интереса современные работодатели активно внедряют системы видеонаблюдения, контроля геолокации, учета рабочего времени с использованием биометрических данных, а также программные комплексы для мониторинга активности на рабочем месте. Однако этот интерес сталкивается с правом работника на приватность, на личное пространство даже в рабочее время. Как подчеркивает В. О. Боровченкова, внедрение любых технических средств контроля требует особого юридического оформления: работодатель обязан не только издать локальный нормативный акт, но и доказать, что выбранный способ контроля является соразмерным, не избыточным, не вторгается в сферы, не связанные с трудовой функцией, и служит для конкретных целей [6].

В подтверждение можно привести Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 03.07.2023 N 88–14171/2023, где сказано, что установка камер на рабочих местах, в производственных помещениях, на территории организации для целей, связанных с исполнением должностных обязанностей законна. Но размещение камер в помещении для отдыха не соответствует закону, нарушает права сотрудников на неприкосновенность частной жизни [7].

Третья особенность касается процедурного аспекта — исключительной роли письменной формы согласия работника. В то время как в гражданско-правовых отношениях согласие на обработку данных может быть дано в различных формах, включая конклюдентные действия, в трудовом праве действует более строгий стандарт. Статья 88 ТК РФ устанавливает, что передача персональных данных работника третьей стороне допускается только при наличии письменного согласия работника. Причем, как показали изменения законодательства, вступившие в силу с 1 сентября 2025 года, такое согласие должно быть не только письменным, но и выделенным в отдельный документ, не смешанным с текстом трудового договора или правил внутреннего распорядка. Более того, отдельно выделяется согласие на распространение данных и на трансграничную передачу. Молчание или бездействие работника, как подчеркивает закон, не может считаться согласием.

Еще одной важной чертой является императивность требований к локальному нормотворчеству. Работодатель обязан принять локальный нормативный акт, устанавливающий порядок хранения и использования персональных данных. Однако содержание этого акта не является произвольным: пункт 10 статьи 86 ТК РФ предписывает, что такие решения могут приниматься с участием представительного органа работников (профсоюза),

если он создан. Это привносит в отношения элемент социального партнерства и коллективно-договорного регулирования, что характерно именно для трудового, а не для гражданского права.

В трудовых отношениях работодатель неизбежно сталкивается с необходимостью обработки специальных категорий данных. Закон устанавливает, что обработка таких данных допускается лишь в исключительных случаях: если это необходимо для установления права работника на пенсию, социальные пособия, или если работник дал отдельное письменное согласие. В Определении Судебной коллегии по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25 июля 2023 г. по делу № 8Г-8738/2023 [88–10266/2023] сказано, что отказ работника от дачи согласия на обработку биометрических персональных данных не может быть основанием ни для привлечения такого работника к дисциплинарной ответственности, ни для расторжения трудового договора [8].

Несмотря на детальное регулирование принципа, у него есть своя проблематика. Компании все чаще используют облачные хранилища, системы управления данными, платформы для обработки больших данных и искусственный интеллект для анализа информации. Такие инновации влекут за собой значительные угрозы для безопасности персональных данных работников, клиентов и партнеров. В условиях активного использования цифровых технологий возрастают риски утечки данных, неправомерного их использования и нарушения прав субъектов персональных данных.

Удаленная работа и использование облачных технологий также увеличивают уязвимость систем. Многие компании перешли на гибридные и удаленные модели работы, что привело к увеличению числа устройств, подключенных к корпоративным сетям из различных местоположений. Это создает дополнительные точки уязвимости, если не используются надежные системы защиты. В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации «О персональных данных» № 152-ФЗ, операторы персональных данных обязаны принимать меры по защите информации, включая организационные и технические меры безопасности, однако, А. А. Миняев считает, что даже при соблюдении всех нормативных требований остаются риски, связанные с человеческим фактором и недостаточной цифровой грамотностью пользователей [9].

Таким образом, сущность данного принципа сводится к установлению справедливого баланса между реализацией законных интересов работодателя и соблюдением конституционного права работника на приватность. Особенность его правовой конструкции выражается в двойственной природе: одновременно как субъективного права работника и как императивной обязанности работодателя, исполнение которой обеспечивается его организационными и финансовыми ресурсами, и требует от работодателей не только формального соблюдения процедурных требований, но и внедрения современных технологических мер защиты информации.

Литература:

1. Рымашевская Д. Защита персональных данных работника в России и в Польше // Современные проблемы юридической науки: Материалы XVI Международной научно-практической конференции молодых исследователей, Челябинск, 24–25 апреля 2020 года / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации Южно-Уральский государственный университет Юридический институт. Том Часть II. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. С. 149–151.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. — 2006. — № 31. — ст. 3451.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.). Российская газета, 25 декабря 1993 г. Любое издание с 4 октября 2022 г. // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. — 2002. — № 1. — Ст. 3.
5. Бычкова О. В. Защита персональных данных наемных работников // Актуальные проблемы государственного и муниципального управления: теоретико-методологические и прикладные аспекты: Материалы Всероссийского научно-практического круглого стола, Донецк, 21 мая 2024 года. Донецк: Донецкий государственный университет, 2024. С. 16–18.
6. Боровченкова В. О. Реализация работодательской власти через осуществление контроля посредством технических средств: правовые аспекты // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2024. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-rabotodatelskoy-vlasti-cherez-osuschestvlenie-kontrolya-posredstvom-tehnicheskikh-sredstv-pravovye-aspekty> (дата обращения: 06.04.2026).
7. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 03.07.2023 N 88–14171/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 07.07.2023 по делу N 88–10223/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Миняев А. А. Метод оценки эффективности системы защиты информации территориально-распределенных информационных систем персональных данных // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. 2020. № 1. С. 29–33.

Трудовые гарантии участникам специальной военной операции

Пашнов Дмитрий Сергеевич, студент;

Касымов Даниил Ильдарович, студент

Научный руководитель: Замрыга Дарья Викторовна, старший преподаватель

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Статья посвящена проблеме обеспечения трудовых гарантий участников СВО в связи с введением конструкции «приостановление действия трудового договора» (ст. 351.7 ТК РФ). На основе анализа новых норм трудового законодательства и поручений Президента РФ авторы выявляют правовые неопределённости, в частности — трёхдневный срок уведомления работодателя о выходе на работу, который объективно затрудняет реализацию права на труд. Особое внимание уделяется не урегулированным законодательством случаям несоответствия работника занимаемой должности после возвращения (военная травма, длительный перерыв, изменение технологических процессов). В статье обосновывается необходимость отмены обязательного заблаговременного уведомления, введения временного запрета на увольнение вернувшихся участников СВО по п. 3 ч. 1 ст. 81 ТК РФ сроком на один год, а также применения механизмов независимой оценки квалификации и трудовой реабилитации. Подчёркивается потребность в оперативной оценке действующих норм с точки зрения их эффективности и справедливости.

Ключевые слова: трудовые гарантии, участники специальной военной операции, приостановление действия трудового договора, сохранение должности, уведомление о выходе на работу, несоответствие занимаемой должности, независимая оценка квалификации, трудовая реабилитация.

Проведение Россией специальной военной операции (далее — СВО) предопределило появление новых областей, требующих законодательного регулирования,

в том числе в сфере трудового права. Участники СВО в период отсутствия на рабочих местах (в связи с участием в операции, лечением от ранений, а также в отпу-

сках между командировками) нуждаются в специальном закреплении гарантий, позволяющих сохранить их трудовые права в полном объёме.

Одним из нововведений отечественного трудового законодательства стала юридическая конструкция «приостановление действия трудового договора» (ст. 351.7 ТК РФ). По своей сути это напоминает «заморозку» отношений между работником и работодателем: трудовая деятельность практически перестаёт осуществляться, как следствие, большинство прав и обязанностей, закреплённые в трудовом законодательстве, локальных актах, коллективных договорах не реализуются. Однако законодатель предусмотрел ряд исключений — отдельные права и обязанности (как за сотрудником, так и за нанимателем) сохраняются и на этот период. Именно это обстоятельство придаёт рассматриваемой конструкции уникальный характер.

На сегодняшний день практика применения процедуры приостановления трудового договора ещё не сложилась в достаточной мере. В ходе её реализации уже начали возникать определённые трудности. Анализ таких проблем приобретает особую значимость в контексте контрольных и надзорных поручений Президента России В. В. Путина (встреча с Генеральным прокурором, расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры РФ) — речь идёт о защите прав граждан, призванных по мобилизации. Остановимся подробнее на некоторых вопросах правового регулирования трудовых прав указанной категории лиц.

Часть 7 ст. 351.7 ТК РФ предусматривает включение всего периода приостановления действия трудового договора в трудовой стаж работника и в стаж по специальности (исключение — случаи досрочного назначения страховой пенсии по старости). Анализ данной нормы показывает, что время приостановления засчитывается также в стаж, дающий право на ежегодный основной и дополнительный оплачиваемый отпуск. Такое решение представляется обоснованным, поскольку позволяет сохранить за указанными работниками их отпускные права в полном объёме.

Часть 4 ст. 351.7 ТК РФ гарантирует сохранение должности на период приостановления. Предполагается, что возврат сотрудника, завершившего военную службу, должен происходить в максимально упрощённом порядке. Однако часть 6 той же статьи обязывает работника уведомить работодателя о выходе на работу не позднее чем за три рабочих дня. На наш взгляд, этот срок несёт в себе правовую неопределённость и объективно затрудняет реализацию конституционных прав на свободу труда и вознаграждение за него.

Возможно, законодатель ввёл этот срок, исходя из необходимости прекратить трудовые отношения с сотрудником, принятым на время отсутствия основного работника по срочному договору (ч. 1 ст. 59 ТК РФ). Однако такое объяснение едва ли выдерживает критику. Заключение срочного договора в данной ситуации — право, а не

обязанность работодателя; вопрос о прекращении отношений с временным работником может оказаться неактуальным. К тому же ст. 79 ТК РФ не требует от нанимателя заранее предупреждать такого сотрудника об увольнении — договор прекращается автоматически в момент выхода основного работника. Полагаем необходимым упростить процедуру возобновления трудового договора для лиц, вернувшихся после участия в СВО, а именно — отменить требование об их заблаговременном уведомлении работодателя.

Защита трудовых прав данной категории не должна ограничиваться одними процедурными вопросами. Необходим комплексный подход. Некоторые из возвращающихся неизбежно столкнутся с проблемой несоответствия ранее занимаемой должности или выполняемой работе. Причины разнообразны: от временной или стойкой утраты трудоспособности вследствие военной травмы до объективного отставания в трудовых навыках из-за длительного перерыва в работе на фоне меняющихся технологических и производственных процессов.

В этой связи особая роль должна быть отведена независимой оценке квалификации в соответствии с Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 238-ФЗ «О независимой оценке квалификации». Не исключено, что на центры оценки квалификации ляжет обязанность не только оценить деловые качества вернувшихся сотрудников, но и разработать для них план мероприятий («дорожную карту») по трудовой реабилитации, профессиональному обучению и переподготовке. По результатам такой оценки государственная служба занятости с учётом индивидуальных рекомендаций должна будет предоставлять этим гражданам соответствующие услуги.

Оценивая общий уровень гарантий, справедливым шагом со стороны законодателя стало бы закрепление в трудовом законодательстве временного запрета на увольнение работников, вернувшихся после участия в СВО, по п. 3 ч. 1 ст. 81 ТК РФ (несоответствие занимаемой должности или выполняемой работе из-за недостаточной квалификации, подтверждённой аттестацией). Такой запрет, на наш взгляд, должен действовать в течение одного года с момента возобновления трудового договора.

Подводя итог, следует подчеркнуть: выявление пробелов в законодательстве, а также причин и условий, способных порождать нарушения трудовых прав и гарантий лиц, возвращающихся к мирному труду по завершении участия в СВО, представляет собой задачу первостепенной важности. Поскольку за указанными гражданами необходимо сохранить рабочие места, обеспечить их трудоустройство и полноценную адаптацию в обычных жизненных условиях, назревает настоятельная потребность в оперативной оценке действующих норм трудового законодательства о гарантиях участникам СВО с точки зрения их эффективности и справедливости.

Проблема возвращения дела прокурору по основанию существенного отличия обвинения обвинительного заключения от обвинения в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого

Пашнов Дмитрий Сергеевич, студент;

Касымов Даниил Ильдарович, студент

Научный руководитель: Барыгина Александра Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Статья посвящена проблеме обеспечения права обвиняемого на защиту в уголовном судопроизводстве при расхождении обвинения, изложенного в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, и обвинения, содержащегося в итоговом обвинительном документе (обвинительном заключении, обвинительном акте). На основе анализа нового Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 года № 39, правовых позиций высших судебных инстанций и материалов судебной практики авторы исследуют последствия введения оценочной категории «существенное отличие». Выявляются проблемы субъективного толкования данного критерия правоприменительными органами, что приводит к диаметрально противоположным судебным решениям при схожих фактических обстоятельствах. Особое внимание уделяется критериям существенности изменения обвинения (квалификация, фактические обстоятельства, эпизоды, размер ущерба) и их неединообразной оценке судами различных инстанций. В статье обосновывается необходимость выработки единых подходов к определению «существенности» различий в обвинении для устранения нарушений права на защиту и недопущения необоснованного затягивания судопроизводства.

Ключевые слова: право на защиту, обвинительное заключение, обвинительное постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, расхождение обвинительного заключения и обвинительного постановления привлечения лица в качестве обвиняемого.

Право обвиняемого знать, в чём именно он обвиняется, и иметь возможность защищаться от конкретного объёма обвинения — краеугольный камень уголовного процесса (ст. 47, 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ) [1]. Изменение обвинения после его предъявления допускается только в порядке, установленном ст. 175 УПК РФ [2] (новое постановление, повторное предъявление, допрос). Нарушение этой процедуры, когда следователь или дознаватель вносит изменения в обвинение непосредственно в итоговом документе (обвинительном заключении, акте или постановлении), признаётся *существенным нарушением* права на защиту.

В системе уголовного судопроизводства институт возвращения уголовного дела прокурору выступает важным механизмом устранения нарушений, препятствующих постановлению законного и обоснованного приговора. Разъяснения Верховного Суда РФ по вопросам применения норм УПК РФ, как правило, направлены на обеспечение единообразия судебной практики. Вместе с тем принятое 17 декабря 2024 года Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» внесло ряд уточнений в ранее сложившиеся подходы. Одним из ключевых нововведений стало уточнение критерия расхождения между обвинением в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и обвинением в итоговом обвинительном документе.

В пункте 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 N 39 «О практике применения судами

норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [3], регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» приведён случай, при котором уголовное дело подлежит возвращению которым является случай когда обвинение, изложенное в обвинительном заключении или обвинительном акте (если подозреваемому предъявлено обвинение в соответствии с частью 3 статьи 224 УПК РФ), существенно отличается от обвинения, содержащегося в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого. Указанное разъяснение, как представляется, дублирует положения п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 № 28 [4], регулирующего подготовку уголовных дел судом к рассмотрению, согласно которому исключается возможность вынесения судебного решения в случаях, когда обвинение, изложенное в обвинительном заключении или обвинительном акте, не соответствует обвинению, изложенному в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого. Между тем, постановление Пленума ВС РФ № 39, в котором детально разъяснены вопросы принятия процессуального решения о возможности возвратить дело прокурору, добавляет оценочную категорию, такую как существенное отличие обвинения, изложенного в обвинительном заключении (постановлении) от обвинения, изложенного в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого. Стоит отметить, что оценочная категория, характеризуется формальной неопределенностью содержания, в результате чего затрудняются процессы толкования и применения правовых норм в связи с возможностью проявления субъективизма, что

часто выступает причиной ошибок правоприменения [5]. Следовательно, добавление такой оценочной категории, как «существенное отличие», может привести к ошибкам и субъективной, вольной интерпретации со стороны суда как правоприменителя;

Несмотря на наличие субъективизма и оценочной категории Верховный Суд РФ попытался разъяснить понятие существенного отличия критериями которого является:

- изменение юридической квалификации на более тяжкую или существенно отличающуюся по фактическим обстоятельствам;

- включение новых эпизодов, не вменённых ранее;

- увеличение размера ущерба или иных количественных показателей, влекущих иной состав или степень тяжести;

- изменение времени, места, способа совершения преступления, если обвиняемый не имел возможности защищаться от этих фактов.

Однако несмотря на наличие соответствующих критериев суды часто допускают ошибки в трактовании объёма существенных различий, когда суды различных инстанций трактуют данное оценочное понятие по-своему [6].

Например, спор о существенности изменения способа совершения преступления (дело № 22–456/2026, Санкт-Петербургский городской суд). Обстоятельства дела: Д. обвинялся в мошенничестве (ч. 3 ст. 159 УК РФ). В постановлении о привлечении в качестве обвиняемого способом хищения было указано «использование поддельных документов». В обвинительном заключении способ изложен как «использование поддельных документов и электронных средств платежа» (добавлен новый элемент). На предварительном слушании защита настаивала на возврате дела прокурору, ссылаясь на существенное изменение фактических обстоятельств. Куйбышевский районный суд вернул дело прокурору, посчитав отличие существенным, поскольку новый способ (электронные средства платежа) требует доказывания дополнительных фактов, с которыми защита не ознакомлена надлежащим образом. Однако апелляционная инстанция (Санкт-Петербургский городской суд) отменила решение районного суда и направила дело на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства, указав, что отличие не является существенным: способ хищения (использование поддельных документов) остался основным, добавление указания на электронные средства не меняет сути обвинения и не влечёт иной правовой оценки. Суд апелляционной инстанции сослался на п. 2 Постановления № 39 и отметил, что «существенность» должна оцениваться по критерию невозможности осуществления защиты. Поскольку защитник был ознакомлен со всеми доказательствами, включая электронные платежи, нарушений нет.

Налицо диаметрально противоположные позиции первой и апелляционной инстанций по одному и тому же фактическому обстоятельству. Это прямое следствие отсутствия чёткого определения «существенности».

Другой пример — апелляционное определение Челябинского областного суда от 21.06.2021 по делу № 22–3769/2021. Обстоятельства дела: Д. обвинялся в мошенничестве с использованием поддельных документов (ч. 2 ст. 159.3 УК РФ — мошенничество с использованием платёжных карт). В постановлении о привлечении в качестве обвиняемого был указан способ: «использование поддельной банковской карты». В обвинительном заключении способ описан как «использование поддельной банковской карты и поддельного паспорта для идентификации». Защита настаивала на возврате, ссылаясь на то, что паспорт ранее не фигурировал. Решение суда первой инстанции: Дело не возвращено, назначено судебное разбирательство. Защита обжаловала. Суд апелляционной инстанции указал, что «Изменение способа совершения преступления не является существенным, поскольку поддельный паспорт использовался лишь как дополнительное средство для подтверждения личности при оплате поддельной картой. Основной способ хищения (использование поддельного платёжного инструмента) остался неизменным. Все доказательства, включая сведения о предъявлении паспорта, были предоставлены защите при ознакомлении с материалами уголовного дела. Возвращение дела прокурору по данному основанию привело бы к необоснованному затягиванию производства».

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что проблема расхождения обвинения, изложенного в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, и обвинения, содержащегося в итоговом обвинительном документе (обвинительном заключении, обвинительном акте), сохраняет свою острую актуальность, несмотря на многократные разъяснения Верховного Суда РФ. Принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 года № 39, безусловно, направлено на унификацию подходов к применению института возвращения уголовного дела прокурору. Однако введение в правоприменительный оборот оценочной категории «существенное отличие» вместо ранее использовавшегося критерия «несоответствие» породило новые риски.

Как показал анализ судебной практики, отсутствие четких, формализованных критериев существенности изменений обвинения приводит к диаметрально противоположным решениям судов первой и апелляционной инстанций при схожих фактических обстоятельствах. В одних случаях суды расценивают как существенное отличие даже незначительную детализацию способа совершения преступления, в других — признают допустимым значительное расширение фактических обстоятельств (включение новых предметов преступного посяательства, увеличение размера ущерба) без соблюдения процедуры, предусмотренной ст. 175 УПК РФ. Подобная неоднородность судебной практики свидетельствует о том, что предложенные Пленумом Верховного Суда РФ ориентиры (изменение квалификации, включение новых эпизодов, увеличение ущерба, изменение времени, места, способа) не воспринимаются правоприменителями как

исчерпывающие и достаточные, а их толкование зачастую подменяется субъективной оценкой «возможности осуществления защиты».

В целях устранения выявленных недостатков представляется необходимым дальнейшее совершенствование механизма обеспечения соответствия итогового обвинительного документа ранее предъявленному обвинению.

В качестве возможных направлений решения проблемы можно предложить: Законодательное закрепление исчерпывающего перечня изменений обвинения, признаваемых существенными (с указанием на то, что любое изменение фактических обстоятельств, влекущее необходимость доказывания новых фактов, должно осуществляться исключительно в порядке ст. 175 УПК РФ).

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026)
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 N 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору»
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 N 28 (ред. от 15.05.2018) «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.12.2022)
5. Мельников, В. Ю. Современные вопросы уголовного судопроизводства / В. Ю. Мельников. — Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования», 2021. — 514 с. — ISBN 978-5-907361-70-6. — EDN BJXGYR.
6. Семенов, Е. А. Обвинительное заключение, обвинительный акт и обвинительное постановление: понятие, отличия, задачи / Е. А. Семенов, Н. А. Моругина // Вестник Воронежского института МВД России. — 2023. — № 3. — С. 284–289. — EDN SPJQDV.

История развития суда присяжных в России

Плотицына Кристина Артемовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Симонова Светлана Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье исследуются исторические аспекты развития института суда присяжных заседателей в России, выделяются исторические этапы и особенности суда присяжных в определенную историческую эпоху.

Ключевые слова: присяжные заседатели, суд присяжных, общественное мнение, Устав о судопроизводстве, закон О суде присяжных.

The history of the development of jury trials in Russia

The article examines the historical aspects of the development of the institution of the jury trial in Russia, highlights the historical stages and features of the jury trial in a certain historical era.

Keywords: jurors, jurors, trial by jury, public opinion, Statute on judicial proceedings, law On Trial by jury.

История суда присяжных в России является увлекательным путешествием через времена и реформы, отражающими становление правосудия в стране. Суд присяжных — это одна из форм участия граждан в правосудии, где они выступают в качестве заседателей, принимая участие в вынесении вердикта по уголовному делу.

От исторических корней суда присяжных в Древней Руси до его современного состояния, ключевые этапы раз-

вития этой институции отображают эволюцию юридической системы и общественного мнения. От первых законов о судах присяжных до их широкого использования в настоящее время — каждый этап был значим для формирования правового поля России и дальнейшего развития её правопорядка.

Первоначально суд присяжных в России возник во времена Русского царства, однако это была не система судо-

производства, а некая форма народного суда, при которой обвиняемый мог иметь право на защитника или свидетеля. Первоначальные формы участия присяжных заседателей в судебном процессе появились в России еще в XVII веке при царе Алексее Михайловиче. Пожизненные приговоры, принимаемые тайно, без участия обвиняемого, вызывали общественное недовольство и привели к появлению приговоров в большой палате с участием заседателей. [3, с. 58]

Важным этапом в истории развития суда присяжных стал период правления Петра I, когда в России были введены первые присяжные заседатели, которые выносили решения в соответствии с общественным мнением.

Следующим существенным историческим этапом стало время правления Екатерины II, в ходе которого была утверждена первая редакция Уложения о судопроизводстве 1776 года, включавшая в себя положения о составе и принципах работы судов присяжных. Суд присяжных был введен в Петербурге, Москве, Смоленске и других городах, что стало важным шагом к судебной системе с участием граждан. [6, с. 430]

Зарождение суда присяжных в России связано с началом реформирования законодательства и судебной системы во второй половине XIX века. В 1864 году была принята и введена в действие «Устав о судопроизводстве», который существенно изменил порядок рассмотрения уголовных дел. Одним из ключевых положений этого Устава было введение института суда присяжных. Суд присяжных в России начал функционировать как особая инстанция, где рядовые граждане, назначаемые на должность присяжных заседателей, принимали участие в рассмотрении уголовных дел. За основу взята прусская модель присяжных заседателей с некоторыми адаптациями под российские реалии. Первоначально суд присяжных был введен для уголовных дел, но позднее было расширено его применение и на гражданские дела. Первые присяжные заседания в России проходили в специально обустроенных судебных залах, где присутствовали и процессуальные стороны, и общественность. Однако в те времена процесс формирования присяжных заседателей и процедура назначения их на службу оставались не без недостатков и недоработок. [5, с. 125]

Следующим важным этапом в развитии суда присяжных в России стал период реформ начала XX века. Под влиянием общественного мнения и необходимости совершенствования судебной системы, были предприняты шаги по улучшению работы присяжных заседателей. Были внесены изменения в порядок и условия назначения

присяжных, усовершенствованы процедуры проведения судебных заседаний. К началу XX века присяжные заседания в России стали более устойчивым институтом, хотя их деятельность была не лишена недостатков и критики. Присутствие общественных представителей на судебных процессах способствовало более справедливому и объективному вынесению судебных решений. [4, с. 27]

Однако после революции 1917 года и установления большевистской власти, система суда присяжных в России была ликвидирована. Власть считала, что участие присяжных заседателей в судебном процессе не соответствует интересам революции и нуждам страны. Суд присяжных был признан «буржуазной» институцией и был запрещен.

Влияние исторических событий на развитие суда присяжных в России также ощущалось в период советской эпохи. В послевоенные годы снова была восстановлена система суда присяжных, однако под контролем КПСС. Это был скорее формальный, чем действительный вклад присяжных заседателей в судопроизводство.

Существенное изменение в системе суда присяжных произошло с началом перестройки и распада Советского Союза. В 1993 году принят новый закон «О суде присяжных», предусматривающий участие граждан в уголовных процессах. Этот закон устанавливал основные принципы работы суда присяжных, включая формирование присяжных заседателей из числа населения. [2]

В современной России суд присяжных сохраняет свое значение как показатель гражданского участия в правосудии. С принятием в 2004 году Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», наблюдается стремление к усовершенствованию процедуры участия присяжных заседателей в судебных процессах, с целью повышения эффективности и справедливости судебных решений. [1]

Основные принципы и функции суда присяжных в России глубоко укоренились в историческом контексте страны. Суд присяжных основывается на принципах справедливости, равенства перед законом и участия граждан в судебных процессах. Одной из главных функций суда присяжных является гарантирование прав и свобод граждан, защита их интересов и соблюдение законности.

Таким образом, история развития суда присяжных в России отражает бурные изменения в общественно-политической жизни страны, важность участия граждан в судебных процессах и стремление к соблюдению принципов справедливости и законности.

Литература:

1. Федеральный закон «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» от 20.08.2004 N 113-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»;
2. Закон РФ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях» от 16.07.1993 N 5451-1 (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс»;

3. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995;
4. Илюхов А. А. Суд присяжных в России: исторические, уголовно-процессуальные и уголовно-правовые аспекты. М., 2019. С. 27.;
5. Фойницкий И. Я. Правосознание русского суда присяжных / И. Я. Фойницкого // Журнал Министерства Юстиции. — СПб., 1896. — № 10 (Декабрь). — С. 111–142.;
6. Юшков С. В. История государства и права России (IX–XIX вв.). — Ростов н/Д.: Феникс, 2003. 736 с.

Актуальные проблемы противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма в банковской деятельности Российской Федерации

Прозоров Илья Владимирович, студент магистратуры

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

Статья посвящена анализу актуальных проблем противодействия легализации доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма в банковской деятельности Российской Федерации. Рассматриваются ключевые недостатки реализации мер финансового мониторинга, включая формальный характер комплаенс-процедур, сложности идентификации клиентов и бенефициарных владельцев, а также недостаточную эффективность риск-ориентированного подхода. Особое внимание уделено влиянию цифровизации банковской сферы на трансформацию финансовых преступлений. Выявлены проблемы правового регулирования и правоприменительной практики. В заключении предложены направления повышения эффективности системы противодействия ПОД/ФТ, направленные на снижение рисков вовлечения банков в противоправные схемы.

Ключевые слова: легализация доходов, финансирование терроризма, банковская деятельность, финансовый мониторинг, комплаенс, риск-ориентированный подход, бенефициарный владелец, подозрительные операции, цифровизация, финансовые преступления.

Противодействие легализации доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма является одним из ключевых направлений обеспечения устойчивости финансовой системы Российской Федерации. Банковский сектор занимает центральное место в данной системе, поскольку через кредитные организации проходит основной объём финансовых операций. Несмотря на развитие нормативно-правовой базы и внедрение механизмов финансового мониторинга, практика показывает наличие устойчивых проблем, снижающих эффективность противодействия ПОД/ФТ. Усложнение финансовых инструментов и цифровизация банковской деятельности создают дополнительные риски использования банковской системы в противоправных целях.

Целью статьи является выявление и анализ ключевых проблем противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма в банковской деятельности Российской Федерации.

Одной из базовых процедур в системе ПОД/ФТ является идентификация клиентов. Несмотря на формальное соблюдение требований законодательства, на практике сохраняются существенные недостатки. Основной проблемой является сложность установления конечного бенефициарного владельца. Использование многоуровневых корпоративных структур, иностранных юрисдикций и номинальных лиц позволяет скрывать реальных контролирующих субъектов. Банки ограничиваются про-

веркой формальных признаков, что снижает качество клиентской идентификации. Дополнительную сложность создаёт недостаточная достоверность предоставляемых клиентами сведений, а также ограниченные возможности банков по их проверке. В результате формируется риск обслуживания клиентов, связанных с незаконной деятельностью.

Риск-ориентированный подход является ключевым принципом системы ПОД/ФТ, предполагающим дифференциацию мер контроля в зависимости от уровня риска клиента или операции. Однако его практическая реализация сталкивается с рядом проблем. Во-первых, отсутствует единообразие в оценке рисков между различными кредитными организациями. Во-вторых, наблюдается тенденция к формализации данного подхода, когда банки ориентируются не на реальную оценку рисков, а на соблюдение регуляторных требований. В ряде случаев применяется избыточный контроль, выражающийся в массовых блокировках операций и отказах в обслуживании. Это приводит к негативным последствиям для добросовестных клиентов и снижает доверие к банковской системе.

Современные схемы легализации преступных доходов отличаются высокой степенью сложности и адаптивности. Наиболее распространёнными являются: дробление финансовых операций; использование транзитных счетов; проведение фиктивных сделок; создание цепочек взаимосвязанных операций.

Автоматизированные системы мониторинга не всегда способны эффективно выявлять подобные схемы, особенно при их усложнении. Высокая скорость проведения операций и их значительный объём затрудняют оперативный анализ. Кроме того, часть операций формально соответствует установленным критериям, но по своей сути носит противоправный характер, что требует более глубокого аналитического подхода.

Система правового регулирования ПОД/ФТ в Российской Федерации является достаточно развитой, однако её эффективность ограничивается рядом факторов.

Важной проблемой является неопределённость критериев подозрительных операций. Банки вынуждены самостоятельно интерпретировать нормы законодательства, что приводит к различиям в практике и повышает правовые риски. Дополнительную нагрузку создают частые изменения нормативных актов, требующие постоянного обновления внутренних процедур. Это увеличивает затраты кредитных организаций и снижает устойчивость системы контроля. Правоприменительная практика также характеризуется неоднородностью, что усложняет выработку единых подходов к противодействию финансовым преступлениям.

Развитие цифровых технологий существенно трансформировало банковскую деятельность. Дистанционное обслуживание, электронные платежи и онлайн-сервисы повысили доступность финансовых услуг, но одновременно создали новые риски. Использование цифровых каналов позволяет осуществлять операции с высокой скоростью и минимальным уровнем личного контакта, что затрудняет идентификацию клиентов. Дополнительные риски связаны с использованием цифровых активов и трансграничных переводов. Технологическое развитие опережает правовое регулирование, что создаёт «зоны неопределённости», используемые в противоправных целях.

Эффективность системы ПОД/ФТ во многом зависит от качества взаимодействия банков с государственными органами. На практике данное взаимодействие носит преимущественно формальный характер. Передача информации осуществляется в установленном порядке, однако её анализ и использование не всегда обеспечивают своевременное выявление угроз. Отсутствие единой ци-

фровой инфраструктуры и ограниченный обмен данными снижают эффективность совместной работы.

Усиление контроля в сфере ПОД/ФТ сопровождается ростом числа случаев ограничения доступа клиентов к банковским услугам. Блокировка счетов и отказ в проведении операций часто осуществляются без достаточного обоснования. Это приводит к нарушению прав добросовестных клиентов, снижает уровень доверия к банковской системе и формирует негативную правоприменительную практику. Отсутствие прозрачных механизмов обжалования усугубляет ситуацию.

Таким образом, для повышения эффективности противодействия легализации доходов и финансированию терроризма необходимо конкретизировать критерии подозрительных операций, включая стандартизацию сумм, видов транзакций и признаков риска, а также усилить процедуры идентификации бенефициарных владельцев с использованием государственных реестров и автоматизированных сервисов проверки корпоративных структур. Важно унифицировать применение риск-ориентированного подхода, чтобы обеспечить сопоставимость данных между банками и точное выявление потенциально опасных операций. Одновременно требуется внедрение современных технологий анализа финансовых потоков, включая алгоритмы машинного обучения и аналитические платформы, что позволит выявлять сложные схемы легализации и финансирования терроризма. Эффективное межведомственное взаимодействие между банками, Росфинмониторингом и правоохранительными органами обеспечит оперативный обмен информацией и быстрый отклик на угрозы. При этом необходимо соблюдать баланс между контролем и защитой прав клиентов, внедряя прозрачные процедуры блокировки счетов и доступные механизмы обжалования решений, что снизит риск нарушения прав добросовестных клиентов и повысит доверие к банковской системе. Система противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма в банковской деятельности Российской Федерации характеризуется наличием системных проблем, связанных с недостатками идентификации клиентов, формализацией контроля и правовой неопределённостью.

Литература:

1. Наготков, А. Ю. Финансирование терроризма — угроза экономической безопасности Российской Федерации: анализ рисков и рекомендации по противодействию / А. Ю. Наготков // Противодействие идеологии терроризма в образовательной сфере и молодежной среде: Сборник научных статей по материалам ежегодного всероссийского научно-практического форума, Москва, 13–15 ноября 2024 года. — Москва: ПАРАДИГМА, 2024. — С. 55–66.
2. Урусов, З. Х. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, в современных условиях / З. Х. Урусов // Пробелы в российском законодательстве. — 2020. — Т. 13, № 4. — С. 334–337.

Специфика детерминации легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма в банковской деятельности Российской Федерации

Прозоров Илья Владимирович, студент магистратуры

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

Статья посвящена анализу специфики детерминации легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма в банковской деятельности Российской Федерации. Рассматриваются ключевые группы факторов, способствующих возникновению и развитию данных противоправных явлений, включая экономические, институциональные, правовые, технологические и социально-криминологические детерминанты. Особое внимание уделено роли банковской системы как одного из основных каналов легализации преступных доходов, а также влиянию цифровизации финансовых услуг на трансформацию способов совершения финансовых преступлений. Выявлены особенности взаимодействия факторов, усиливающих риски вовлечения кредитных организаций в противоправные схемы. В заключении предложены направления совершенствования системы противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма с учетом выявленных детерминант. Сделан вывод о необходимости комплексного междисциплинарного подхода к решению данной проблемы.

Ключевые слова: легализация доходов, финансирование терроризма, детерминация преступности, банковская деятельность, финансовый мониторинг, теневая экономика, цифровизация, риск-ориентированный подход, комплаенс, финансовые преступления.

Легализация доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма представляют собой одни из наиболее сложных и опасных явлений современной экономической преступности. Их развитие напрямую связано с глобализацией финансовых рынков, цифровизацией банковской деятельности и усложнением финансовых инструментов. Банковская система в данных условиях выступает ключевым элементом финансовой инфраструктуры, через который проходят значительные денежные потоки, что делает её уязвимой к использованию в противоправных целях.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления причин и условий, способствующих вовлечению банковского сектора в процессы легализации преступных доходов и финансирования терроризма. Несмотря на развитие системы финансового мониторинга, данные преступления продолжают эволюционировать, используя новые технологические и организационные возможности.

Целью настоящей статьи является анализ специфики детерминации указанных явлений в банковской деятельности Российской Федерации и систематизация факторов, способствующих их возникновению и развитию.

В криминологической науке детерминация преступности рассматривается как совокупность причин и условий, обуславливающих возникновение и существование преступных явлений. При этом под причинами понимаются факторы, непосредственно порождающие преступность, а условия создают благоприятную среду для её реализации [2, с. 144].

Применительно к легализации преступных доходов и финансированию терроризма детерминация носит комплексный характер и включает экономические, правовые, институциональные и иные факторы. Особенность данных преступлений заключается в их высокой латент-

ности и тесной связи с легальной экономической деятельностью, что усложняет их выявление и предотвращение.

Одним из ключевых факторов является наличие значительного теневого сектора экономики. Неформальные финансовые потоки создают основу для последующей легализации преступных доходов через банковскую систему.

К экономическим детерминантам относятся: высокий уровень наличного денежного обращения; стремление хозяйствующих субъектов к минимизации налоговых обязательств; использование офшорных юрисдикций; развитие сложных финансовых схем, направленных на сокрытие происхождения средств. Дополнительным фактором выступает экономическая нестабильность, которая стимулирует поиск альтернативных, в том числе незаконных, способов получения и перемещения капитала.

Банковская система играет ключевую роль в процессе легализации доходов, поскольку именно через кредитные организации осуществляется интеграция незаконных средств в легальный оборот.

К основным институциональным факторам относятся: недостатки системы внутреннего контроля; формальный характер процедур комплаенса; недостаточная проверка клиентов и их бенефициарных владельцев; высокая конкуренция между банками, приводящая к снижению требований к клиентам. В ряде случаев банки могут выступать не только как посредники, но и как субъекты, косвенно способствующие легализации средств вследствие недостаточной эффективности контроля.

Существенное влияние на развитие рассматриваемых явлений оказывают правовые факторы. Несмотря на наличие развитой нормативной базы, в правовом регулировании сохраняются определённые пробелы и противоречия.

К ним относятся: неопределённость критериев подозрительных операций; сложность правоприменительной

практики; частые изменения законодательства; различия в толковании норм.

Данные обстоятельства создают трудности как для банков, так и для контролирующих органов, снижая эффективность противодействия финансовым преступлениям.

Современный этап развития банковской системы характеризуется активной цифровизацией. С одной стороны, это способствует повышению эффективности финансового мониторинга, с другой — создаёт новые возможности для совершения преступлений.

К технологическим факторам относятся: развитие дистанционного банковского обслуживания; использование электронных платежных систем; распространение криптовалют; применение финтех-технологий. Особую сложность представляет высокая скорость проведения операций и их трансграничный характер, что затрудняет своевременное выявление подозрительной активности.

Значительную роль играют социальные и криминологические детерминанты, среди которых: деятельность организованных преступных групп; коррупция; использование подставных лиц (номинальных владельцев); низкий уровень правовой культуры отдельных участников экономических отношений.

Глобализация финансовых потоков усиливает трансграничный характер легализации доходов и финансирования терроризма. Различия в национальных правовых системах создают возможности для использования «слабых звеньев» в международной финансовой системе. К таким факторам относятся: различия в регулировании разных стран; наличие офшорных зон; недостаточный

уровень международного взаимодействия; сложность обмена информацией между государствами [1, с. 58].

Банковская деятельность обладает рядом особенностей, которые делают её привлекательной для легализации преступных доходов: высокая концентрация финансовых ресурсов; возможность проведения сложных финансовых операций; доверительный характер отношений с клиентами; высокая скорость транзакций.

Анализ показывает, что указанные факторы не действуют изолированно, а образуют сложную взаимосвязанную систему. Например, технологическое развитие в сочетании с недостатками правового регулирования значительно повышает риски использования банковской системы в преступных целях.

Таким образом, детерминация легализации доходов, полученных преступным путём, и финансирования терроризма в банковской деятельности Российской Федерации носит комплексный характер и обусловлена совокупностью экономических, правовых, институциональных и технологических факторов. Важное значение имеют теневая экономика, недостатки банковского контроля, правовая неопределённость и развитие цифровых финансовых инструментов. Банковская система выступает основным каналом интеграции незаконных средств в легальный оборот, что усиливает её уязвимость. Факторы детерминации взаимосвязаны и усиливают друг друга, что требует системного подхода к противодействию. Повышение эффективности возможно при совершенствовании законодательства, усилении комплаенс-контроля, внедрении цифровых технологий мониторинга и развитии межведомственного взаимодействия.

Литература:

1. Карепина, О. И. Сущность, причины и условия, способствующие легализации доходов, полученных преступным путем / О. И. Карепина // Управленческий учет. — 2022. — № 1–1. — С. 55–61.
2. Криминология: учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. — 1008 с. -

Пределы действия отсрочки отбывания наказания по статье 82 УК РФ: законодательная неопределённость и пути решения

Ройзен Анастасия Александровна, студент магистратуры
Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (Кемеровская область)

Отсрочка отбывания наказания, предусмотренная статьёй 82 Уголовного кодекса Российской Федерации, для женщин, находящихся в состоянии беременности, и женщин, имеющих детей в возрасте до четырнадцати лет, рассматривается как яркий пример принципа гуманизма в уголовном праве. Законодатель исходит из того, что интересы ребёнка и сохранение материнства

в некоторых случаях имеют приоритет перед неотбытым наказанием. Однако на практике применение данной нормы сталкивается с рядом проблем, которые не имеют однозначного решения как законе, так и в разъяснениях высших судебных органов.

Таким образом, на мой взгляд, можно выделить три группы проблем.

Во-первых, это неопределённость круга лиц, которые могут предъявлять требования на отсрочку отбывания наказания. Например, возможно ли законное применение к отцам-одиночкам или иным законным представителям ребёнка?

Во-вторых, это основания прекращения и отмены отсрочки, особенно в ситуациях, когда ребёнок изъят органами опеки, а не оставлен матерью добровольно.

В-третьих, это порядок исчисления срока наказания в случае совершения нового преступления и отмены отсрочки.

Цель настоящей работы — выявить законодательные пробелы и правоприменительные противоречия, связанные со статьёй 82 УК РФ, и предложить пути их устранения.

Буквальное толкование части первой статьи 82 УК РФ позволяет сделать однозначный вывод: отсрочка предоставляется только двум категориям осуждённых — беременным женщинам, а также женщинам, имеющим ребёнка в возрасте до четырнадцати лет. При этом пол ребёнка, состояние его здоровья, факт наличия у него инвалидности, а также количество детей значения не имеют. Важно лишь, чтобы женщина являлась матерью либо находилась в состоянии беременности на момент вынесения приговора или в период отбывания наказания.

Однако на практике возникают ситуации, когда ребёнок остаётся без матери по несвязанным с уголовным преследованием причинам (например, мать лишена родительских прав), а к лишению свободы приговаривается отец, который является единственным родителем. В действующей редакции статьи 82 УК РФ отец не упоминается. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своём постановлении от 22 декабря 2015 года № 8 «О судебной практике назначения уголовного наказания» также не расширяет перечень лиц, имеющих право на отсрочку, ограничиваясь лишь разъяснением того, кого следует считать лицом, имеющим ребёнка (пункт 26).

Сравнительный анализ статьи 82.1 УК РФ, предусматривающей отсрочку для больных наркоманией, показывает, что законодатель сознательно сужает субъектный состав именно до «материнской» отсрочки. В отличие от статьи 82, где субъект прямо указан как «женщина», в статье 82.1 субъектом может быть любое лицо, признанное больным наркоманией. Таким образом, распространить отсрочку по статье 82 на отцов-одиночек в рамках действующего закона невозможно без внесения изменений в Уголовный кодекс.

Вторая часть статьи 82 УК РФ содержит ряд оснований, таких как: достижение ребёнком возраста четырнадцати лет, смерть ребёнка, при наступлении которых отсрочка прекращается или отменяется, а также отмена отсрочки судом в случае, если осуждённая отказалась от ребёнка или уклоняется от его воспитания. Кроме того, часть 2.1 той же статьи предусматривает обязательную отмену отсрочки при совершении осуждённой нового преступления.

На практике наибольшие трудности вызывает применение понятия «отказ от ребёнка». Пленум Верховного Суда РФ в пункте 27 постановления № 8 разъясняет, что под отказом следует понимать совершение действий, свидетельствующих о передаче ребёнка в детский дом, оформление согласия на усыновление, а также иные формы фактического оставления ребёнка без своего попечения. Однако закон не предусматривает случай, когда ребёнка изымают органы опеки и попечительства принудительно (например, в связи с антисанитарными условиями проживания или угрозой здоровью ребёнка). Суды по-разному квалифицируют такие случаи: одни рассматривают принудительное изъятие как форму отказа, другие — нет. Единой позиции изложенной Верховным Судом по данному вопросу в настоящее время не существует.

Следующей проблемой в законе является отсутствие чёткого критерия уклонения от воспитания ребёнка. В теории для отмены отсрочки достаточно установить факт уклонения, но его содержание закон не раскрывает. В судебной практике к уклонению относят систематическое неисполнение родительских обязанностей, злоупотребление алкоголем, оставление ребёнка без присмотра, но каждый раз эти обстоятельства оцениваются судом по-разному в зависимости от конкретных данных.

Большого внимания заслуживает вопрос о правовых последствиях совершения осуждённой женщиной нового преступления в период отсрочки. В соответствии с частью 4 статьи 82 УК РФ суд отменяет отсрочку и назначает наказание по совокупности приговоров по правилам статьи 70 УК РФ. При этом часть 5 той же статьи прямо указывает, что время, в течение которого женщина находилась на отсрочке, не засчитывается в срок назначенного наказания.

Такое законодательное решение вызывает споры. Женщина, на протяжении нескольких лет добросовестно исполнявшая обязанности по воспитанию ребёнка, при повторном нарушении законодательства Российской Федерации фактически лишается всего этого времени — оно не идёт в зачёт ни основного, ни дополнительного наказания. Следовательно возникает ситуация, при которой отсрочка становится не стимулом к исправлению, а ловушкой к увеличению срока отбывания наказания: любой новый проступок (не обязательно даже тяжкое преступление) аннулирует весь период безупречного поведения.

По моему мнению, более справедливым было бы частичное зачтение времени отсрочки, например, пропорционально сроку, в течение которого женщина не совершала нарушений и заботилась о воспитании и развитии ребёнка. Похожий принцип применяется при условно-досрочном освобождении, где неотбытая часть наказания может быть сокращена. Внесение соответствующего изменения в часть 5 статьи 82 УК РФ повысило бы эффективность действующей нормы.

Проведённое мною исследование позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, настоящая редакция статьи 82 УК РФ безосновательно ограничивает круг лиц, имеющих право на отсрочку, только женщинами. Отцы-одиночки, фактически осуществляющие уход за ребёнком, оказываются в худшем положении, что не соответствует принципу равенства граждан перед законом.

Во-вторых, основания отмены отсрочки, прежде всего такие понятия, как «отказ от ребёнка» и «уклонение от воспитания», нуждаются в дополнительных разъяснениях

Верховного Суда РФ, а в части принудительного изъятия ребёнка — в прямом законодательном регулировании.

В-третьих, правило о незачёте времени отсрочки в срок наказания при совершении нового преступления является очень жёстким и не стимулирует законное поведение. В связи с этим предлагается дополнить часть 5 статьи 82 УК РФ положением о частичном зачёте периода отсрочки пропорционально сроку безупречного воспитания ребёнка.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2023) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2016. — № 2.
3. Новиков Е. Е., Темирханов М. А., Шерхов Р. Р. О некоторых проблемах уголовно-правового регулирования и практики применения отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) в период исполнения лишения свободы // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 7(223). — С. 403–406.
4. Суд присяжных: сайт. — URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 09.04.2026).

Актуальные вопросы применения меры пресечения в виде залога

Сафина Юлия Константиновна, студент;

Борзунов Максим Александрович, студент

Научный руководитель: Барыгина Александра Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с избранием и применением меры пресечения в виде залога, раскрываются особенности ее избрания. Особое внимание уделено таким проблемам как субъектный состав — рассматривается неопределённый процессуальный статус залогодателя-третьего лица, отсутствие у него прав и обязанностей, а также проблемы защиты его имущественных интересов, определение размера залога — анализируются недостатки оценочных критериев ст. 106 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). В заключении формулируются предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства: формализация статуса залогодателя, сужение круга лиц, имеющих право вносить залог, введение периодического пересмотра размера залога, распространение законопроектного подхода на все категории преступлений.

Ключевые слова: залог, мера пресечения, уголовный процесс, судебный контроль, размер залога, залогодатель, срок залога, субъектный состав, процессуальный статус.

Институт залога в системе мер уголовно-процессуального пресечения занимает особое место. Залог, представляя собой альтернативу заключению под стражу, обеспечивает сочетание публичного интереса государства, заключающегося в гарантировании надлежащего поведения обвиняемого, и частного интереса лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, состоящего в сохранении личной свободы.

Залог как мера пресечения регламентируется ст. 106 УПК РФ. Согласно закону, залог представляет собой внесение или передачу подозреваемым, обвиняемым либо другим физическим или юридическим лицом в депозит суда недвижимого имущества, денег, ценностей, акций, облигаций либо иных допущенных к публичному обра-

щению ценных бумаг с целью обеспечения явки обвиняемого на следственные действия и в суд, а также предотвращения совершения им новых правонарушений [1, ст. 106].

Согласно ч. 1 ст. 106 УПК РФ, круг лиц, выступающих в качестве залогодателя, законом не ограничен. Залог может быть внесен как самим подозреваемым или обвиняемым, так и любым другим физическим или юридическим лицом. Это создает серьезные риски, связанные с возможностью внесения залога членами преступных групп или лицами, использующими незаконно полученное имущество [1, ст. 106].

В связи с этим Климов В. В. пишет, что «непростая ситуация с юридическими лицами, которые имеют право внести залог. Как показала практика, возникают во-

просы — какое отношение имеет то или другое физическое или юридическое лицо к данному уголовному процессу, кто конкретно из возможных соучастников «стоит» за ним, не относятся ли они к финансированию чей-то преступной деятельности, например, по терроризму, организованной преступности, незаконному обороту наркотических средств. Больше шансов внести залог, а затем, возможно, скрыться от органов предварительного расследования и суда появляется у подозреваемых или обвиняемых, связанных с преступным миром» [2, с. 39]. Исходя из вышесказанного, внесение залога иными лицами может приобретать признаки личного поручительства, и потому следует изменить положения ст. 106 УПК РФ и ограничить круг лиц, включив в него только подозреваемого и обвиняемого.

Также влияющим фактором на избрание меры пресечения в виде залога и возможность участия в этой процедуре третьих лиц, на наш взгляд, помимо отсутствия гарантированного неукоснительного соблюдения условий избранной меры пресечения допустимо отнести еще и преследование личных целей — как физического, так и юридического лица, связанных в том числе с возможностью продолжения занятий преступной деятельностью, уничтожением доказательств либо воспрепятствованием иным путем производству по уголовному делу в случае возможного соучастия, для достижения которых необходимо присутствие подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, в отношении которого рассматривается вопрос об избрании меры пресечения, в определенном месте или использование необходимых технических средств, которые запрещены в условиях изоляции от общества.

Еще одной особенностью меры пресечения в виде залога, наряду с ее непосредственным избранием и применением, является возможность дополнительно возложить на подозреваемого или обвиняемого запреты, предусмотренные ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, например общаться с определенными лицами, отправлять и получать почтово-телеграфные отправления, использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» и др. [1, ст. 105.1].

А. Н. Петрухина, положительно оценивая возможность дополнения залога запретами, предусмотренными ст. 105.1 УПК РФ, указывает, что «при наличии дополнительных запретов появляется возможность на усмотрение суда балансировать их с размером суммы залога и, таким образом, сделать залог как более мягкую меру более доступным» [3, с. 42]. С этим можно согласиться, но именно такое утверждение с очевидностью свидетельствует о слиянии двух мер пресечения.

Согласно ч. 3 ст. 106 УПК РФ, минимальный размер залога установлен в виде двух пороговых значений: по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести — не менее 50 000 рублей, а по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях — не менее 500 000 рублей. При определении вида и размера залога судам надлежит учитывать характер совершенного преступ-

ления, данные о личности подозреваемого или обвиняемого, имущественное положение залогодателя, а также характер и размер вреда, причиненного преступлением. Однако эти критерии носят оценочный характер, что порождает на практике существенные сложности [1, ст. 106].

Председатель коллегии адвокатов «ZUEV.PRO», член адвокатской палаты Московской области, адвокат по уголовным делам Андрей Зуев объясняет, что «в правоприменительной практике есть две причины столь редкого назначения залога. Первая заключается в отсутствии предмета залога у обвиняемого ввиду недостаточной обеспеченности или из-за ареста активов по уголовному делу для исполнения будущего приговора или возмещения ущерба. Вторая — в сложности и неопределенности критериев исчисления величины суммы» [4]. Следовательно, можно сделать вывод, что без разрешения коллизии с арестом имущества и внедрения объективных критериев исчисления залога данная мера не сможет стать реальной альтернативой содержанию под стражей.

Проблема отсутствия предмета залога, о которой говорит адвокат Андрей Зуев (арест активов), усугубляется правовой позицией Конституционного Суда РФ, изложенной в Определении от 29.05.2025 № 1262-О [5]. КС РФ рассмотрел жалобу залогодателя, чье имущество было арестовано по уголовному делу. Суд указал, что залогодатель не является собственником имущества, а арест имущества сам по себе не нарушает его прав, так как УПК РФ не содержит норм об обязательном учете прав залогодателя как кредитора на данном этапе. Данный вывод ставит приоритет публичных интересов уголовного судопроизводства над частными интересами взыскателей при наложении ареста.

В связи с этим возникает вопрос относительно того, как быть тем лицам, которые в связи с их материальным положением не могут ходатайствовать о применении в отношении них такой меры пресечения, как залог. Получается, что те лица, которые имеют высокий материальный достаток, не равны с теми, у кого доход ниже в аспекте справедливости назначаемых мер процессуального принуждения. На практике возникает ситуация, согласно которой при отсутствии у лица денежных средств залог фактически не может быть назначен.

В п. 42 (1) Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» указано, что «...следует обсуждать возможность применения к подозреваемому или обвиняемому залога при наличии к тому оснований...» [6, с. 22]. Из этого можно сделать вывод, что ВС РФ прямо указывает, что залог не может быть избран, если лицо не имеет реальной возможности его внести. Более того, суды обязаны проверять наличие у лица или его поручителей (родственников, иных лиц) финансовой возможности внести залог. Если такая возможность отсутствует, суд отказывает в удовлетворении ходатайства о залоге и рассматривает иные меры.

Формальное неравенство при применении залога действительно существует, но оно не является существенным. Для практического решения необходимо, чтобы сторона защиты заявляла о невозможности внесения залога и представляла доказательства отсутствия средств, а суды — строго соблюдали требования закона о соразмерности и справедливости мер процессуального приуждения.

Так же по мнению Дорошевой А. А., «также мыслится, что залог следует отменить в отношении тяжких и особо тяжких преступлений в связи с их особой общественной опасностью; возможно, впоследствии целесообразным было бы применение залога больше по преступлениям в сфере экономики, чем по иным, «общеуголовным», делам, подпадающих под критерий тяжести» [7, с. 142]. Однако с данным подходом трудно согласиться, т. к. он противоречит принципу гуманизации уголовного процесса к избранию меры пресечения, создает неравенство между обвиняемыми и игнорирует компенсаторный потенциал залога. Более оправданным представляется не от-

мена, а дифференциация условий применения залога в зависимости от категории преступления при сохранении самой возможности его избрания.

В соответствии вышеизложенным, предлагаем сузить круг лиц, имеющих право вносить залог, введение расщелки залога или снижение его минимального размера для малоимущих, ограничение круга залогодателей и проверка легальности происхождения средств — в своей совокупности направлены на достижение справедливого и реально работающего баланса между двумя конституционно значимыми ценностями: равенством прав граждан независимо от их имущественного положения и необходимостью предотвращения злоупотреблений институтом залога (включая внесение средств из незаконных источников или через подставных лиц). Реализация этих предложений позволит залому стать действительно альтернативной мерой пресечения, доступной как для обеспеченных, так и для неимущих подозреваемых, но при этом исключит его превращение в инструмент ухода от ответственности за сомнительные деньги.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.11.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — ст. 4921.
2. Климов, В. В. Законность и обоснованность применения залога в уголовном судопроизводстве России // Вестник Дальневосточного Федерального Университета. — 2015. — № 2. — С. 37–43.
3. Петрухина А. Н. Проблемы совершенствования нормативного регулирования и практики применения залога как меры пресечения // Российский судья. 2020. № 4. С. 40–43.
4. Редкая мера: Минюст готовит новые правила освобождения под залог // Legal Talks: [сайт]. — URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/redkaya-mera-minyust-gotovit-novye-pravila-osvobozhdeniya-pod-zalog> (дата обращения: 09.04.2026).
5. Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2025 года № 1262-О/2025 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Николаева Антона Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 334 и пунктом 2 статьи 347 Гражданского кодекса Российской Федерации, частью второй статьи 442 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьёй 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Конституционный Суд РФ. — URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision842246.pdf> (дата обращения: 09.04.2026).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 41 от 19 декабря 2013 года «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2014. — № 2.
7. Дорошева, А. А. Некоторые проблемы применения «строгих» мер пресечения в уголовном судопроизводстве РФ // Устойчивое развитие науки и образования. — 2018. — № 8. — С. 140–145.

Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки как средство дифференциации уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления

Сафонова Елена Владимировна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются особенности дифференциации уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления на основе анализа ст. 150 УК РФ. Выявляются квалифицирующие признаки и их значение для оценки общественной опасности деяния в условиях современной правоприменительной практики.

Ключевые слова: вовлечение несовершеннолетних, дифференциация ответственности, квалифицирующие признаки, ст. 150 УК РФ.

Дифференциация уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления обусловлена повышенной общественной опасностью данного деяния, особенностями личности потерпевших и разнообразием способов воздействия на них. Законодатель, закрепляя ответственность в ст. 150 УК РФ, формирует многоуровневую модель, позволяющую учитывать характер и интенсивность криминального воздействия. Дифференциация выступает ключевым механизмом уголовно-правовой политики, обеспечивающим индивидуализацию наказания. Как отмечает А. И. Рарог, она представляет собой инструмент «точной подстройки уголовного закона под характер и степень общественной опасности конкретных преступлений» [1, с. 135].

Одним из наиболее значимых квалифицирующих признаков является совершение деяния родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. Повышенная общественная опасность обусловлена злоупотреблением специальным правовым статусом и доверием. По мнению В. Е. Эминова, такое вовлечение формирует качественно иной уровень криминогенного воздействия [2, с. 64]. Данный теоретический подход находит подтверждение в судебной практике. Так, в приговоре Алексинского городского суда Тульской области установлено, что мать несовершеннолетней, пообещав денежное вознаграждение, склонила её к участию в мошенничестве, совместно похитив денежные средства с банковского счёта потерпевшей. Действия виновной квалифицированы по ч. 2 ст. 159 и п. «а» ч. 2 ст. 150 УК РФ [3]. Указанный пример демонстрирует, что суды рассматривают использование родительского авторитета и материального стимулирования как форму целенаправленного вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность.

В условиях цифровизации особое значение приобретает вовлечение с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Дистанционный характер воздействия, анонимность и массовость существенно повышают его эффективность. Несовершеннолетние вовлекаются через социальные сети, мессенджеры и онлайн-игры, что снижает критическое восприятие информации.

К числу наиболее опасных форм относится вовлечение с применением насилия или угрозы его применения. Такие способы существенно ограничивают свободу волеизъявления несовершеннолетнего и причиняют значительный психологический вред. В научной доктрине подчёркивается, что при насильственном вовлечении несовершеннолетний лишается возможности свободного выбора модели поведения [4, с. 54].

Существенное значение имеют признаки, связанные с характеристикой потерпевших. Вовлечение двух и более

несовершеннолетних свидетельствует о целенаправленной криминальной деятельности и способствует формированию подростковой преступной среды, множественность потерпевших указывает на более высокую степень криминальной активности. Вовлечение лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, признаётся особенно опасным ввиду высокой внушаемости несовершеннолетних и их неспособности критически оценивать происходящее, поскольку чем ниже возраст потерпевшего, тем глубже деформация его правосознания. Так, в приговоре Мирнинского районного суда Республики Саха (Якутия) установлено, что обвиняемый, заведомо зная о возрасте несовершеннолетних, включая лицо, не достигшее 14 лет, побудил их к участию в хищении имущества и впоследствии совершил преступление совместно с ними. Данный факт был учтён судом при квалификации деяния как вовлечения несовершеннолетних с отягчающими признаками [5]. Приведённый пример подтверждает, что суды придают значение как количеству вовлечённых лиц, так и их возрасту.

Особое место занимает вовлечение в преступную группу. По нашему мнению, групповая преступность формирует устойчивую криминальную ориентацию личности, и в таких условиях несовершеннолетний подвергается комплексному воздействию: прямому влиянию и групповому давлению. С уголовно-правовой точки зрения вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу опасно также тем, что способствует раннему закреплению преступной специализации.

Повышенная ответственность предусмотрена за вовлечение в совершение тяжких и особо тяжких преступлений, поскольку участие в таких преступлениях приводит к глубокой деформации правосознания несовершеннолетнего. Это обусловлено тем, что такие преступления посягают на наиболее значимые объекты уголовно-правовой охраны и сопряжены с причинением существенного вреда личности, обществу или государству. Так, приговором Джанкойского районного суда Республики Крым установлено, что совершеннолетний обвиняемый вовлёк 16-летнюю девушку в совершение угона автомобиля, предложив ей участие в преступлении и определив её роль наблюдателя, после чего преступление было совершено группой лиц по предварительному сговору [6]. Данный пример демонстрирует, что суды учитывают не только факт вовлечения, но и характер распределения ролей как элемент организации преступной деятельности.

Особую опасность представляет вовлечение по мотивам ненависти или вражды. А. А. Турышев указывает, что такие преступления направлены не только против конкретного лица, но и против социальной группы в целом [7, с. 107]. Вовлечение несовершеннолетнего в подобную деятельность способствует его идеологической

криминализации и осуществляется посредством формирования у них упрощённой картины мира, основанной на противопоставлении «своих» и «чужих». Это делает их уязвимыми перед манипуляциями и способствует быстрому усвоению радикальных установок.

Таким образом, система квалифицирующих признаков, предусмотренных ст. 150 УК РФ, отражает комплексный подход законодателя к оценке общественной опасности вовлечения несовершеннолетних. Она учитывает особен-

ности личности потерпевших, способы воздействия и характер преступной деятельности, обеспечивая дифференцированный подход к уголовной ответственности. Анализ судебной практики подтверждает, что дифференциация уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних реализуется с учётом характера воздействия, личности потерпевших и особенностей преступной деятельности, что обеспечивает более точную и справедливую уголовно-правовую оценку деяний.

Литература:

1. Рарог, А. И. Уголовное право России: Учебник. Части Общая и Особенная / А. И. Рарог. — 10-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2025. — 944 с. — Текст: непосредственный.
2. Эминов, В. Е. Причины преступности в России: криминологический и социально-психологический анализ: монография / В. Е. Эминов. — Москва: Норма ИНФРА-М, 2024. — 128 с. — ISBN 978-5-91768-176-4. — Текст: электронный. — URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2115734> (дата обращения: 01.04.2026). — Режим доступа: по подписке.
3. Приговор № 1-83/2025 от 07 мая 2025 г. по делу № 1-83/2025. — Текст электронный // Электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ». URL: <https://arbitr.garant.ru/m/#/document/348711359/paragraph/5/tab/0/page/1> (дата обращения: 01.04.2026).
4. Кудрявцев, В. Н. Причинность в криминологии: монография / В. Н. Кудрявцев. — Москва: Юр. Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2016. — 176 с. — ISBN 978-5-16-105397-3. — Текст: электронный. — URL: <https://znanium.com/catalog/product/752277> (дата обращения: 02.04.2026). — Режим доступа: по подписке.
5. Приговор 1-89/2025 от 29 сентября 2025 г. по делу № 1-89/2025. — Текст электронный // Электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ». URL: <https://arbitr.garant.ru/m/#/document/348573551/paragraph/5/tab/0/page/1> (дата обращения: 02.04.2026).
6. Приговор № 1-408/2025 от 16 декабря 2025 г. по делу № 1-408/2025. — Текст электронный // Электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ». URL: <https://arbitr.garant.ru/m/#/document/348844219/paragraph/4/tab/0/page/1> (дата обращения: 03.04.2026).
7. Турышев А. А. Уголовно-правовая характеристика экстремизма // Научный портал МВД России. — 2010. — № 1. — С. 106–109. — Текст электронный. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-harakteristika-ekstremizma> (дата обращения: 03.04.2026).

Подготовка к судебному разбирательству в общем порядке

Сулейманова Лена Фахритдиновна, студент магистратуры

Научный руководитель: Кирдина Наталия Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

Подготовка к судебному разбирательству в общем порядке представляет собой важнейшую стадию уголовного судопроизводства, обеспечивающую реализацию принципов законности, состязательности и равенства сторон. От правильности и полноты выполнения подготовительных действий во многом зависит эффективность и качество последующего судебного процесса, соблюдение прав и законных интересов участников, а также достижение целей уголовного судопроизводства — защиты личности, общества и государства от преступных посягательств при защите прав обвиняемого от необоснованного и незаконного привлечения к уголовной ответственности.

Сущность подготовки к судебному разбирательству заключается в установлении готовности дела к рассмо-

трению по существу, проверке законности и обоснованности действий органов предварительного расследования, проверке соблюдения процессуальных прав сторон, устранении препятствий, которые могут помешать проведению судебного заседания. Данная стадия имеет самостоятельное значение и выступает не только в качестве организационно-подготовительного этапа, но и как правовой фильтр, посредством которого суд первой инстанции оценивает допустимость движения уголовного дела к рассмотрению по существу.

Институт подготовки уголовного дела к судебному заседанию занимает ключевое место в системе стадий уголовного процесса, выступая связующим звеном между предварительным расследованием и судебным раз-

бирательством по существу. Как справедливо отмечает Н. Н. Ковтун, данная стадия выполняет «фильтрующую» функцию, призванную не допустить рассмотрение дела по существу при наличии неустранимых препятствий, и одновременно создает необходимые условия для справедливого и оперативного судебного процесса [9, с. 332]. В соответствии с главой 33 УПК РФ, данная стадия является обязательной по каждому уголовному делу, поступившему в суд в общем порядке.

Подготовка уголовного дела к судебному заседанию представляет собой самостоятельную стадию уголовного процесса, в рамках которой судья единолично, не предвзято, проверяет поступившее от прокурора уголовное дело на предмет наличия или отсутствия фактических и юридических оснований для его рассмотрения в судебном разбирательстве. А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский определяют данную стадию как «совокупность процессуальных действий и решений, направленных на обеспечение законности, обоснованности и справедливости будущего судебного разбирательства» [12, с. 840].

Значение данной стадии многогранно. Во-первых, она выполняет контрольную функцию по отношению к досудебному производству. Судья обязан проверить, соблюдены ли нормы УПК при возбуждении дела и производстве следственных действий, не истекли ли сроки давности, вручена ли обвиняемому копия обвинительного заключения (акта). Во-вторых, она обеспечивает организационную подготовку процесса: судья решает вопросы о назначении судебного заседания, месте и времени его проведения, составе суда, мере пресечения, а также рассматривает ходатайства сторон. Как верно указывает Т. В. Трубникова, именно на этом этапе закладывается фундамент состоятельности будущего процесса [13, с. 204].

Сроки данной стадии строго регламентированы законом и являются достаточно сжатыми. Согласно ч. 1 ст. 227 УПК РФ, решение по поступившему уголовному делу должно быть принято не позднее 30 суток со дня поступления дела в суд. Если же обвиняемый содержится под стражей, этот срок сокращается до 14 суток. Как отмечается в юридической литературе, соблюдение этих сроков гарантирует право обвиняемого на судебную защиту без неоправданной задержки.

При общем порядке подготовки к судебному заседанию судья единолично выясняет вопросы, решение которых непосредственно связано с возможностью принятия решения о назначении судебного заседания по делу: установление соблюдения органами предварительного расследования требований уголовно-процессуального закона в ходе досудебного производства по делу; отсутствие обстоятельств, препятствующих либо исключающих его рассмотрение судом в судебном разбирательстве (ст. 228 УПК РФ). Вместе с тем, исходя из круга вопросов, подлежащих выяснению по поступившему в суд делу, проверка судом достоверности представленных доказательств, их окончательная оценка возможны только при непосред-

ственном их исследовании судом с участием сторон в ходе судебного разбирательства. Также в этой стадии судья не инстанция в закрытом производстве по преданию обвиняемого суду сначала должен проверить наличие в действительности оснований, обосновывающих достаточное подозрение в совершении преступления. Вместе с тем для принятия судьей решения в данной стадии необходимо наличие основания, предусмотренного законом. Следует отметить, что в случае направления дела по подсудности (ст. 34 УПК РФ) судья не вправе разрешать все другие вопросы, указанные в п. 2–6 ст. 228 УПК РФ.

По результатам рассмотрения этих вопросов судья принимает одно из следующих решений, предусмотренных ст. 227 УПК РФ:

1. О направлении уголовного дела по подсудности. Данное решение принимается в случае, если судья устанавливает, что дело не подсудно данному суду. Институт подсудности детально регламентирован главой 5 УПК РФ, и его нарушение является безусловным основанием для отмены приговора. Верховный Суд РФ в своих постановлениях неоднократно обращал внимание на недопустимость нарушения правил подсудности [2, с. 3].

2. О назначении предварительного слушания. Предварительное слушание — это особый порядок подготовки дела, который проводится судьей с участием сторон в случаях, прямо предусмотренных ст. 229 УПК РФ. К ним относятся: наличие основания для возвращения дела прокурору (ст. 237 УПК РФ); наличие основания для приостановления или прекращения дела; наличие ходатайства стороны об исключении доказательства; наличие оснований для проведения судебного разбирательства в особом порядке (гл. 40 УПК РФ) и др. Как отмечает Л. В. Головкин, предварительное слушание является важнейшей гарантией состоятельности, позволяющей сторонам заявить свои возражения до начала суда [5, с. 1280].

3. О назначении судебного заседания. Это наиболее распространенное решение. Выносится в случаях, когда отсутствуют основания для направления дела по подсудности или проведения предварительного слушания. В постановлении о назначении судебного заседания судья разрешает все организационные вопросы: место и время рассмотрения дела, состав суда, назначение защитника, вызов свидетелей, а также рассматривает вопросы о мере пресечения.

Одним из наиболее дискуссионных в теории уголовного процесса остается вопрос о глубине проверки судьей материалов дела на стадии подготовки. С одной стороны, судья обязан проверить наличие состава преступления и соблюдение процедуры (ч. 1 ст. 228 УПК РФ). С другой стороны, он не должен предвешать вопрос о виновности лица, так как это является прерогативой судебного разбирательства (ст. 8 УПК РФ).

Существует научная позиция, согласно которой проверка обоснованности обвинения на данной стадии носит формально-юридический характер. Как пишет И. Б. Михайловская, «судья проверяет не доказанность обвинения

по существу, а лишь наличие в деле достаточных доказательств, дающих основание для рассмотрения дела в суде» [11, с. 192]. Однако на практике грань между формальной проверкой и оценкой доказательств может стираться, особенно при рассмотрении ходатайств об исключении доказательств на предварительном слушании. В таких случаях судья вынужден оценивать допустимость доказательств, что, по мнению некоторых процессуалистов, является преждевременным и нарушает принцип независимости суда при постановлении приговора [15, с. 20–25].

Предварительное слушание представляет собой уникальный процессуальный институт, который, по мнению Ю. К. Орлова, является «микро-моделью судебного заседания» [14, с. 366]. Оно проводится судьей единолично с обязательным участием сторон (за исключением случаев, когда обвиняемый заявил ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие). Участие обвиняемого, как правило, обязательно, если только он не просит о рассмотрении дела в его отсутствие по причинам, признанным судом уважительными.

Ключевым отличием предварительного слушания от общего порядка подготовки является возможность исследования доказательств, но с определенными ограничениями. Например, при рассмотрении ходатайства об исключении доказательства судья вправе допросить свидетеля и приобщить к делу документ, указанный в ходатайстве. Однако, как подчеркивает Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 22.12.2009 № 28, исследование доказательств в полном объеме на данном этапе не допускается.

На предварительном слушании могут быть приняты итоговые решения, не связанные с назначением судебного заседания: о возвращении уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ) или о прекращении уголовного дела (ст. 239 УПК РФ).

Возвращение дела прокурору является важным механизмом устранения препятствий рассмотрения дела судом. Как разъяснил Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 08.12.2003 № 18-П, возвращение дела допускается для устранения существенных нарушений закона, допущенных в досудебных стадиях, которые не могут быть устранены в судебном заседании [1, с. 11]. Основаниями могут быть: составление обвинительного заключения с нарушением требований УПК, невручение обвиняемому копии обвинительного заключения, необходимость соединения уголовных дел и др.

Прекращение уголовного дела возможно по основаниям, предусмотренным ст. 24 и 27 УПК РФ (отсутствие события или состава преступления, истечение сроков давности, смерть обвиняемого, примирение сторон и др.), если для этого не требуется исследования доказательств в судебном разбирательстве.

Вопрос о мере пресечения является одним из ключевых на данной стадии. Судья, изучив материалы дела, вправе не только продлить ранее избранную меру пресечения, но и изменить или отменить ее. Особую актуаль-

ность этот вопрос приобретает при рассмотрении ходатайств о заключении под стражу или продлении срока содержания под стражей в порядке ст. 108–109 УПК РФ, которые могут поступать в суд параллельно с делом.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» подчеркивается, что при решении вопроса о мере пресечения суд обязан учитывать тяжесть преступления, сведения о личности обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства. На стадии подготовки к судебному заседанию судья должен проверить, не отпали ли основания для применения строгой меры пресечения, и не изменились ли обстоятельства, послужившие поводом для ее избрания. Как справедливо замечает Е. В. Марковичева, автоматическое продление содержания под стражей без проверки обоснованности является грубым нарушением прав человека [10, с. 43–48].

Расширение сферы судебной деятельности, проведение судебных заседаний по различным вопросам в ходе досудебного производства ставит перед наукой уголовного процесса задачу по разработке и внедрению в уголовное судопроизводство порядка (процедуры) подготовки к соответствующим судебным заседаниям. Отдельные предпосылки к этому уже можно видеть в содержании уголовно-процессуального закона, и самым существенным является сам факт проведения судебных заседаний в досудебном производстве.

Необходимость в проведении соответствующих научных исследований обусловлена логичностью и закономерностью проведения предварительных подготовительных мероприятий перед судебным заседанием. Так, в частности, есть мнение, что «Неэффективная подготовка уголовных дел к разбирательству способна повлечь волокиту при их рассмотрении, отмену состоявшихся судебных решений и, таким образом нарушить одно из фундаментальных прав на рассмотрение дела без неоправданной задержки» [6, с. 200]. Верным представляется и следующее высказывание: «в стадии подготовки все действия субъектов процесса должны быть направлены на обеспечение правильного и своевременного разрешения дела» [8, с. 1104–1114].

Однако постановка таких же задач и соответствующий объект правоотношений в настоящее время оправданны и при проведении судебных заседаний в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Так, ходатайство следователя о применении заключения под стражу рассматривается и разрешается судьей в судебном заседании. При этом имеются отдельные подготовительные мероприятия со стороны судьи, влекущие соответствующие процессуальные действия для иных участников уголовного судопроизводства. В частности: «Рассматривая деятельность защитника в аспекте избрания или применения мер пресечения, считаем, что предметом ее является опровержение доводов стороны обвинения о законности, обоснованности и мотивированности применения той

или иной меры пресечения, и в особенности заключения под стражу» [7, с. 255–258]. Учитывая, что для решения этой задачи защитнику требуется, как минимум, быть уведомленным о дате и месте проведения соответствующей процедуры рассмотрения ходатайства о заключении под стражу, а, как максимум — знать доводы обвинения, судья обязан известить защитника и предоставить ему возможность для подготовки своей позиции и ее изложения суду в судебном заседании.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» от 1 июня 2017 г. № 19 сказано: «по каждому поступившему ходатайству о производстве следственного или иного процессуального действия судье надлежит выяснять, соответствует ли ходатайство требованиям ч. ч. 1 и 2 165 УПК РФ: подсудно ли оно данному суду, находится ли уголовное дело в производстве следователя или дознавателя, подавшего ходатайство, имеется ли согласие руководителя следственного органа или прокурора на проведение следственного действия, содержит ли ходатайство необходимые сведения (наименование конкретного следственного действия, адрес места производства осмотра или обыска в жилище и т. д.), а также приложены ли к ходатайству материалы, требующиеся для его рассмотрения (копии постановлений о возбуждении уголовного дела и принятии уголовного дела к производству, о продлении срока предварительного расследования, о возобновлении производства по уголовному делу, материалы, подтверждающие наличие оснований для производства следственного действия, и др.). В частности, в ходатайстве о реализации, об утилизации или уничтожении вещественных доказательств (ч. 3.1 ст. 165 УПК РФ) должны содержаться сведения о собственниках или иных законных владельцах предмета, признанного вещественным доказательством, необходимые для извещения указанных лиц о месте, дате и времени судебного заседания (адрес места жительства, номер телефона и т. д.)» [3, с. 1].

Содержание этого и иных положений указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ свидетельствует о необходимости проведения судьей подготовительных действий. В действующем же УПК РФ о данном этапе рассмотрения судом ходатайств органов предварительного расследования ничего не сказано. Нет соответствующих предписаний и относительно подготовки к судебному рассмотрению жалоб участников уголовного судопроизводства, направляемых в суд в порядке ст.ст. 125, 125.1 УПК РФ, что следует рассматривать как пробел законодательства.

Анализ судебной практики и научных комментариев позволяет выделить ряд проблем в правовом регулировании стадии подготовки к судебному заседанию.

Прежде всего, это проблема «связанности» судьи выводами обвинительного заключения. Некоторые авторы, такие как А. С. Александров, полагают, что судья на

данном этапе находится в «плёну» обвинительной версии, так как не имеет права самостоятельно восполнять пробелы следствия [4, с. 9–16]. Нередки случаи, когда уголовные дела, содержащие явные процессуальные или фактические недостатки, всё же поступают в суд. В подобных ситуациях на последующих этапах производства по делу возникает необходимость либо в возвращении дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, либо, при установлении невиновности подсудимого, в постановлении оправдательного приговора.

Кроме того, в правоприменительной практике сохраняется неопределённость относительно объёма процессуальных прав сторон на предварительном слушании. Действующее законодательство не содержит однозначного ответа на вопрос о возможности сторон заявлять ходатайства о вызове и допросе свидетелей для обоснования позиции об исключении доказательств до момента ознакомления с материалами уголовного дела. Исключение составляет лишь порядок, предусмотренный ч. 3 ст. 234 УПК РФ, что на практике создаёт дополнительные сложности для стороны защиты.

Остаётся дискуссионным и вопрос о процедуре возвращения уголовного дела прокурору. Несмотря на наличие разъяснений Конституционного Суда РФ, в судебной практике сохраняются расхождения в подходах к определению критериев «существенности» нарушений, которые не могут быть устранены в ходе судебного разбирательства.

Анализ научной литературы позволяет выделить ряд направлений, по которым возможно совершенствование данного этапа уголовного судопроизводства:

1. Установление на законодательном уровне чётких правил оценки доказательств в ходе предварительного слушания, что позволило бы унифицировать судебную практику и снизить риск судебского усмотрения.
2. Закрепление обязанности судьи проверять не только допустимость, но и достаточность доказательств для назначения судебного заседания. Данное предложение, несмотря на его дискуссионность в контексте возможного нарушения принципа презумпции невиновности, имеет целью повышение качества предварительной фильтрации дел, не имеющих судебной перспективы.
3. Расширение перечня оснований для проведения предварительного слушания, в частности предоставление суду права по собственной инициативе инициировать данную процедуру для проверки законности проведения сложных следственных действий, результаты которых могут быть оспорены сторонами.

Таким образом, подготовка уголовного дела к судебному разбирательству является обязательной стадией уголовного процесса, занимающей самостоятельное место в системе стадий. Ее значение определяется двуединой задачей: во-первых, обеспечить контроль за законностью и полнотой предварительного расследования, во-вторых, сформировать надлежащие организационно-правовые условия для последующего справедливого разбиратель-

ства. Законодатель закрепил два варианта подготовки — упрощенный (назначение судебного заседания без проведения предварительного слушания) и усложненный (с проведением предварительного слушания). В рамках предварительного слушания стороны получают возможность влиять на дальнейшее движение дела, реализуя право на заявление ходатайств об исключении доказа-

тельств либо о возвращении уголовного дела прокурору. Вместе с тем, при достаточно подробной регламентации данного института сохраняется потребность в его дальнейшем совершенствовании. В первую очередь это касается уточнения критериев оценки доказательств на этапе подготовки и усиления процессуальных гарантий для участников судопроизводства.

Литература:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2004. — № 1.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2006. — № 1
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. N 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // Российская газета от 9 июня 2017 г. № 125.
4. Александров А. С. Основания к производству предварительного слушания / А. С. Александров, И. А. Александрова // Уголовное судопроизводство. — 2016. — № 1. — С. 9–16.
5. Головкин Л. В. Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В. Головкина. — 2-е изд., испр. — М.: Статут, 2017. — 1280 с.
6. Дик Д. Г. Соотношение познания и доказывания на предварительном слушании по уголовным делам / Д. Г. Дик. — Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2013. — 200 с.
7. Долгушин Д. А. Адвокат и его деятельность в процессе избрания меры пресечения в виде домашнего ареста и заключения под стражу / Д. А. Долгушин // Общество и право. — 2009. — № 1(23). — С. 255–258.
8. Кобылинская С. В. Стадия подготовки дела к судебному заседанию в современном Российском уголовном судопроизводстве / С. В. Кобылинская, А. А. Баранников // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2014. — № 95. — С. 1104–1114.
9. Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: монография / Н. Н. Ковтун. — Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2013. — 332 с.
10. Марковичева Е. В. Мера пресечения в виде заключения под стражу на стадии подготовки к судебному заседанию / Е. В. Марковичева // Адвокатская практика. — 2023. — № 2. — С. 43–48.
11. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе / И. Б. Михайловская. — М.: Проспект, 2020. — 192 с.
12. Смирнов А. В. Уголовный процесс: учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под общ. ред. А. В. Смирнова; вступ. статья В. Д. Зорькина. — 9-е изд., перераб. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2026. — 840 с.
13. Трубникова Т. В. Теоретические основы упрощенных судебных производств в уголовном процессе России / Т. В. Трубникова. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2021. — 204 с.
14. Уголовный процесс современной России. Проблемные лекции в 2 т. Том 1. Общие положения уголовного судопроизводства: учебное пособие для вузов / под редакцией В. Т. Томина, И. А. Зинченко. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 366 с.
15. Халиулин А. Г. Оценка доказательств на предварительном слушании / А. Г. Халиулин // Российский судья. — 2022. — № 5. — С. 20–25.

Взаимодействие следственных и оперативных подразделений на первоначальном этапе расследования убийств

Сулов Артём Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Глазунов Борис Борисович, кандидат юридических наук, доцент

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье рассматриваются теоретико-прикладные аспекты взаимодействия следственных и оперативных подразделений на первоначальном этапе расследования убийств как ключевого условия обеспечения эффективности раскрытия и расследования данного вида особо тяжких преступлений. Обосновывается, что начальная стадия расследо-

вания характеризуется высокой степенью информационной неопределенности, ограниченностью временных ресурсов и необходимостью оперативного принятия процессуальных решений, что предопределяет особую значимость согласованного использования процессуальных и оперативно-розыскных средств. Раскрывается сущность взаимодействия как комплексной организационно-правовой категории, включающей систему форм, методов и направлений координации деятельности следователя и оперативных сотрудников. Анализируются нормативные основы взаимодействия, включая институт поручений следователя органам дознания, а также особенности их реализации на практике. На основе эмпирических данных выявляются типичные проблемы взаимодействия, выражающиеся в недостаточной конкретизации поручений, формализме их исполнения, нарушении сроков и слабой обратной связи между субъектами расследования.

Ключевые слова: расследование убийств, взаимодействие следователя и оперативных подразделений, первоначальный этап расследования, оперативно-розыскная деятельность, следственные поручения, следственные ситуации.

Interaction of investigative and operational units at the initial stage of murder investigation

The article examines the theoretical and applied aspects of the interaction of investigative and operational units at the initial stage of murder investigation as a key condition for ensuring the effectiveness of disclosure and investigation of this type of particularly serious crimes. It is proved that the initial stage of the investigation is characterized by a high degree of information uncertainty, limited time resources and the need for prompt procedural decision-making, which determines the particular importance of the coordinated use of procedural and operational investigative tools. The article reveals the essence of interaction as a complex organizational and legal category, including a system of forms, methods and areas of coordination between the investigator and operational staff. The article analyzes the regulatory framework for interaction, including the institution of instructions from the investigator to the bodies of inquiry, as well as the specifics of their implementation in practice. Based on empirical data, typical problems of interaction are identified, expressed in insufficient specification of instructions, formalism of their execution, violation of deadlines and weak feedback between the subjects of the investigation.

Keywords: investigation of murders, interaction of the investigator and operational units, the initial stage of the investigation, operational search activities, investigative assignments, investigative situations.

Первоначальный этап расследования убийств относится к числу наиболее ответственных и процессуально насыщенных стадий уголовного судопроизводства, поскольку именно в этот период формируется исходная информационная база, определяются основные направления доказывания, устанавливаются следственные версии и принимаются неотложные меры по сохранению следов преступления, розыску подозреваемого, выявлению очевидцев и закреплению источников доказательственной информации. Специфика расследования убийств состоит в том, что промедление даже на краткий срок способно повлечь необратимую утрату значимой информации: изменяется обстановка места происшествия, исчезают следы биологического, трасологического и иного характера, ослабевает память свидетелей, а лицо, причастное к совершению преступления, получает дополнительные возможности к сокрытию, фальсификации либо уничтожению улик. Именно поэтому на данном этапе особое значение приобретает согласованная деятельность следователя и оперативных подразделений, обеспечивающая сочетание процессуальных и непроцессуальных средств реагирования, при этом ключевым организационно-правовым механизмом такого взаимодействия выступает поручение следователя органу дознания и использование результатов оперативно-розыскной деятельности [6].

Сущность взаимодействия следственных и оперативных подразделений при расследовании убийств заключается не в простом распределении функций между раз-

личными службами, а в целенаправленном объединении процессуальных полномочий, оперативных возможностей и информационных ресурсов ради достижения общей цели — полного, всестороннего и объективного установления обстоятельств совершенного деяния. При этом следователь сохраняет статус процессуально самостоятельного субъекта, определяющего направление расследования, а оперативные работники сохраняют самостоятельность в выборе тактики, средств и методов оперативно-розыскной деятельности в пределах компетенции, установленной законом [2]. Подобная модель позволяет, с одной стороны, обеспечить законность собирания и закрепления доказательств, а с другой — задействовать скрытые, разведывательные и поисковые возможности оперативных подразделений, которые особенно востребованы в условиях неочевидности преступления.

Нормативная основа такого взаимодействия складывается из положений уголовно-процессуального законодательства, Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и Федерального закона «О полиции». Законодатель исходит из того, что поручения следователя органу дознания обязательны для исполнения, а оперативные подразделения обязаны в пределах своей компетенции выполнять указания, связанные с проведением оперативно-розыскных мероприятий, отдельных следственных действий и иных процессуальных действий []. Однако значение этих норм не исчерпывается формальной регламен-

тацией полномочий. Их практический смысл состоит в том, что законодатель закрепляет возможность оперативного обмена сведениями между субъектами расследования, сохраняя при этом режим конфиденциальности и процессуальной допустимости используемой информации. В делах об убийствах эта конструкция имеет особую ценность, поскольку именно в первые часы и сутки после обнаружения трупа требуется немедленное осуществление проверочных и поисковых мероприятий, которые следователь физически не всегда может выполнить единолично.

На первоначальном этапе расследования убийств взаимодействие следователя и оперативных подразделений реализуется через несколько взаимосвязанных направлений. Во-первых, это совместный осмотр места происшествия и сопутствующих объектов, где оперативные сотрудники помогают устанавливать круг лиц, находившихся в районе преступления, выявлять возможные каналы отхода преступника, проверять информацию о видеонаблюдении, транспорте, свидетелях и лицах с криминальными связями. Во-вторых, это оперативная отработка личности потерпевшего, его окружения, образа жизни, конфликтов, имущественных и семейных отношений, поскольку убийство нередко является результатом длительной латентной конфронтации, а не случайным эпизодом. В-третьих, это выдвижение и проверка следственных версий, основанных как на процессуальной информации, так и на результатах оперативного анализа. В-четвертых, это применение поисковых мер по «горячим следам», особенно когда убийство совершено в условиях очевидной внезапности либо с использованием способа, свидетельствующего о подготовленности субъекта [5].

Для первоначального этапа расследования убийств характерна повышенная зависимость результатов расследования от правильной оценки следственной ситуации. В криминалистическом смысле следственная ситуация представляет собой динамическую информационную модель, отражающую состояние расследования в конкретный момент и определяющую оптимальный алгоритм дальнейших действий. Применительно к убийствам можно выделить, по меньшей мере, две крупные группы исходных ситуаций: ситуации, когда сведения о личности предполагаемого преступника имеются в достаточном объеме, и ситуации, когда такой информации либо крайне мало, либо она отсутствует вовсе. В первом случае акцент смещается на срочное установление местонахождения лица, задержание, проверку его связей, изъятие орудий преступления, одежды, предметов со следами биологического происхождения и иного значимого материала. Во втором случае основным становится формирование массива поисковой информации, включающего данные о приметах, маршруте отхода, характере взаимодействия преступника с потерпевшим, времени и механизме причинения повреждений, а также анализ возможных бытовых, служебных и межличностных мотивов [7].

В этом контексте особое значение приобретает такая процессуальная форма взаимодействия, как поручение

следователя. На практике именно через поручение обеспечивается реализация наиболее трудоемких и пространственно распределенных задач, когда следователь не может непосредственно присутствовать в месте проведения действий либо когда требуется параллельное осуществление нескольких мероприятий. Поручение может включать проведение оперативно-розыскных мероприятий, производство отдельных следственных действий, выполнение мер процессуального принуждения, а также содействие при осуществлении иных действий, предусмотренных законом [9]. При этом принципиально важно разграничивать содержание поручения. Следователь вправе определить цель и ожидаемый результат, но не должен подменять оперативного сотрудника в выборе конкретных тактических средств исполнения, поскольку это противоречило бы самостоятельности оперативно-розыскной деятельности и могло бы снизить эффективность работы [8]. Иначе говоря, следователь формулирует процессуальную задачу, а оперативное подразделение самостоятельно определяет оптимальную комбинацию поисковых и разведывательных мер.

Проблематика поручений в делах об убийствах заключается не только в их содержании, но и в сроках исполнения, а также в полноте обратной связи. В научной литературе справедливо указывается, что чрезмерная расплывчатость поручения, отсутствие конкретизации ожидаемого результата, необоснованно короткие сроки либо, напротив, отсутствие указания на предельный срок исполнения ослабляют управленческий потенциал данного механизма [10]. Для убийств это особенно чувствительно, поскольку оперативность часто имеет решающее значение. В случае промедления с проверкой контактов потерпевшего, осмотром возможных маршрутов отхода, установлением лиц, имевших конфликт с убитым, либо с отработкой камер видеонаблюдения данные могут быть утрачены безвозвратно. Следовательно, эффективность поручения зависит не только от нормы закона, но и от качества организационной коммуникации между субъектами расследования.

Эмпирические данные, полученные в исследовании по проблемам взаимодействия следственных и оперативных подразделений, подтверждают наличие заметных организационных затруднений. В анкетировании принимали участие 50 следователей и 50 оперативных сотрудников. Среди следователей 24 % были полностью удовлетворены уровнем взаимодействия, 44 % — удовлетворены частично, 32 % — не удовлетворены. В качестве причин неудовлетворенности 62 % опрошенных указали отсутствие желания у одной из сторон эффективно организовывать совместную деятельность, 50 % — низкий уровень мотивации, 16 % — несовершенство нормативной базы, 8 % — трудности установления личного контакта. При этом 88 % следователей сталкивались с трудностями при получении ответа на поручение, причем 80 % из них указывали на недостаточный объем информации, 38 % — на формальный подход, 20 % — на нарушение сроков исполнения, 10 % — на отсутствие контроля со стороны руководителя оперативного подразделения. Особенно показательным яв-

ляется тот факт, что 90 % следователей приходилось направлять поручения повторно, а 52 % — лично забирать ответы на запросы. Одновременно 72 % респондентов считали необходимым участие оперативного сотрудника после получения запрашиваемых сведений для планирования дальнейших следственных и оперативно-розыскных мероприятий. Сходные тенденции выявлены и среди оперативных сотрудников: 92 % из них испытывали сложности при исполнении поручений, 76 % связывали это с недостаточным объемом исходной информации, 60 % — с ограниченными сроками, 10 % — с избыточным контролем со стороны следователя или руководителя. При этом 80 % опрошенных оперативных работников поддерживали необходимость последующего совместного планирования дальнейших действий [8].

Указанные данные демонстрируют, что основная проблема взаимодействия состоит не столько в отсутствии нормативных оснований, сколько в дефиците организационной согласованности, мотивации и управляемости процесса. Формальное исполнение поручений, недостаточная детализация исходной информации, разрыв между направлением задания и контролем за его реализацией, а также слабая обратная связь способны существенно снизить результативность расследования убийств. Это означает, что совершенствование взаимодействия должно происходить не только через обновление правового регулирования, но и через развитие ведомственной дисциплины, унификацию форм поручений, введение стандартов обмена информацией, повышение квалификации сотрудников и выстраивание устойчивых межличностных профессиональных контактов [3].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о результатах оперативно-розыскной деятельности и их роли в доказывании. В расследовании убийств такие результаты могут выполнять тройную функцию. Во-первых, они могут выступать источником ориентирующей информации, позволяющей выдвинуть или скорректировать следственные версии. Во-вторых, они способны служить основанием для производства конкретных следственных действий, например обыска, выемки, освидетельствования, проверки показаний на месте либо допроса определенных лиц. В-третьих, при соблюдении требований закона они могут быть преобразованы в доказательственную информацию, если результаты ОРД надлежащим образом процессуально оформлены и проверены в рамках уголовного дела [1]. Для убийств это особенно существенно, поскольку именно оперативные сведения нередко позволяют установить скрытые связи потерпевшего, выявить лиц, воспользовавшихся ситуацией для сокрытия следов, определить место хранения орудия преступления или предметов, содержащих биологические следы.

Содержательно взаимодействие на первоначальном этапе расследования убийств должно быть направлено на максимальное сокращение временного интервала между совершением преступления и принятием мер по установлению виновного лица. В этот период особенно важны

совместное выдвижение версий, распределение задач по проверке этих версий, непрерывный обмен информацией и регулярное согласование полученных результатов. Практика показывает, что наиболее продуктивной является модель, при которой следователь, опираясь на процессуальную информацию, формирует каркас расследования, а оперативные подразделения обеспечивают его наполненность поисковыми и разведывательными данными. При таком подходе расследование приобретает целенаправленный характер, а следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия перестают существовать разрозненно, превращаясь в согласованную систему [4].

В качестве перспективного направления совершенствования взаимодействия в делах об убийствах следует рассматривать более четкое нормативное закрепление права следователя на непосредственный контроль исполнения поручения конкретным оперативным сотрудником, а также необходимость установления минимально достаточных стандартов содержания поручения. Подобные меры позволили бы повысить адресность контроля, снизить риск бюрократического «размывания» ответственности и обеспечить более высокий уровень персонализации исполнения. Не менее значимым представляется развитие практики совместного планирования расследования уже на самом раннем этапе, поскольку именно согласованное планирование позволяет предупредить дублирование действий, устранить пробелы в поиске и обеспечить полноту проверки версий. С учетом природы убийства как особо тяжкого преступления, посягающего на высшую социальную ценность, подобная организационная модель является не факультативной, а необходимой.

Таким образом, взаимодействие следственных и оперативных подразделений на первоначальном этапе расследования убийств представляет собой сложную, многокомпонентную систему согласованных процессуальных и оперативно-розыскных действий, направленных на незамедлительное установление обстоятельств преступления, выявление и розыск виновного, закрепление следов и формирование доказательственной базы. Его эффективность определяется не только правовыми нормами, но и качеством организационного обеспечения, степенью профессиональной мотивации участников, полнотой обмена информацией и реальной готовностью к совместному решению задач. Практические данные свидетельствуют, что именно недостаточная согласованность действий, формализм, слабая обратная связь и дефицит контроля остаются основными препятствиями результативного расследования. Следовательно, совершенствование данного направления должно рассматриваться как один из приоритетов криминалистической и процессуальной науки, поскольку от качества взаимодействия следователя и оперативных подразделений в значительной мере зависит не только скорость раскрытия убийства, но и возможность достижения объективной истины по уголовному делу.

Литература:

1. Абдулхакова Е. Р. Взаимодействие следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность при расследовании убийств // *Eromen. Global*. — 2025. — №. 61. — С. 148–153.
2. Дыленов В. П. Взаимодействие следователя и органа дознания при расследовании убийств // *Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики*. — 2020. — С. 250–253.
3. Козел В. М. Процесс взаимодействия следователя и оперативных работников на первоначальном этапе расследования // *Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика*. — 2019. — С. 320–325.
4. Крылова В. Н. Отдельные аспекты взаимодействия следователя и оперативного работника при расследовании преступлений // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. — 2023. — №. 11. — С. 154–157.
5. Османов А. А., Дадиева Х. Г. Теоретические аспекты взаимодействия следователя с органами, осуществляющими ОРД // *Государственная служба и кадры*. — 2021. — №. 5. — С. 273–275.
6. Плеснева Л. П. Формы взаимодействия следователя с органами дознания // *Сибирский юридический вестник*. — 2015. — №. 4. — С. 119–125.
7. Ризванов Г. М. Типичные следственные ситуации и основные направления их разрешения на первом этапе расследования // *Science Time*. — 2022. — №. 8 (104). — С. 20–26.
8. Сидоренко А. В., Кокумбаев К. М. О сущности взаимодействия следователей и сотрудников оперативных подразделений при раскрытии и расследовании убийств // *Актуальные проблемы предварительного расследования*. — 2020. — С. 155–160.
9. Тарасова М. Ю., Контемирова Ю. В. О некоторых проблемах взаимодействия следственных и оперативных подразделений органов внутренних дел при направлении и исполнении поручений // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. — 2021. — №. 2 (57). — С. 146–153.
10. Титаренко В. В. Организация взаимодействия подразделения дознания с другими подразделениями территориальных органов МВД России // *Философия права*. — 2023. — №. 3 (106). — С. 163–167.

Особенности методики расследования серийных убийств

Суслов Артём Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Глазунов Борис Борисович, кандидат юридических наук, доцент

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье исследуются теоретические и прикладные аспекты методики расследования серийных убийств как одной из наиболее сложных категорий уголовных дел, характеризующихся высокой степенью латентности, множественностью эпизодов и сложной структурой доказательственной базы. Раскрываются особенности выявления признаков серийности на первоначальном этапе расследования, анализируются проблемы информационного дефицита и фрагментарности следовой картины. Особое внимание уделяется роли криминалистического анализа, построению и проверке следственных версий, а также значению межведомственного взаимодействия и комплексного подхода при организации расследования. Рассматривается специфика применения психологического профилирования личности преступника, включая использование современных цифровых технологий и элементов искусственного интеллекта для обработки криминалистической информации. Обосновывается необходимость систематизации данных о преступлениях, совершенствовании криминалистических учётов и внедрения аналитических инструментов, способствующих установлению взаимосвязей между отдельными эпизодами. Делается вывод о том, что эффективность расследования серийных убийств напрямую зависит от интеграции традиционных следственных методов с инновационными технологиями и междисциплинарными подходами.

Ключевые слова: серийные убийства, криминалистика, расследование, доказательства, профилирование, следствие.

Features of the serial murder investigation methodology

The article examines the theoretical and applied aspects of the methodology of investigating serial murders as one of the most complex categories of criminal cases characterized by a high degree of latency, multiple episodes and a complex structure of the evidence base. The article reveals the features of detecting serial signs at the initial stage of the investigation, analyzes the problems of information scarcity and fragmentation of the trace picture. Special attention is paid to the role of forensic analysis, the construction

and verification of investigative versions, as well as the importance of interdepartmental cooperation and an integrated approach to the organization of the investigation. The article considers the specifics of the use of psychological profiling of the criminal's personality, including the use of modern digital technologies and artificial intelligence elements for processing forensic information. The article substantiates the need to systematize crime data, improve forensic records and introduce analytical tools that help establish relationships between individual episodes. It is concluded that the effectiveness of the investigation of serial murders directly depends on the integration of traditional investigative methods with innovative technologies and interdisciplinary approaches.

Keywords: serial murders, criminology, investigation, evidence, profiling, investigation.

Расследование серийных убийств представляет собой одну из наиболее сложных разновидностей криминалистической деятельности, поскольку данная категория преступлений сочетает в себе высокую общественную опасность, выраженную латентность, дефицит очевидных связей между эпизодами, значительный временной разрыв между отдельными деяниями и существенную вариативность поведения преступника. В отличие от большинства «разовых» убийств, серийное насилие характеризуется не только множественностью эпизодов, но и устойчивостью внутренней модели преступного поведения, которая проявляется в выборе жертв, способе совершения посягательства, локализации события, механизме сокрытия следов и особенностях посткриминального поведения субъекта. Именно поэтому методика расследования серийных убийств не может сводиться к универсальному алгоритму; она требует комплексного, междисциплинарного и динамически корректируемого подхода, объединяющего следственные, оперативно-розыскные, экспертные, психологические и информационно-аналитические средства.

Ключевая особенность расследования серийных убийств заключается в том, что на первоначальном этапе следствие, как правило, сталкивается не с завершённой системой доказательств, а с разрозненными фактами, которые внешне могут не иметь между собой прямой связи. В результате возникает проблема ранней идентификации серии, то есть установления того, что несколько эпизодов совершены одним и тем же лицом. В научной литературе подчёркивается, что именно выявление признаков серийности является узловым моментом расследования, поскольку без него каждое убийство анализируется изолированно и теряется возможность обнаружить устойчивые криминалистически значимые закономерности [6]. При этом серийность обычно устанавливается по совокупности совпадающих признаков: сходству способа нападения, типу жертвы, локусу происшествя, времени совершения, характеру телесных повреждений, способам инсценировки, следам перемещения преступника, особенностям посмертного поведения и иным параметрам, образующим повторяющийся криминалистический рисунок [9]. В этой связи расследование серийных убийств предполагает постоянное сопоставление материалов разных уголовных дел и создание единого аналитического контура, в котором отдельный эпизод рассматривается не как автономное событие, а как элемент возможной преступной серии.

Методика расследования данного вида преступлений строится на двух взаимосвязанных компонентах, ко-

торые в литературе условно обозначаются как информационный и методологический. Информационный компонент ориентирован на максимально полное накопление сведений об обстоятельствах каждого эпизода: месте, времени, способе совершения убийства, следовой картине, характеристиках потерпевшего, наличии признаков сопротивления, возможных перемещениях трупа, особенностях орудия преступления, биологических следах, микрочастицах, следах транспортных средств и иных материальных объектах, способных выступать носителями доказательственной информации [5]. Практическая значимость такого подхода состоит в том, что при расследовании серийных убийств решающее значение нередко приобретают именно мелкие, на первый взгляд второстепенные признаки: тип узла на верёвке, особенности завязывания, одинаковое расположение телесных повреждений, повторяющиеся элементы посмертной манипуляции телом, идентичные способы сокрытия следов биологического происхождения. В условиях серийности именно совокупность малых сходств формирует доказательственную базу, достаточную для выдвижения версии о едином преступнике.

Методологический компонент, напротив, связан с организацией следственной работы после выявления признаков серии. На этом этапе ключевое значение приобретают выдвижение версий, моделирование вероятного поведения преступника, построение плана расследования, распределение функций между членами следственно-оперативной группы, корректировка тактических решений в зависимости от изменяющейся обстановки и обеспечение устойчивого взаимодействия между следователями, оперативными сотрудниками, судебными экспертами и психологами [8]. Серийный убийца, как правило, не действует по статичной схеме: он меняет временные интервалы, территориальные зоны, способы нападения и меры сокрытия. Следовательно, следователь должен обладать не только процессуальной подготовкой, но и способностью к тактическому маневрированию, то есть к оперативной перестройке стратегии расследования на основе вновь поступающей информации. В этом смысле методика расследования серийных убийств сближается с концепцией динамического следственного анализа, в рамках которого каждая новая процессуальная информация немедленно преобразуется в управленческое решение.

Особую роль в расследовании играет осмотр места происшествия, поскольку именно на этой стадии формируется первичная информационная матрица уголов-

ного дела. При серийных убийствах место преступления часто содержит не только материальные следы, но и признаки поведенческой логики преступника. Состав и локализация следов позволяют судить о механизме насилия, последовательности действий, степени организованности субъекта, его осведомлённости о криминалистических способах маскировки, а также о вероятной спонтанности или заранее подготовленном характере эпизода. Осмотр должен проводиться с максимальной полнотой фиксации, так как последующее сопоставление нескольких мест происшествия нередко даёт возможность установить повторяющийся способ совершения преступления. Именно категория способа совершения преступления в современной криминалистике занимает центральное место при анализе серийных преступлений, поскольку отражает устойчивый способ действия, изменяющийся лишь в пределах адаптации к внешним условиям. В то же время необходимо различать способ совершения преступления и «подпись» преступника: первая категория описывает инструментальную сторону поведения, тогда как вторая отражает индивидуально-психологическую потребность, не всегда обусловленную практической необходимостью [3]. Для серийных убийц это различие особенно значимо, поскольку их действия часто сочетают прагматические элементы сокрытия следов с ритуализированными, иногда демонстративными проявлениями агрессии.

Значительная специфика методики расследования серийных убийств связана с необходимостью формирования психологического портрета преступника. В современной криминалистике психологическое профилирование рассматривается не как заменитель доказательственного процесса, а как инструмент, позволяющий сузить круг поиска, определить вероятные возрастные, половые, поведенческие, профессиональные и социальные характеристики подозреваемого. Особую ценность здесь представляет дедуктивный подход, при котором анализ строится от конкретных следов и обстоятельств к вероятным свойствам лица, совершившего убийства. На практике это означает, что специалист изучает структуру эпизодов, особенности выбора жертв, форму воздействия на них, локализацию ранения, время нападения, наличие перемещения тела, способы изъятия или оставления предметов и на основе этих данных выстраивает модель личности вероятного преступника [7]. Исторически значимые примеры подтверждают прикладную ценность такого подхода: в материалах по делу Андрея Чикатило именно психиатрический анализ позволил сформировать поведенческий профиль, учитывающий типовое время совершения убийств, сферу деятельности, уровень образования и внешние признаки преступника. В предоставленных материалах также отмечается, что в 2020 году специалисты НИИ Следственного комитета разработали программу на основе искусственного интеллекта, способную по совокупности введённых данных формировать психологический портрет серийного убийцы; заявленные показатели точности составляли около 80 % по возрастной группе, 82 % по наличию

судимости и 81,5 % по признаку психического заболевания [4]. Эти сведения демонстрируют, что современная методика расследования серийных убийств всё в большей степени опирается на компьютерную аналитику и машинную обработку массива признаков, хотя при этом сохраняется принципиальная необходимость экспертной интерпретации человеком.

Не менее важным аспектом является доказательственная проблематика. На завершающем этапе расследования серийных убийств нередко возникает ситуация, когда общий массив сведений о виновности лица кажется убедительным, но по отдельным эпизодам доказательства либо недостаточны, либо утрачены, либо не обладают достаточной процессуальной силой для включения в обвинительное заключение. Это особенно характерно для дел, где часть убийств была совершена много лет назад. Тогда возрастает значение биологических, трасологических, генетических и предметных носителей информации, а также документов, личных записей, схем, фотографий и иных следов, способных подтвердить связь между преступником и жертвой. В материалах, предоставленных вами, справедливо указывается на необходимость особого внимания к гильзам, оружию, биологическим следам, личным вещам потерпевших и предметам, похищенным с места происшествия; именно эти объекты позволяют выстроить причинно-следственную цепочку между субъектом и результатом его действий. В отдельных случаях встречаются и так называемые документальные доказательства, когда убийца фиксирует сведения о жертвах в тетрадях, книгах, схемах или иных записях. Подобные данные имеют высокую криминалистическую ценность, поскольку могут одновременно подтверждать эпизодичность, планирование и субъективную связь между деяниями [2].

Практическая сложность расследования серийных убийств хорошо иллюстрируется конкретными примерами из отечественной уголовно-правовой истории. Так, в деле Чикатило следствием было доказано 53 убийства, тогда как сам обвиняемый указывал на 55 эпизодов; в деле Михаила Попкова обвиняемый признавал 81 убийство, однако доказано было 78 эпизодов. Подобные расхождения демонстрируют, что даже в условиях значительного объёма доказательств процессуальное подтверждение каждого эпизода представляет собой отдельную задачу, а обвинительное заключение должно строиться не только на признательных показаниях, но и на объективной проверке фактов по каждому факту смерти [1]. Отсюда вытекает принципиальное требование: следователь должен избегать механического переноса общей уверенности в виновности лица на все эпизоды серии, поскольку доказательственная база в серийных делах всегда фрагментарна и требует эпизодной верификации.

Ещё одна существенная особенность заключается в проблеме коммуникации с подозреваемым или обвиняемым. Серийные убийцы нередко демонстрируют высокий уровень закрытости, манипулятивности, эмоциональной отчуждённости либо, напротив, избыточной

демонстративности, что создаёт трудности для построения допросной тактики. В подобных ситуациях следователь должен учитывать не только вербальное содержание ответов, но и поведенческие маркеры, особенности реакции на конкретные вопросы, характер избегания, готовность к сотрудничеству и способность к рационализации своих действий. Поэтому в расследовании серийных убийств возрастает значение комплексной следственной группы, включающей психолога, психиатра, криминалиста и оперативных сотрудников. Такая междисциплинарная конфигурация позволяет не только получать сведения, но и интерпретировать их в едином аналитическом ключе. Именно отсутствие координации и стандартизированной межведомственной коммуникации в значительной мере снижает результативность расследований, особенно на этапе завершения дела, когда необходимо устранить противоречия между свидетельскими показаниями, заключениями экспертиз и версией следствия [2].

Существенное место в методике расследования серийных убийств занимает предупреждение следственных ошибок. В научной литературе подчёркивается, что наиболее опасными являются неверная оценка связи между эпизодами, недостаточная проверка алиби, формальный анализ доказательств, несвоевременное выдвижение версий и игнорирование поведенческих закономерностей преступника. При этом следователь обязан руководствоваться не только логикой уголовного дела, но и принципами полноты, всесторонности и объективности исследования обстоятельств. Особое значение приобретает информационно-аналитический подход, поскольку именно он позволяет систематизировать массив данных, выявить скрытые корреляции между эпизодами и минимизировать вероятность того, что отдельные, на первый взгляд незначительные признаки будут упущены. В этом смысле методика расследования серийных убийств всё больше трансформируется из преимущественно реактивной в предиктивную: цель следствия состоит не только в том, чтобы установить уже совершённые эпизоды, но и в

том, чтобы на основе выявленных закономерностей предупредить новые посягательства.

Вместе с тем современные проблемы расследования серийных убийств свидетельствуют о том, что существующие методические разработки пока не образуют полностью унифицированной системы. Отсутствие закреплённого в уголовном законе определения серийного убийства, различие в научных подходах к понятию серии, неполнота статистического учёта, территориальная разобщённость эпизодов и неодинаковый уровень профессиональной подготовки следователей формируют объективные препятствия для эффективного раскрытия таких преступлений. Поэтому совершенствование методики расследования должно идти по нескольким направлениям одновременно: нормативная конкретизация понятия серийности, расширение централизованных криминалистических учётов, внедрение искусственного интеллекта и аналитических платформ, укрепление межрегионального взаимодействия, повышение уровня подготовки следственных кадров и развитие прикладных исследований в области психологического профилирования [10].

Таким образом, методика расследования серийных убийств характеризуется высокой степенью сложности, обусловленной множественностью эпизодов, скрытым характером взаимосвязей между ними, вариативностью поведения преступника, значительным дефицитом прямых доказательств и необходимостью постоянной аналитической реконструкции преступной деятельности. Ее особенностями являются приоритет комплексного подхода, особая роль психологического портретирования, необходимость применения информационно-аналитических и цифровых средств, а также жёсткая зависимость результатов расследования от качества межведомственного взаимодействия и эпизодной доказательственной проверки. При этом серийное убийство должно рассматриваться не как сумма изолированных деяний, а как единая динамическая криминальная система, требующая от следствия не только процессуальной точности, но и высокой интеллектуальной гибкости.

Литература:

1. Аккаева Х. А. Особенности расследования серийных убийств // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. — 2023. — Т. 16. — №. 5. — С. 417–421.
2. Анимоков И. К. Проблема расследования серийных убийств на завершающем этапе расследования // Право и управление. — 2023. — №. 10. — С. 337–341.
3. Божченко А. П. и др. Конституциональные, хронобиологические и медико-социальные особенности серийных убийц // Современные проблемы науки и образования. — 2021. — №. 2. — С. 105–105.
4. Влезько Д. А., Токарев Р. Ю. Проблемы расследования серийных убийств // Вестник экономики и права. — 2026. — №. 111. — С. 167–173.
5. Захаров Д. С. Особенности сбора и анализ доказательств при расследовании убийств в условиях неочевидности в российской федерации // Вестник науки. — 2025. — Т. 3. — №. 11 (92). — С. 258–262.
6. Коновалова А. С. Особенности расследования серийных убийств // Пермский период. — 2023. — С. 209–214.
7. Семенов П. С. Методика составления психологического портрета преступника при расследовании серийных убийств // Eromen. Global. — 2025. — №. 59. — С. 180–185.
8. Тлукашаова Д. М., Шимкин В. Н. Методика расследования серийных убийств // современные тенденции развития уголовно-правовых наук. — 2024. — С. 558–565.

9. Файзуллина А. А. Методика составления психологического портрета преступника при расследовании серийных убийств // Юридическая наука. — 2022. — №. 10. — С. 75–77.
10. Шалагин А. Е., Идиятуллов А. Д. Криминологическая характеристика и предупреждение серийных насильственных преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2024. — №. 2 (109). — С. 276–288.

Руководитель следственного органа как субъект оценки доказательств в российском уголовном процессе

Терещенко Дарья Романовна, студент
Донецкий государственный университет

Исследуется правовой статус руководителя следственного органа как субъекта оценки доказательств в российском уголовном процессе. Анализируются нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ, федерального законодательства, судебная практика, посредством чего раскрывается специфика его участия в доказывании. Выявлено несоответствие между фактическим объемом процессуальных полномочий и формальным статусом руководителя следственного органа, в связи с чем предложены изменения законодательства.

Ключевые слова: оценка доказательств, руководитель следственного органа, доказательства, уголовный процесс

В условиях совершенствования уголовнопроцессуального законодательства и усиления гарантий личности в уголовном судопроизводстве особую значимость приобретает проблема ключевого элемента доказывания — оценки доказательств, от качества которой напрямую зависит эффективность правосудия, доверие общества к нему, законность и обоснованность процессуальных решений. В этой системе особую роль играет руководитель следственного органа — субъект, наделённый законом широкими полномочиями по контролю за предварительным следствием и обеспечению надлежащего уровня доказывания.

Принятие Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 5 июня 2007 года № 87-ФЗ (далее — Федеральный закон № 87), реформы российского уголовно-процессуального права, организационно обособив органы предварительного следствия и трансформировав роль руководителя следственного органа. Ранее выполнявший административные функции, руководитель стал центральной фигурой юстиции, стержнем следственной власти, получив новые процессуальные полномочия [1]. Далее был принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» от 28 декабря 2010 года № 404ФЗ, смягчивший положения предыдущего закона: с прокуратура частично вернула полномочия по уголовному преследованию, а руководители следственных органов расширили свои процессуальные права [2].

В результате этой трансформации, полномочия руководителя СО в современном УПК РФ вобрали в себя как эле-

менты, ранее присущие дореформенному начальнику (например, поручение дела конкретному следователю согласно п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ), так и новые функции, связанные с усиленным контролем (например, проверка материалов проверки сообщения о преступлении, п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ) [3]. Однако современные положения УПК РФ не всегда четко разграничивают эти полномочия на формальные «права» и «обязанности», что продолжает создавать определенные сложности в их толковании и применении [4].

Процесс оценки доказательств обеспечивает соблюдение принципов законности на всех этапах расследования и судебного разбирательства. По своей сути, оценка доказательств представляет собой сложную, многоаспектную умственную и логическую деятельность участников уголовного процесса. Ее основная задача состоит в том, чтобы определить, насколько каждое из собранных сведений соответствует критериям допустимости (получено законным путем), принадлежности (относится к устанавливаемым обстоятельствам дела), достоверности (отражает истинное положение дел) и, что критически важно, достаточности всей совокупности данных для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания [5].

Целью этой оценки является формирование обоснованной доказательственной базы для вынесения приговора, без квалифицированной оценки которой любое процессуальное действие рискует быть признанным необоснованным или незаконным. Но УПК РФ не содержит прямого и исчерпывающего определения понятия принципов оценки доказательств, что приводит к теоретическим разногласиям.

Анализ положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в частности статей 9 (Принципы законности и презумпции невиновности) и 94 (Оценка

доказательств), позволяет сформировать целостную систему принципов, регулирующих процесс доказывания. Среди них можно выделить: принцип законности на всех этапах производства: от сбора до итоговой оценки доказательств; принцип свободы оценки, гарантирующий отсутствие заранее установленной силы определенного доказательства, осуществления оценки на основе внутреннего убеждения уполномоченных лиц; строгое соблюдение методологических требований; обоснованность и объективность; оценка доказательств с позиций относимости, допустимости и достоверности, а их совокупность — с точки зрения достаточности и взаимосвязи для принятия процессуального решения, в соответствии со ст. 88 УПК РФ; всесторонность, полнота, беспристрастность

Что касается статуса субъекта оценки доказательств, признанным за руководителем следственного органа, существует два подхода:

1. Признание в случае принятия им к производству по делу лично
2. Признание при осуществлении им своих профессиональных функций — руководства и контроля.

Данные подходы являются состоятельными и подтверждаются в работах С. Н. Чурилова, А. В. Рудина, Л. В. Головки, И. Б. Михайловской и других научных деятелей [6, 12, 13, 14].

Руководитель следственного органа занимает наиболее приближенную позицию по отношению к объекту контроля — процессуальной деятельности следователя при расследовании уголовных дел. В силу последовательности уголовного судопроизводства он обладает возможностью и обязанностью в первую очередь давать оценку действиям и принимаемым решениям следователя, а также совместно с ним проводить анализ как промежуточных этапов, так и окончательных итогов расследования. Прокурор, суд и другие лица — не вовлечены в столь постоянное и непосредственное взаимодействие со следователем, как его непосредственный руководитель. Кроме того, руководитель также наделён правом оказывать влияние на ход расследования посредством предусмотренных законом процессуальных механизмов, реализуя принадлежащие ему контрольные полномочия. Очевидно, что для внесения эффективных коррективов в работу следователя руководителю необходимо глубокое погружение в процесс, всесторонний анализ и объективная оценка проводимого расследования.

Руководитель следственного органа, будучи субъектом обязанности по осуществлению уголовного преследования, одновременно выступает и как субъект доказывания обвинения по уголовным делам. Сущность досудебного уголовного преследования — систематическое доказывание обвинением события преступления по УПК РФ. Цель — подготовить обоснованное обвинение на основе допустимых доказательств, соответствуя нормам УПК РФ, соблюдая права участников и достоверность устанавливаемых фактов, что требует их комплексной оценки.

Непосредственное участие руководителя следственного органа в доказывании возможно в рамках широкого круга полномочий, закреплённых в ст. 39 УПК РФ. Так, он вправе:

- принять уголовное дело к своему производству (п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ);
- проверить материалы проверки сообщения о преступлении или материалы уголовного дела (п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ);
- отменить незаконные или необоснованные постановления следователя (п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ);
- участвовать в рассмотрении и проверке сообщения о преступлении (п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ);
- допрашивать подозреваемого или обвиняемого без принятия дела к производству (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ);
- отстранить следователя от расследования при выявлении нарушений (п. 6 ч. 1 ст. 39 УПК РФ);
- отменить постановления нижестоящего руководителя следственного органа (п. 7 ч. 1 ст. 39 УПК РФ);
- утвердить постановление о прекращении производства по делу (п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ);
- вернуть дело следователю для дополнительного расследования (п. 11 ч. 1 ст. 39 УПК РФ) [3].

Кроме того, руководитель следственного органа наделён правом возбудить уголовное дело, принять его к производству и провести предварительное следствие в полном объёме, используя полномочия следователя или руководителя следственной группы (ч. 2 ст. 39 УПК РФ). Это позволяет ему не только контролировать процесс, но и лично участвовать в сборе и оценке доказательств, обеспечивая тем самым целостность и непротиворечивость обвинительной позиции [7].

В действующем уголовнопроцессуальном законодательстве наблюдается существенный правовой пробел: руководитель следственного органа не включён в число субъектов, прямо уполномоченных устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу. Это следует из анализа ст. 74 УПК РФ, где перечислены источники доказательств и субъекты доказывания, однако руководитель следственного органа в данном перечне отсутствует.

Аналогичная ситуация прослеживается и в других ключевых нормах: ст. 86 УПК РФ (собирающие доказательства), ст. 87 УПК РФ (проверка доказательств), ст. 88 УПК РФ (оценка доказательств). Во всех этих статьях руководитель следственного органа не упоминается как самостоятельный субъект процессуальной деятельности в сфере доказывания, что создаёт правовую неопределённость относительно его роли в формировании доказательственной базы [8].

Однако, в решениях судов различных инстанций признаётся функция доказывания и, как отдельная, функция оценки доказательств как принадлежащие руководителю следственного органа. Например, Определение КС РФ от 2017 года, в котором указано существование «функции доказывания виновности обвиняемого», возложенной на определенных должностных лиц [9].

Кассационный суд общей юрисдикции анализируя решение, отмечает что эксперт необоснованно взял на себя «функцию оценки доказательств» [10].

Принципиально важной является позиция Конституционного Суда РФ в определении от 26.10.2021 № 2172-О: *руководитель следственного органа именно для контроля за ходом предварительного расследования наделен полномочиями по собиранию, проверке и оценке доказательств* (без принятия им уголовного дела к производству) [11].

Между тем, фактическая процессуальная деятельность руководителя следственного органа свидетельствует о его непосредственном участии в доказывании. В соответствии с ч. 2 ст. 39 УПК РФ он вправе: возбуждать уголовные дела, принимать их к производству, проводить предварительное следствие в полном объёме, используя полномочия следователя. Это означает, что руководитель следственного органа не просто контролирует процесс, но и лично участвует в собирании, проверке и оценке доказательств. Более того, он наделён полномочиями отменять незаконные решения следователя, возвращать дело для дополнительного расследования, утверждать постановления о прекращении производства — все эти действия напрямую связаны с формированием доказательственной позиции по делу.

Таким образом, реальное содержание его процессуальных полномочий явно выходит за рамки чисто управленческих функций и включает элементы самостоятельного доказывания.

Сложившаяся правовая коллизия порождает ряд практических проблем:

— во-первых, возникает неопределённость в распределении ответственности за качество доказывания — фор-

мально руководитель не назван субъектом доказывания, но фактически влияет на его результаты;

— во-вторых, отсутствует чёткая регламентация процессуальных действий руководителя следственного органа, связанных с доказыванием, что может приводить к разночтениям в правоприменительной практике;

— в-третьих, снижается прозрачность механизма формирования доказательственной базы, поскольку роль руководителя остаётся юридически не зафиксированной в ключевых нормах о доказывании.

Для устранения указанных пробелов необходимо внести следующие изменения в УПК РФ:

1. Дополнить ст. 74 УПК РФ указанием на руководителя следственного органа как субъекта, уполномоченного устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию.

2. Внести соответствующие уточнения в ст. 86–88 УПК РФ, закрепив за руководителем следственного органа полномочия по собиранию, проверке и оценке доказательств в случаях, когда он лично проводит предварительное следствие.

3. Разъяснить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ процессуальный статус руководителя следственного органа в сфере доказывания, особенно в ситуациях, когда он действует в качестве следователя.

Такие изменения позволят устранить существующую правовую неопределённость, чётко зафиксировать роль руководителя следственного органа в процессе доказывания и повысить эффективность уголовного судопроизводства за счёт более прозрачного распределения процессуальных полномочий.

Литература:

1. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 05.06.2007 № 87-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] «КонсультантПлюс». — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_38313/ (дата обращения: 31.01.2026).
2. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» от 28.12.2010 № 404-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] «КонсультантПлюс». — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108566/ (дата обращения: 31.01.2026).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) [Электронный ресурс] «КонсультантПлюс».
4. Шабунин В. А. Руководитель следственного органа: нормативное регулирование и практика осуществления процессуальных функций и полномочий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2013. С. 28.
5. Коньшина А. И. Свидетельские показания как доказательство по уголовному делу: некоторые проблемные аспекты / А. И. Коньшина // Научный альманах. 2021. № 4–1 (42). С. 233.
6. Чурилов С. Н. О субъектности теории доказательственного права // Вестник Московского городского педагогического университета. 2020. № 1 (37). С. 52–58.
7. Розыск, дознание, следствие: учебное пособие / Скоробогатова О. В., Кулакова В. А. Благовещенск: Изд-во АмГУ. 2023. С. 314.
8. Жуков Д. А. К вопросу о теории и практике реализации полномочий следователя по собиранию доказательств в досудебном производстве / Д. А. Жуков // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 3. С. 165.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 07.12.2017 № 2800-О [Электронный ресурс] «Легалакт». — Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-07122017-n-2800-o/> (дата обращения: 05.02.2026).

10. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 13.04.2021 No 77–351/2021 [Электронный ресурс] «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ005&n=13376#SxyIOGVTrZwVf6wH> (дата обращения: 05.02.2026).
11. Определение Конституционного Суда РФ от 26.10.2021 N 2172-О [Электронный ресурс] «Легалект». — Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26102021-n-2172-o/> (дата обращения: 05.02.2026).
12. Рудин А. В. Субъекты проверки доказательств в уголовном процессе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. No 11/1. С. 312–315.
13. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2017. С. 472.
14. Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. С. 138.

Актуальные вопросы квалификации состава преступления, предусмотренного статьей 291 УК РФ

Утеева Луиза Азатовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Дробот Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

На современном этапе социально-экономического развития России важным направлением политики является обеспечение государственной и общественной безопасности, поскольку одной из угроз являются преступления, связанные с коррупцией и нецелевым использованием бюджетных средств и государственного имущества [2].

Ключевые слова: борьба с коррупцией, взяточничество, дача взятки, проблемы квалификации, провокация взятки, освобождение от уголовной ответственности за дачу взятки.

Введение

В России по-прежнему существуют угрозы государственной безопасности, связанные с коррупцией, включая дачу взятки.

В 2025 году в России зафиксирован значительный рост числа преступлений, связанных с коррупцией и взяточничеством. Общее число выявленных преступлений, связанных со взяточничеством: 20 918 — это почти на четверть больше, чем в 2024 году (тогда было около 17 000). Из них:

- получение взятки: более 8,5 тысячи случаев
- дача взятки: почти 9 тысяч случаев
- посредничество во взяточничестве: 3,6 тысячи случаев [6].

Как видим, одним из самых распространенных видов коррупции является дача взятки.

Статья 291 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] устанавливает ответственность за дачу взятки должностному лицу. В условиях усиления борьбы с коррупцией вопросы квалификации данного состава преступления приобретают особую значимость. Правильная квалификация действий виновного лица не только обеспечивает соблюдение принципа законности, но и способствует формированию единообразной судебной практики, что особенно важно в свете роста числа уголовных дел коррупционной направленности.

Анализ судебной практики по делам о даче взятки должностному лицу в Российской Федерации показывает, что при квалификации данного преступления возникают

определённые сложности. Эти трудности в первую очередь связаны с установлением объективных и субъективных признаков состава преступления, а также с определением квалифицирующих признаков, что требует тщательного рассмотрения каждого конкретного случая.

Рассмотрим наиболее актуальные проблемы квалификации и отграничения составов преступлений.

1. Вопросы провокации преступления.

Провокация взятки — это создание сотрудниками правоохранительных органов или иными лицами искусственных условий, направленных на склонение должностного лица или гражданина к совершению преступления, предусмотренного статьей 291 УК РФ. Ключевым признаком провокации является то, что умысел на дачу взятки формируется у лица не самостоятельно, а под целенаправленным внешним воздействием (уговорами, угрозами, шантажом или обманом), когда до вмешательства у него отсутствовало намерение совершить это деяние.

Судебная практика и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ исходят из того, что если инициатива совершения преступления исходила не от подозреваемого, а была навязана ему извне сотрудниками правоохранительных органов в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия (ОРМ), то такие действия не могут квалифицироваться как дача взятки [3].

Так 03 июля 2018 года Вичугский городской суд Ивановской области в составе председательствующего судьи Кашеваровой А. В., вынес приговор в отношении ФИО1, которым признал ФИО1 невиновной и оправдал её по

предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст.30, ч.3 ст.291 УК РФ по основанию, предусмотренному п.3 ч.2 ст.302 УПК РФ, в связи с отсутствием в деянии подсудимой состава преступления.

Из описательно-мотивировочной части приговора следует: «Учитывая доводы подсудимой ФИО1 о том, что она не принесла бы деньги и не выложила их на стол М. Е. с его разрешения, если бы он не показал ей листок бумаги, на котором была написано сумма «15 т.р.», которые не были опровергнуты в судебном заседании, в совокупности с другими представленными суду доказательствами, суд полагает не доказанным то обстоятельство, что до проведения оперативно-розыскного мероприятия — оперативный эксперимент, у ФИО1 имелся умысел на дачу взятки должностному лицу, который сформировался независимо от деятельности заместителя начальника МО МВД России «Вичугский» М.Е., а, следовательно, в действиях ФИО1 отсутствует состав преступления, предусмотренный ч.3 ст.30, ч.3 ст.291 УК РФ» [4].

В подобных ситуациях суды признают, что:

— отсутствует субъективная сторона преступления. У лица не было сформированного самостоятельного умысла на передачу взятки;

— доказательства недопустимы. Все материалы, полученные в результате провокации (аудио-, видеозаписи, протоколы), признаются недопустимыми доказательствами и не могут быть положены в основу обвинительного приговора.

Таким образом, разграничение законной оперативной деятельности (например, проверочной закупки) и провокации заключается в наличии или отсутствии у лица изначальной предрасположенности к совершению преступления. Если сотрудники лишь фиксируют уже имеющийся умысел и готовность передать взятку, это законно. Если же они активно склоняют лицо к преступлению, которого оно не планировало совершать, — это провокация.

2. Особенности освобождения от ответственности.

Примечание к ст. 291 УК РФ предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности лица, давшего взятку, если оно активно способствовало раскрытию или расследованию преступления либо имело место вымогательство взятки со стороны должностного лица. Данная норма стимулирует сотрудничество с правоохранительными органами и способствует выявлению коррупционных схем.

Освобождение от уголовной ответственности за совершение посредничества во взяточничестве (статья 291 УК РФ) возможно при выполнении двух обязательных условий — добровольного сообщения о совершенном преступлении и активного содействия раскрытию и (или) расследованию преступления.

Освобождение от уголовной ответственности за дачу взятки (ст. 291 УК РФ) регламентировано примечанием к статье 291. Для этого необходимо наличие одного из двух альтернативных оснований, каждое из которых

должно сопровождаться обязательным условием — добровольностью действий лица.

Лицо освобождается от ответственности, если оно добровольно сообщило о факте дачи взятки в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления.

Под активным содействием понимается совершение действий, которые помогают правоохранительным органам установить все обстоятельства дела: выявление других участников преступления, помощь в поиске доказательств, указание места нахождения предмета взятки и т. д. Ключевым моментом является именно добровольность сообщения — оно должно быть сделано до того, как о преступлении стало известно правоохранительным органам из других источников.

Лицо освобождается от ответственности, если передача взятки произошла в ситуации вымогательства.

Вымогательство взятки означает, что должностное лицо требовало передать взятку под угрозой совершения действий, которые могут причинить вред законным интересам лица (например, угроза необоснованного привлечения к ответственности, создания препятствий в бизнесе), поставило лицо в такие условия, когда оно вынуждено дать взятку для предотвращения вредных последствий для своих интересов.

В этом случае закон не требует активного содействия расследованию, так как само вымогательство исключает добровольность дачи взятки в классическом понимании и свидетельствует об отсутствии у лица преступного умысла на инициативную коррупцию [3].

Так, основанием для возбуждения уголовного дела в отношении ФИО4 послужили материалы уголовного дела, возбужденного ранее в отношении иного лица, по результатам проведенных правоохранительными органами оперативно-розыскных мероприятий в отношении иного лица, содержащие, в том числе, сведения, согласно которым ФИО4 предавал денежные средства должностному лицу за совершение незаконных действий, что стало известно правоохранительным органам.

Таким образом, при указанных обстоятельствах суд полагает, что оформленный протокол явки с повинной, в том числе после проведения и в отношении него оперативно-розыскных мероприятий по смыслу закона не может считаться добровольным сообщением о совершенном преступлении, так как ФИО4 самостоятельно в правоохранительные органы не обращался, а дал явку с повинной, когда у правоохранительных органов уже имелась информация о причастности к даче взятки должностному лицу.

Так 26 сентября 2025 года Кингисеппский городской суд Ленинградской области в составе: председательствующего судьи Осипова Н. В., рассмотрев уголовное дело № 1–257/2025 в описательно-мотивировочной части приговора указал: «Кроме того, преступление совершено ФИО4 в период с 13.03.2019 по 27.12.2023, явка с повинной дана им 30.12.2024, то есть спустя значительное

время после выполнения объективной стороны преступления, что однозначно свидетельствует об отсутствии у ФИО4 намерения добровольно сообщить правоохранительным органам о совершенном им преступлении и вынужденном его сообщении о преступлении в связи с тем, что о нем стало известно правоохранительным органам.

Кроме того, подсудимый ФИО4, которому иное лицо предложило за систематическое получение от него денежных средств в виде взятки за работу в удобном графике и прохождения зачёта АСПТ и с использованием метода «Провокатор» без фактической явки на него, добровольно согласился на данные условия. Каких-либо угроз физической расправы от иного лица ему не поступали. О ситуации, касающейся возможности его не постановки иным лицом в график работы и сдачи зачетов без явки на них вышестоящим руководителям он не сообщал и в правоохранительные органы не обращался.

Кроме того, суд принимает во внимание, что в настоящее время приговор в отношении иного лица не постановлен.

В этой связи признак добровольности при сообщении о преступлении либо вымогательства со стороны иного лица отсутствует, а избличение им при допросах в качестве подозреваемого и обвиняемого иного лица, не является достаточным основанием для его освобождения от уголовной ответственности в связи с примечанием к ст. 291 УК РФ.

Таким образом, суд признает ФИО1 виновным в совершении настоящего преступления и квалифицирует его действия по п. «б» ч.4 ст. 291 УК РФ, как дача взятки должностному лицу лично, в крупном размере за совершение заведомо незаконных действий» [5].

Анализ правовых норм и материалов судебной практики, в частности приговора Кингисеппского городского суда Ленинградской области от 26.09.2025 по делу № 1–257/2025, позволяет сделать вывод о строгих критериях применения примечания к ст. 291 УК РФ для освобождения от уголовной ответственности.

Ключевым условием для реализации данной нормы является добровольность сообщения о преступлении. Под добровольностью понимается инициативное обращение лица в правоохранительные органы до того, как о факте дачи взятки стало известно органам власти из иных источников.

В рассматриваемом судебном деле суд установил, что объективная сторона преступления была выполнена в период с 13.03.2019 по 27.12.2023, а явка с повинной датирована 30.12.2024. При этом правоохранительные органы уже обладали информацией о причастности лица к пре-

ступлению в результате оперативно-розыскных мероприятий, проведённых в рамках другого уголовного дела.

Следовательно, суд пришёл к обоснованному выводу, что сообщение о преступлении не было добровольным, а являлось вынужденной реакцией на уже имеющуюся у следствия осведомлённость. В такой ситуации формальное оформление явки с повинной не может служить основанием для освобождения от ответственности.

Кроме того, суд опроверг наличие второго основания для освобождения — вымогательства взятки. Было установлено, что подсудимый добровольно согласился на условия передачи денежных средств за незаконные предпочтения (удобный график, фиктивная сдача зачётов), не подвергался угрозам и не обращался за защитой в компетентные органы.

Таким образом, активное содействие расследованию (изобличение соучастников) само по себе не является достаточным основанием для освобождения от ответственности при отсутствии главного условия — добровольного сообщения о преступлении, сделанного до того, как о нём узнали правоохранительные органы.

Заключение

Эффективность борьбы с коррупцией зависит не только от суровости наказания, но и от чёткого соблюдения правовых гарантий, исключающих провокацию и обеспечивающих справедливое применение института освобождения от ответственности на основе принципа добровольности.

Проблема провокации требует от судов тщательной проверки материалов оперативно-розыскных мероприятий для установления наличия или отсутствия у лица изначального преступного умысла. Это необходимо для предотвращения злоупотреблений со стороны правоохранительных органов и защиты прав граждан.

Что касается проблемы освобождения от ответственности, то нужно отметить, что судебная практика идёт по пути строгого соблюдения буквы закона. Для освобождения от ответственности по ст. 291 УК РФ недостаточно просто избличить соучастников или признать вину после начала следственных действий. Необходимо доказать, что сообщение о даче взятки было сделано лицом по собственной инициативе и до того, как правоохранительные органы получили информацию из иных источников. Это является ключевым критерием для разграничения деятельного раскаяния и вынужденного признания под давлением неопровержимых улик.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.01.2025). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 05.03.2026).
2. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. N 27 (ч. II). Ст. 5351. // СПС «Консультант Плюс». — URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 06.03.2026).

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 — О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 3 декабря 2013 г. № 33, от 24 декабря 2019 г. № 59, от 9 декабря 2025 г. № 33). // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). Доступ свободный — URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8355/>. (дата обращения: 12.03.2026).
4. Приговор № 1–40/2018 от 12 июля 2018 г. по делу № 1–40/2018. Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). Доступ свободный — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/otFKUJhyTJog/>. Дата обращения: 11.03.2026).
5. Приговор № 1–257/2025 от 25 сентября 2025 г. по делу № 1–257/2025 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). Доступ свободный — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RPqOVF4W3ol/> (дата обращения: 12.03.2026).
6. Зимин, И. В России раскрыто рекордное число преступлений, связанных со взяточничеством / И. Зимин. — Текст : электронный // Газета.ru : [сайт]. — URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2026/02/14/27847579.shtml?utm_auth=true (дата обращения: 06.04.2026).

Должностные права и обязанности помощника судьи суда общей юрисдикции

Федотов Никита Андреевич, студент

Научный руководитель: Заиченко Яна Ивановна, кандидат экономических наук, доцент
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Иркутск)

В статье рассматривается правовой статус помощника судьи суда общей юрисдикции как ключевого участника обеспечения правосудия. Анализируются нормативно-правовая основа деятельности, должностные обязанности, права и ответственность данной категории государственных гражданских служащих.

Особое внимание уделяется проблеме дуализма правового положения помощника судьи, который, с одной стороны, является государственным служащим с четко определенными административными функциями, а с другой — выполняет процессуальные действия, способствующие отправлению правосудия. Автором вносятся предложения по совершенствованию законодательства в части регламентации статуса помощника судьи.

Ключевые слова: помощник судьи, суд общей юрисдикции, должностные обязанности, права, правовой статус, аппарат суда, обеспечение правосудия.

Official rights and duties of an assistant judge of a court of general jurisdiction

Fedotov Nikita Andreevich, student

Scientific advisor: Zaichenko Yana Ivanovna, phd in economics, associate professor
East-Siberian Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Irkutsk)

The article examines the legal status of the assistant judge of a court of general jurisdiction as a key participant in the provision of justice. The article analyzes the legal basis of the activities, official duties, rights, and responsibilities of this category of civil servants.

Special attention is paid to the problem of the dual nature of the legal status of the assistant judge, who, on the one hand, is a civil servant with clearly defined administrative functions, and on the other hand, performs procedural actions that contribute to the administration of justice. The author makes proposals for improving the legislation regarding the regulation of the status of the assistant judge.

Keywords: assistant judge, court of general jurisdiction, official duties, rights, legal status, court apparatus, and provision of justice.

В условиях обновленной судебной системы и возрастающей нагрузки на судей особое значение приобретает эффективность работы аппарата суда. Ключевой фигурой в этом механизме выступает помощник судьи — главное доверенное лицо и процессуальный помощник судьи.

Включение в штаты судов общей юрисдикции должности помощника судьи, по мнению А. П. Фокова, стало следствием осознания необходимости оказать содействие

председателям судов (и судьям) в осуществлении ими своих обязанностей. Это позволило переложить часть технических функций на государственных служащих, тем самым высвободив время судей для более качественного отправления правосудия [10].

Сегодня сложно представить процедуру отправления правосудия без четко отлаженной и качественно скоординированной деятельности, в том числе обеспечи-

ваемой работой помощников судей. Прогресс в вопросах судебной организации побудил некоторых специалистов предложить расширить функции этих служащих, возложив на них, например, осуществление судебного примирения сторон [6].

За годы существования институт помощников судей зарекомендовал себя с положительной стороны, став неотъемлемым элементом механизма правосудия. Однако, как отмечает В. И. Ткачев, его потенциал до сих пор полностью не реализован, а правовой статус остаётся предметом научных дискуссий [9].

Цель данной статьи — подробно рассмотреть комплекс прав и обязанностей помощника судьи, определить проблемные аспекты его правового положения и предложить рекомендации по их устранению. Для этого необходимо проанализировать основы правового статуса помощников судей на современном этапе развития отечественной судебной системы, требующем постоянного совершенствования организации работы судей.

Правовой статус предполагает наличие определенной совокупности прав и обязанностей субъекта права, которые устанавливаются действующим законодательством. Так, Ю. Н. Стариков отмечает, что «правовой статус — это совокупность исходных, неотчуждаемых прав и обязанностей человека, а также полномочий государственных органов и должностных лиц, которые непосредственно закрепляются за теми или другими субъектами права» [7].

Правовой статус помощника судьи на современном этапе определяется совокупностью нормативных правовых актов, которые устанавливают требования к кандидатам, порядок назначения, права, обязанности, ответственность и гарантии деятельности. К основным нормативным актам относятся:

Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [1]. Поскольку помощник судьи является государственным гражданским служащим, данный закон — основополагающий. Он определяет:

квалификационные требования, права и обязанности гражданского служащего (право на обеспечение надлежащих условий, отдых, повышение квалификации; обязанность соблюдать Конституцию РФ, не разглашать охраняемую законом тайну и др.);

ограничения, запреты (например, на иную оплачиваемую деятельность, кроме научной или преподавательской) и ответственность;

гарантии (социальное страхование, своевременная оплата труда и т. д.).

Федеральный закон от 08.01.1998 № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» [2]. Закон устанавливает, что Судебный департамент организует материально-техническое обеспечение судов, в том числе утверждает типовые структуры и штатные расписания их аппаратов.

Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [3]. Прямо не регулируя статус

помощника, закон определяет общие принципы организации судебной системы и требования к лицам, оказывающим содействие судьям.

Постановления Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющие вопросы применения законодательства о госслужбе и статусе судей.

Приказы и распоряжения Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Они утверждают типовые квалификационные требования, порядок назначения на должности, регулируют вопросы оплаты труда и утверждают типовые должностные регламенты.

Правила внутреннего трудового распорядка суда, устанавливающие режим работы и правила поведения.

Должностной регламент помощника судьи. Это наиболее важный документ, конкретизирующий обязанности, права, ответственность и квалификационные требования. Он разрабатывается на основе типовых требований и утверждается председателем суда.

Ключевые аспекты правового статуса можно систематизировать следующим образом:

Квалификационные требования: обязательное высшее юридическое образование, опыт работы по специальности, знание законодательства и владение компьютером.

Назначение на должность: осуществляется приказом председателя суда. С помощником заключается срочный служебный контракт, действие которого ограничено сроком полномочий судьи.

Должностные обязанности: подготовка проектов судебных актов, изучение материалов дела, подготовка справок и запросов, ведение протоколов судебных заседаний, выполнение иных поручений судьи.

Права: на получение необходимой информации, повышение квалификации, обеспечение надлежащих условий работы, а также иные права, предусмотренные законодательством.

Ответственность: дисциплинарная, административная и уголовная за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей [5].

Таким образом, правовой статус помощника судьи, понимаемый как система прав, обязанностей, гарантий и ответственности, представляет собой уникальный правовой институт, служащий связующим звеном между судебной властью и гражданской службой.

Несмотря на разветвленную систему регулирования, существует ряд проблем:

недостаточная конкретизация обязанностей помощника судьи в федеральном законодательстве, ведущая к различиям в правоприменении;

низкий уровень оплаты труда, особенно в регионах, снижающий привлекательность должности;

отсутствие четких критериев оценки эффективности деятельности;

недостаточная защита от неправомерного вмешательства в деятельность.

В связи с этим совершенствование правового регулирования является важным условием повышения качества

правосудия. Наивысший приоритет имеет разработка и принятие специального федерального закона (например, «О помощнике судьи» или «О государственной судебной службе»), в котором должны быть детализированы:

единые квалификационные требования (включая специализированный стаж и квалификационный экзамен);

специальные гарантии независимости: запрет на вмешательство в профессиональную деятельность, особый порядок привлечения к дисциплинарной ответственности;

четкий перечень полномочий, разграничивающий технические и аналитические функции.

Особого внимания заслуживает вопрос о расширении процессуальных полномочий. В качестве стратегической цели можно рассматривать наделение помощников судей (возможно, под новым наименованием — «младший судья») правом единолично рассматривать отдельные категории дел: о выдаче судебного приказа; несложные дела об административных правонарушениях; вопросы процессуального характера (о восстановлении сроков, об обеспечении доказательств).

Дальнейшее развитие института помощника судьи и повышение его влияния на качество судебного процесса неразрывно связаны с совершенствованием его законодательно закрепленного статуса. Особую важность это представляет еще и потому, что именно данная структурная единица является опорой судебского корпуса, обеспечивая его профессиональную и организационную деятельность. Кроме того, помощник судьи — это кадровый резерв: в перспективе именно он, сдав квалификационный экзамен, может стать судьей.

Проведенный анализ нормативно-правовых актов и научной литературы позволяет утверждать, что помощник судьи в суде общей юрисдикции — это не вспомогательная административная единица, а полноценный и квалифицированный участник судебного процесса, чья деятельность напрямую влияет на качество, обоснованность и своевременность правосудия. В связи с этим целенаправленное повышение статуса данной должности и последовательное укрепление ее как правового института выступают в качестве одной из приоритетных задач государства и профессионального юридического сообщества.

Литература:

1. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» //Собрание законодательства. –2004. — N 31. — Ст. 3215
2. Федеральный закон от 08.01.1998 № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации».
3. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации».
4. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.08.2019 N 193 «Об утверждении типовых должностных регламентов помощника председателя суда, заместителя председателя суда, судьи кассационного суда общей юрисдикции, кассационного военного суда, помощника председателя суда, заместителя председателя суда, судьи апелляционного суда общей юрисдикции, апелляционного военного суда, помощника председателя суда (судьи) верховного суда республики, краевого и областного судов, суда города федерального значения, судов автономной области и автономного округа, окружного (флотского) военного суда, районного суда и гарнизонного военного суда» // Бюллетень актов по судебной системе. N 3. Март. 2020.
5. Зайчиков, Я. В. К вопросу о возможности расширения полномочий помощника судьи в гражданском процессе / Я. В. Зайчиков // Современное право. — 2020. — № 10. — С. 96–98.
6. Лисицын В. В. Помощник судьи — судебный примиритель // Администратор суда. 2016. № 1. С. 16–20.
7. Старилов Ю. Н. Понятие субъекта административного права. Субъекты административного права // Бахрах Д. Н., Российский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право: Учебник для вузов. М., 2004. -С. 122.
8. Степанов, Д. В. Возможность использования искусственного интеллекта в гражданском процессе / Д. В. Степанов // Eromen. Global. — 2023. — № 39. — С. 74–80.
9. Ткачев, В. И. Понятие правового статуса помощника судей и подходы к его определению / В. И. Ткачев. // Молодой ученый. — 2025. — № 15 (566). — С. 314–316.
10. Фоков А. П. Современный статус помощника судьи по обеспечению судебной деятельности // Российский судья. 2012. № 4. С. 2–5.

Проблемы и перспективы развития уголовного судопроизводства

Филиппи Юлия Юрьевна, студент

Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Иркутск)

В исследовании изложены проблемы современного уголовного судопроизводства, определяющие ближайшие перспективы развития отрасли. Среди главных проблем автором выделены: хаотичность развития уголовно-процессуального

законодательства, частое несоблюдение базовых принципов уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, проблема независимости судей, а также некоторые проблемные аспекты в деятельности прокурора в рамках уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальное законодательство, уголовное дело, возбуждение уголовных дел.

Problems and prospects for the development of criminal proceedings

Filippi Julia Yurievna, student

East-Siberian Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Irkutsk)

The study outlines the problems of modern criminal proceedings that determine the immediate prospects for the development of the industry. Among the main problems, the author highlights the chaotic development of criminal procedure legislation, the frequent violation of the basic principles of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the problem of judicial independence, and some problematic aspects in the activities of the prosecutor within the framework of criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, criminal procedure legislation, criminal case, initiation of criminal proceedings.

Современное уголовное судопроизводство берёт своё начало с 2001 года, когда был принят Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, который и в настоящее время является основным источником исследуемой отрасли права. Отметим, что именно это время служит новой вехой в развитии уголовного судопроизводства и точкой бифуркации для учёных-правоведов в области выявления проблем и перспектив развития уголовного судопроизводства.

В рамках данного исследования под уголовно-процессуальным правом следует понимать отрасль права, включающую в себя совокупность правовых принципов и норм, которые регламентируют процессуальный порядок действий участников правоотношений в сфере решения вопросов об уголовной ответственности конкретных лиц [4]. Отсюда следует вывод о том, что уголовный процесс — это профессиональная деятельность органов и уполномоченных лиц, действующих под юрисдикцией уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Особенностью уголовно-процессуального законодательства является тот факт, что оно часто претерпевает значительное количество изменений и редакций. Связана данная проблема с тем, что институт уголовно-процессуального права находится под влиянием динамичности развития общей правовой системы Российской Федерации. При этом само уголовно-процессуальное законодательство развивается весьма хаотично, что на правоприменительной практике создаёт значительные проблемы. На основании изложенного выделим одно из главных проблем — это полное отсутствие единой практикоориентированной концепции уголовного-процессуального законодательства в стране.

Во второй главе УПК РФ изложены базовые принципы, при этом на практике зачастую эти принципы не соблюдаются, что является совершенно недопустимым для всего уголовного судопроизводства. Каждый принцип составляет единую и стройную модель уголовного судопроизводства, где отсутствие функционирования одного из звеньев нарушает правомерность работы всей системы.

Большое количество исследований связано с проблемами независимости судей в уголовном судопроизводстве [2]. По мнению С. В. Корольковой, данная проблема имеет «отправную точку», начиная с момента предварительного слушания. Ознакомившись заранее с уголовным делом, у судьи заранее складывается мнение об обвиняемом и, тем самым, исключается принцип независимого подхода к рассматриваемому уголовному делу [2].

В актуальном исследовании М. В. Орешинной описывается проблемное поле участия прокурора в уголовном судопроизводстве. Автор говорит о том, что «в результате принятия Федерального закона от 05.06.2007 N 87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017)», прокурор лишён права самостоятельного возбуждения уголовных дел [3]. Такое решение повлекло за собой:

- значительное снижение статуса прокурора на всех этапах следствия и суда;
- большую загруженность уголовными делами прокуроров;
- отсутствием физической и правовой возможности глубже знакомиться с уголовными делами и обращаться к органам расследования за возбуждением уголовного дела, что занимает большее количество времени, нежели было раньше при самостоятельных действиях и ответственности прокурора.

Таким образом, нами были определены проблемы и перспективы развития уголовного судопроизводства на ближайшее время. Для решения всех существующих проблем, необходимо прибегнуть к масштабному реформированию действующего законодательства, касающегося уголовного судопроизводства, где будут учитываться не только результаты научных изысканий, но и реальная практическая деятельность всех участников уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 08.02.2026).
2. Королькова, С. В. Проблемы независимости судей в контексте уголовного судопроизводства / С. В. Королькова // Проблемы развития современного общества: Сборник научных статей 10-й Всероссийской национальной научно-практической конференции, в 4-х томах, Курск, 23–24 января 2025 года. — Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. — С. 233–235.
3. Орешина, М. В. Актуальные проблемы участия прокурора в уголовном судопроизводстве / М. В. Орешина // Студент и наука: актуальные вопросы современных исследований: сборник статей IX Международной научно-практической конференции, Пенза, 10 февраля 2025 года. — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2025. — С. 39–42.
4. Сенаторова, А. Д. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства и криминалистики / А. Д. Сенаторова. — Текст: электронный // Интернет-конференции Сибирского юридического университета: [сайт]. — URL: <https://conf.siblu.ru/aktualnye-problemy-ugolovno-sudoproduzvodstva-i-kriminalistiki> (дата обращения: 08.02.2026).

Субъектный состав и принцип множественности обязанностей при причинении вреда вследствие недостатков товаров, работ, услуг

Хайрулаев Дмитрий Андреевич, студент магистратуры

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

Статья посвящена исследованию субъектного состава обязательств, возникающих из причинения вреда вследствие недостатков товаров, работ и услуг. Анализируются правовой статус потерпевшего, круг обязанных лиц и специфика их ответственности. Обосновывается вывод о том, что данное правоотношение не является обязательством со множественностью лиц в классическом понимании, а представляет собой конструкцию с альтернативой на стороне должника.

Ключевые слова: деликтная ответственность, недостатки товаров и услуг, субъектный состав, продавец, изготовитель, исполнитель, импортер, альтернативное обязательство.

Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда из-за недостатков товаров, работ и услуг, являются значимым институтом гражданского права, обеспечивающим защиту прав потребителей. Правовое регулирование осуществляется главой 59 Гражданского кодекса РФ и Законом РФ «О защите прав потребителей» [1; 2]. Особенность рассматриваемого правоотношения заключается в том, что его субъектный состав имеет принципиальные отличия от классического деликта. Как отмечает Д. Н. Давтян-Давыдова, с одной стороны, субъектный состав зависит от предшествующего правоотношения, а с другой — возможно несовпадение круга участников договорного и деликтного обязательств [3, с. 98]. Кроме того, специфика заключается в том, что ответственность может наступать даже при отсутствии вины причинителя, а также при отсутствии договорных связей между потерпевшим и обязанным лицом. Цель статьи — выявить субъектный состав и определить правовую природу связи между множеством обязанных лиц.

Нормативную основу составляет пункт 1 статьи 1095 ГК РФ [1], согласно которому вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу вследствие недостатков товара,

работы или услуги, подлежит возмещению продавцом, изготовителем или исполнителем. Ключевые признаки данной ответственности — ее наступление независимо от вины причинителя, отсутствие требования договорных отношений между потерпевшим и обязанным лицом, а также потребительский характер использования товара [4, с. 68]. При этом для наступления ответственности достаточно наличия вреда и причинной связи между недостатком и наступившими последствиями.

Круг потерпевших включает граждан-потребителей, приобретающих товары для личных нужд, а также юридических лиц, но только при приобретении товара в потребительских целях, не связанных с предпринимательской деятельностью [2]. Потерпевшим может быть не только покупатель, но и любое лицо, пользующееся товаром (например, член семьи или даже гость). Это значительно расширяет защитную функцию института и позволяет привлечь к ответственности изготовителя даже в тех случаях, когда сам покупатель не пострадал, а вред причинен третьему лицу [3, с. 100]. Судебная практика подтверждает, что отсутствие договорных отношений между потерпевшим и ответчиком не препятствует удовлетворению иска.

На стороне должника закон называет продавца, изготовителя, исполнителя, уполномоченную организацию и импортера [1; 2]. Продавец отвечает за недостатки товара независимо от того, является ли он изготовителем. Потерпевший вправе выбрать, к кому предъявить требование — к продавцу или к изготовителю. Изготовитель несет ответственность даже при отсутствии договорных отношений с потерпевшим [3, с. 101]. Исполнитель работы или услуги (ремонт, лечение, строительство) также является надлежащим ответчиком при условии наличия противоправности, вреда и причинно-следственной связи [6, с. 3]. Особого внимания заслуживает фигура импортера. Согласно пункту 3 статьи 14 Закона о защите прав потребителей, импортер несет ответственность за недостатки товара наравне с изготовителем [2]. Это означает, что если товар произведен за рубежом и ввезен на территорию РФ импортером, то потерпевший может предъявить требование непосредственно к импортеру, минуя иностранного изготовителя. Как отмечается в разъяснениях Прокуратуры Хабаровского края, импортер отвечает за недостатки товара, на который не установлен гарантийный срок, если потребитель докажет, что они возникли до передачи товара потребителю [7, с. L5]. Уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, действующие от имени изготовителя, также могут быть привлечены к ответственности на основании статьи 13 Закона о защите прав потребителей [2].

Дискуссионным остается вопрос о правовой природе связи между продавцом, изготовителем и иными обязанными лицами. Можно ли говорить о множественности лиц на стороне должника в классическом понимании? Д. Н. Давтян-Давыдова обоснованно утверждает, что «особого рода взаимодействие... не дает оснований квалифицировать его по модели обязательства со множественностью лиц... а имеет место лишь юридически закреплённая альтернатива» [3, с. 102]. Таким образом, перед нами не солидарная обязанность (где все должники отвечают совместно), а альтернативное обязательство, где потерпевший самостоятельно выбирает ответчика. Выбранное лицо не вправе перекладывать ответственность на другое, за исключением регрессного требования (например, продавца к изготовителю). Такая конструкция максимально защищает интересы потерпевшего, поскольку он может обратиться к тому ответчику, который находится в том

же регионе или обладает большей платежеспособностью. Однако она порождает и определенные сложности: возможны ситуации, когда потерпевший предъявляет требование к продавцу, а продавец, в свою очередь, предъявляет регрессный иск к изготовителю, что увеличивает количество судебных процессов по одному и тому же факту причинения вреда. Кроме того, на практике возникает проблема конкуренции исков — потерпевший может одновременно обратиться и к продавцу, и к изготовителю, но суд должен выбрать надлежащего ответчика.

Основания освобождения от ответственности закреплены в статье 1098 ГК РФ [1]: продавец или изготовитель освобождается от ответственности, если докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы или нарушения потребителем установленных правил пользования товаром. Бремя доказывания лежит на продавце (изготовителе), что является проявлением принципа защиты прав потребителей [6, с. 5]. При этом суды обычно требуют от ответчика не только ссылку на нарушение правил пользования, но и доказательства причинной связи между этим нарушением и наступившим вредом.

Субъектный состав обязательства по возмещению вреда вследствие недостатков товаров, работ и услуг характеризуется расширенным кругом обязанных лиц, включающим продавца, изготовителя, исполнителя, уполномоченную организацию и импортера. Потерпевшими могут быть как граждане, так и юридические лица при условии потребительского характера использования товара. Правоотношение между потерпевшим и несколькими потенциально обязанными лицами не является классическим обязательством со множественностью лиц, а представляет собой альтернативное обязательство, где выбор ответчика принадлежит потерпевшему [3, с. 103]. Законодательство в целом соответствует потребностям оборота, однако требует дальнейшего совершенствования, в частности уточнения правового статуса уполномоченных организаций и импортеров, а также унификации подходов к разграничению ответственности продавца и изготовителя в случаях, когда недостаток не мог быть обнаружен продавцом при обычной проверке. Перспективы исследования связаны с изучением зарубежного опыта, особенно директив Европейского Союза об ответственности за некачественную продукцию, и выработкой конкретных предложений по изменению российского гражданского законодательства.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-I «О защите прав потребителей» (ред. от 08.08.2024) // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1992. — № 15. — Ст. 766.
3. Давтян-Давыдова Д. Н. Субъекты обязательства по возмещению вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ и услуг // Legal Concept. — 2018. — Т. 17. — № 1. — С. 97–103.
4. Халин Р. В. Сравнительно-правовой анализ разграничения договорной и деликтной ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, работ или услуг по действующему законодательству РФ // Бизнес в законе. — 2015. — № 6. — С. 67–71.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2012. — № 9.
6. Энциклопедия судебной практики. Обязательства вследствие причинения вреда. Основания возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков товара, работы или услуги (Ст. 1095 ГК) // СПС «Гарант». — URL: <https://base.garant.ru/57590153/> (дата обращения: 05.04.2026).
7. Прокуратура Хабаровского края. Разъяснение: Возмещение вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ или услуг. — 29.05.2024. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_27/activity/legal-education/explain/e246477/ (дата обращения: 05.04.2026).

Проблемы квалификации убийства двух или более лиц

Цыцова Анна Алексеевна, студент;

Ядрина Лилия Алексеевна, студент;

Ручкина Диана Сергеевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье авторы определяют проблемы квалификации убийства двух или более лиц.

Квалификация убийства двух или более лиц остается предметом дискуссий как в прошлом, так и в настоящем. Данное преступление отличается высокой степенью тяжести, поскольку деятельность преступника приводит к смерти нескольких лиц, что характеризует его особо опасным.

В первоначальной редакции п.5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1 (ред. от 27.01.2025) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» указывал, что п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ следует вменять только, если действия виновного охватывались единым умыслом и были совершены, как правило, одновременно. В результате чего по данному пункту квалифицировались все убийства, которые совершались одновременно или с разрывом времени, но охватываемые единым умыслом.

Тульский областной суд квалифицировал деяния В. по п. «а» ч.2 ст. 105 УК РФ. В., отбывая наказание за грабеж, дал клятву другим заключенным, что расправится со свидетелями, которые давали уличающие его показания [1]. Выйдя из колонии, он попытался убить свидетеля Ж. ударом ножа в спину. Через несколько дней он подкараулил сестру Ж.- второго свидетеля, и когда она выходила с работы, стал преследовать ее с целью нанести удар ножом в спину. Преступные действия В., несмотря на разрыв во времени (покушение на убийство одного лица и приготовление к убийству второго) охватывались единым намерением и совершены по одному мотиву — мести за выполнение общественного долга. В этом и подобных случаях имелись основания для признания, содеянного единым преступлением, направленным на причинение смерти двум лицам. Подобная практика была достаточно устоявшейся.

Однако, несмотря на это, 3 апреля 2008 года Пленум Верховного Суда РФ внес коренные изменения и отказался от единства умысла виновного на причинение

смерти двум и более лицам как квалификационного признака рассматриваемого убийства, что привело к критике со стороны научного сообщества. В новой редакции (ред. от 03.03.2015) значение придается не единству умысла, а количественному признаку (т. е. по количеству лишенных жизни лиц), и отмечается независимость разрыва во времени между убийствами (не имеет значение одновременно или через какое-то время).

В результате произошло усиление ответственности за убийство двух или более лиц, поскольку до изменений, при наличии разрыва во времени и при отсутствии единого умысла, деяния оценивались как самостоятельные, и каждое квалифицировалось по ч.1 ст. 105 УК РФ. По действующим правилам назначения наказания по совокупности преступлений (ч. 3 ст. 69 УК РФ) в анализируемом случае виновному могло бы быть назначено наказание в виде лишения свободы не более 22,5 лет (независимо от количества потерпевших). Тогда как при вменении квалифицирующего признака, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ максимальным наказанием может стать пожизненное лишение свободы.

Так, Тюменский областной суд признал Ш. виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ и назначил ему наказание в виде лишения свободы на 17 лет без ограничения свободы [2]. На основании материалов уголовного дела в ходе распития спиртных напитков, между Ш. и потерпевшим произошла ссора вследствие личных неприязненных отношений, в ходе которой Ш. кулаком нанес потерпевшему два удара в область шеи. После этого Ш., с целью причинения смерти другому потерпевшему, взяв топор, который находился рядом с ним и обухом нанес не менее четырех ударов в область головы потерпевшему, причинив многооскольчатый перелом костей свода черепа, повлекший смерть последнего.

Полагается, что редакцией Верховный Суд РФ стремился защитить интересы потерпевших и восстановить справедливость. Но сама формулировка «убийство двух или более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений» противоречива, поскольку противоречит нормам уголовного и уголовно- процессуального законодательства.

Одним из важнейших принципов уголовного судопроизводства является защита личности от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения (п. 2. ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Однако новая редакция Постановления Пленума ВС РФ об оценке поведения лиц, совершивших убийство двух или более лиц, которые между собой никаким образом не связаны (т. е. мотивом, умыслом, целью, временем) противоречит действующему законодательству. Вызывает сомнения такая позиция Верховного Суда РФ, т. к. он основывается на противоречивой интерпретации совокупности преступлений, изложенной в ч. 1 ст. 17 УК РФ [3, с. 412]. При этом практика по другим делам остается прежней (т. к. разъяснения касаются только убийства двух или более лиц).

Также дискуссионным вопросом является формулировка квалифицирующего признака «в отношении двух или более лиц».

Н. Ф. Кузнецова трактует «совершение двух или более преступлений» как определенную разновидность сложного преступления, а именно преступления с наличием второго более тяжкого последствия [4, с. 285]. Но п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ указывает не на самостоятельные преступления, а на количество лиц (потерпевших), которым причиняется смерть в случае совершения единичного преступления.

Н. Н. Коротких указывает, что убийство двух и более лиц может признаваться продолжаемым преступлением со всеми его признаками [5, с. 90]. П. С. Яни удостоверяет: «Убийство двух и более лиц всегда единое преступление, но не всегда единое продолжаемое» [6]. Согласимся с данной точкой зрения.

В некоторых составах отсутствует признак «в отношении двух или более лиц» (в частности, ст. ст. 115, 116, 119 УК РФ и др.), следовательно, действия виновного в отношении нескольких потерпевших подлежат квалификации по совокупности преступлений. Таким образом, изменения в ч. 1 ст. 17 УК РФ не решают противоречий, возникших в регулировании ответственности за совокупность преступлений в связи с исключением признака неоднократности. И не нужно отождествлять понятия неоднократность и совокупность преступлений, так как они имеют различный правовой характер [7, с. 12].

Разные стадии убийства двух или более лиц (оконченное преступление и покушение на убийство) образуют совокупность преступлений.

Во время употребления спиртных напитков между С. и Л. Возникла ссора, в ходе которой Л. ударил С. по голове, которая упала на пол от удара. После Л. взял лом и острой частью нанес ей несколько ударов по голове. В это время проснулся С-в, которого Л. также несколько раз ударил ломом по голове. Л. услышал, как проснулся ребенок и порезал ему горло горлышком от бутылки. На следующий день к дому С. пришел Ч. и заметил в ограде дома Л. и Б., которые были в состоянии алкогольного опьянения. Зайдя в дом, он увидел мертвых С. и С-ва, у которых имелись повреждения в области головы и ребенка, который хрипел. Решив вызвать помощь, Ч. попытался выйти из дома, но на крыльце его встретили Л. и Б., у которых в руках были лопата и грабли. Л. нанес Ч. удар лопатой в плечо, после чего тот зашел обратно в дом, через окно вылез наружу и побежал в здание суда, откуда сторож вызвал полицию и машину скорой помощи. В результате анализа обстоятельств по делу, суд первой инстанции пришел к выводу о доказанности вины Л. в убийстве двух лиц, в покушении на убийство малолетнего ребенка и на убийство Ч. и верно квалифицировал его действия в этой части обвинения по пп. «а», «к» ч. 2 ст. 105 и ч. 3 ст. 30, пп. «а», «в», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ [9].

Литература:

1. Приговор Тульского областного суда от 08.12.2013 г.
2. Приговор Тюменского областного суда от 04.09.2013 г.
3. Беджаше Р. М. К вопросу о квалификации убийства двух или более лиц // Наука среди нас. — 2018.
4. Кузнецова, Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В. Н. Кудрявцев. М.: Городец, 2007.
5. Коротких, Н. Н. Проблемы квалификации преступлений, совершенных в отношении двух или более лиц // Юридическая наука. 2016.
6. Яни, П. С. Является ли убийство двух и более лиц продолжаемым преступлением? // Законность. 2017.
7. Бавсун, М. В. Убийство двух и более лиц: совокупность или единое преступление / М. В. Бавсун, Н. Н. Куличенко // Уголовное право. 2007.
8. Верховный Суд РФ. Дело № 72-АПУ 14–71. Апелляционное определение от 29.01.2015 г.
9. Верховный Суд РФ. Дело № 19-АПУ 14–36СП. Апелляционное определение от 11.12.2014 г.
10. Кулешова И. В. К вопросу о квалификации убийства двух или более лиц // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kvalifikatsii-ubiystva-dvuh-ili-bolee-lits> (дата обращения: 06.04.2026).

Система «1С:Предприятие» как объект криминалистического исследования

Чубарь Станислав Алексеевич, студент
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Ключевые слова: криминалистика, цифровые следы, 1С:Предприятие, информационно-технологическая обстановка, судебная компьютерно-техническая экспертиза, расследование экономических преступлений, автоматизированные системы учёта.

Система «1С:Предприятие» широко используется в экономике России и ближнего зарубежья (СНГ и в частности ЕАЭС), поэтому она всё чаще выступает источником доказательств по делам об экономических преступлениях. В условиях глобализации экономической преступности, анализ цифровых следов в таких учётных системах становится важным не только на национальном, но и на международном уровне [1]. Это требует выработки единых подходов к их исследованию.

Традиционный подход, основанный на судебной компьютернотехнической экспертизе, рассматривает базу данных (в т. ч. «1С») как статичный объект. Однако такой подход не позволяет полноценно реконструировать механизм совершения преступления. Необходимо перейти от парадигмы экспертного исследования к парадигме криминалистического познания. В этом случае система воспринимается не как пассивное хранилище информации, а как динамичная среда совершения противоправного деяния, которая закономерно порождает цифровые следы. Эти следы сочетают материальные изменения на носителе и отражение волевых актов пользователя [2].

В научный оборот вводится понятие информационно-технологической обстановки преступления. Данное понятие охватывает совокупность условий, средств и способов обработки учётных данных: тип развёртывания базы (файловый или серверный), используемую СУБД, конфигурацию, настройки доступа и журналирования, политику резервного копирования. Установление данных элементов помогает достоверно реконструировать события преступления.

Информационные базы «1С» обладают рядом криминалистически значимых свойств. Прежде всего, они отличаются высокой структурированностью, основанной на внутренней метамодели «1С», что позволяет точно локализовать источник искажения. Кроме того, операции в системе имеют хронологическую детерминированность, а механизмы контроля ссылочной целостности помогают выявить признаки вмешательства — их нарушение служит индикатором несанкционированных действий. Ещё одна важная особенность заключается в том, что следы сохраняются даже после видимого удаления данных: они могут оставаться в индексах, теневых копиях и журналах транзакций.

Преступное воздействие на учётные данные можно разделить на три группы. Первая группа включает искажение фактографических данных без изменения кода — например, внесение фиктивных документов «задним

числом» или редактирование с нарушением хронологии. Подобные действия оставляют следы в журнале регистрации и полях служебных таблиц, недоступных обычному пользователю. Вторая группа связана с модификацией прикладной логики: изменением модулей или созданием внешних обработок. Этот способ отличается высокой латентностью, поскольку искажение возникает на этапе записи в регистры. Третья группа охватывает вмешательство в инфраструктурный уровень, такое как изменение системных дат, отключение аудита или манипуляции с резервными копиями. Каждая из этих групп требует особых методов обнаружения и процессуального закрепления.

Разработаны критерии, которые помогают отличить технический сбой от криминального вмешательства. К ним относятся повторяемость аномалии и её связь с действиями конкретного пользователя, наличие следов использования режима разработки, корреляция момента изменения данных с иными событиями расследуемого деяния, а также сохранность резервных копий, фиксирующих первоначальное состояние учёта. Эти критерии позволяют следователю объективно оценивать доводы участников процесса и обоснованно назначать экспертизу.

Анализ судебной практики 2024–2025 гг. [4], [5], [6] показал устойчивую связь между способами преступного поведения и цифровыми следами в «1С». В делах о преднамеренном банкротстве криминалистически значимой оказывается не отдельная операция, а их хронологическая плотность в период перед подачей заявления о банкротстве. Это подтверждает кумулятивный характер следов. При хищении путём оформления фиктивных актов ключевым доказательством становится темпоральный паттерн: высокая скорость генерации документов в едином сеансе, нетипичная для обычного документооборота. Если речь идёт об использовании нелицензионного ПО, важно фиксировать при осмотре не только содержимое жёсткого диска, но и сведения о типе платформы, наличии ключей защиты и способе активации. Такие данные могут указывать как на осведомлённость пользователя о противоправном характере действий, так и на отсутствие умысла.

Практическая значимость подтверждается случаями, когда отказ в возбуждении уголовного дела был связан с нарушениями при изъятии оборудования и поверхностным осмотром без фиксации состояния активных сеансов. Это подчёркивает необходимость участия специалиста уже на этапе доследственной проверки и раз-

работки тактических рекомендаций по проведению следственных действий с объектами, содержащими учётную систему «1С» [3]. В теоретическом плане работа развивает учение о цифровых следах. Она показывает, что традиционное деление на материальные и идеальные следы становится менее чётким в условиях сложных программно-информационных комплексов.

Таким образом, формируется самостоятельное направление криминалистического знания, предметом которого

является механизм слеодообразования в строго формализованных учётных средах. Система «1С:Предприятие» приобретает статус криминалистического феномена, требующего интеграции знаний информатики, бухгалтерского учёта, судебной бухгалтерии и криминалистики. Перспективы дальнейших исследований связаны с созданием частных методик для отдельных составов преступлений и использованием методов искусственного интеллекта для выявления аномалий в учётных массивах.

Литература:

1. Bilevičienė T., Bilevičiūtė E., Drakšas R. Development of forensic science information system in the context of international environment // Russian journal of criminology (Байкальский государственный университет). — 2016. — № 3. — с. 579–589.
2. Старичков М. В., Лантух Н. В. О предмете компьютерной криминалистики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2023. — № 3 (27). — С. 198–205.
3. Себякин А. Г. Использование знаний в области компьютерной техники при расследовании отдельных видов преступлений, подследственных следователям СК России: Практическое пособие / Под ред. д.ю.н., доцента О. Ю. Антонова. — М.: Московская академия СК РФ, 2021. — 71 с.
4. Приговор Зареченского районного суда г. Тулы № 1-189/2024 1-20/2025 от 20 апреля 2025 г. по делу № 1-189/2024
5. Приговор Канавинского районного суда г. Нижний Новгород № 1-19/2025 1-342/2024 от 15 апреля 2025 г. по делу № 1-19/2025
6. Решение Прохладненского районного суда Кабардино-Балкарской Республики № 2-465/2025 2-465/2025~М295/2025 М-295/2025 от 16 апреля 2025 г. по делу № 2-465/2025

К вопросу об особенностях субъективной стороны убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны

Шкуратов Егор Олегович, студент

Научный руководитель: Доронин Геннадий Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

Статья посвящена анализу субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ — убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны. В работе подчеркивается, что каждый состав преступления включает обязательные элементы (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона), при этом субъективная сторона является ключевой для разграничения правомерной защиты от уголовно наказуемого деяния.

Рассматривается дискуссионный в науке уголовного права вопрос о форме умысла при превышении пределов необходимой обороны. На основе анализа ст. 24–25 УК РФ, Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27.09.2012 и научных работ ведущих специалистов (А. В. Савинова, Э. В. Кабурнеева, Н. Г. Вольдимаровой, Э. Ф. Побегалло) в статье делается вывод о допустимости как прямого, так и косвенного умысла для квалификации по ч. 1 ст. 108 УК РФ. Такой подход является наиболее универсальным и позволяет охватить большее количество ситуаций в правоприменительной практике.

Особое внимание уделяется факультативным элементам субъективной стороны — мотиву и цели преступления. Анализируя взгляды В. Н. Кудрявцева, В. Г. Беляева, Б. В. Здравомыслова, А. А. Князькова, а также позиции В. И. Акимочкина и В. И. Ткаченко, обосновывается необходимость признания мотива и цели обязательными элементами для данного состава преступления, поскольку именно они позволяют отграничить убийство при превышении пределов необходимой обороны от убийства, предусмотренного ст. 105 УК РФ.

Ключевые слова: субъективная сторона, убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, элементы субъективной стороны, форма вины, цель, мотив.

Статья 8 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает: «основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все при-

знаки состава преступления». Таким образом, каждый состав преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ, включает в себя определенные признаки, необхо-

димые для основания уголовной ответственности. Законодатель не даёт определения признаков состава преступления, однако в науке уголовного права сформировался фундаментальный четырехэлементный подход. Основанием данного подхода принято считать научный труд советского ученого-правоведа Трайнина А. Н. под названием «Учение о составе преступления». [1] Именно в этой работе происходит выделение таких признаков состава преступления, как:

- Объект;
- Объективная сторона;
- Субъект;
- Субъективная сторона.

Раскрывая особенности субъективной стороны, стоит отметить, что по общему правилу выделяют обязательные и факультативные элементы данного признака состава преступления. Обязательным элементом субъективной стороны является форма вины. Согласно статье 24 УК РФ, законодатель устанавливает две формы вины: умысел и неосторожность. Преступление, предусмотренное частью 1 статьи 108 УК РФ, именуется, как «убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны». Исходя из формулировок Особенной части УК РФ «убийство — это умышленное причинение смерти другому человеку». [2] Следовательно, субъективная сторона рассматриваемого преступления представляется умышленной формой вины. Об этом также свидетельствует пункт 11 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», в котором определяется, что «ответственность за превышение пределов необходимой обороны для обороняющегося лица наступает только в случаях, когда без необходимости умышленно был причинен посягавшему лицу тяжкий вред здоровью или смерть». [3] Положения статьи 25 Уголовного кодекса Российской Федерации закрепляют, что при умышленной форме вины лицо осознает общественную опасность своих деяний. Умысел субъекта убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны заключается, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19, в том, что «оборонявшийся осознавал, что причиняет вред, который не был необходим для предотвращения или пресечения конкретного общественно опасного посягательства». Касаемо природы возникновения умысла, справедливо отмечал Акимочкин В. И.: «Убийство, предусмотренное ч. 1 ст. 108, характеризуется, как правило, внезапно возникшим умыслом, поскольку обстановка нападения вынуждает обороняющегося, который, находясь в возбужденном состоянии, не всегда в состоянии адекватно воспринять поведение посягающего действовать безотлагательно». [4] Однако вопрос относительно вида умышленной формы вины остается дискуссионным. Например, Савинов А. В. и Кабурнеев Э. В. являются сторонниками исключительно формы косвенного умысла, обосновывая это тем, что «ос-

новная цель у виновного — защита, а не лишение нападавшего жизни. [5;6] Причинение смерти является вынужденным шагом обороняющегося, хотя он и осознает опасность превышения пределов необходимой обороны, но причинение посягающему лицу смерти лишь допускается либо субъект обороны относится к таким последствиям безразлично». Представителями позиции о том, что вина в преступлении, предусмотренного ч.1 ст.108 УК РФ, может быть как в форме прямого, так и косвенного умысла, являются Вольдимарова Н. Г. и Побегайло Э. Ф. [7;8] Так, Побегайло Э. Ф. в своей работе исходит из того, что «в конкретной ситуации обороняющийся может осознавать неизбежность наступления смерти посягающего лица и желать ее как единственного способа пресечь посягательство». На мой взгляд, признание вины в форме прямого и косвенного умысла является наиболее универсальным подходом. Уголовный кодекс Российской Федерации для субъективной стороны убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны, говорит только об умышленной форме вины, а значит, субъективную сторону данного преступления будет составлять как деяния с прямым, так и с косвенным умыслом. Такой подход помогает охватывать больше ситуаций на практике.

К факультативным элементам субъективной стороны в науке уголовного права принято относить мотив и цель. Принято считать, что цель отвечает на вопрос «зачем?», а мотив — «почему?». По мнению Кудрявцева В. Н. «цель — это представление о желаемом результате, к достижению которого стремится виновный». [9] В свою очередь Беляев В. Г. акцентируется на объекте преступления: «цель преступления — это общественно опасные изменения в объекте данного преступления, которых стремится достичь виновный». [10] Справедливо заметить, что цель непосредственно представляет собой такой результат, ради которого субъект совершает общественно опасное деяние. В термин «мотив» ряд научных исследователей, таких как Здравомыслов Б. В. и Князьков А. А., вкладывают «обусловленные определенными потребностями и интересами внутренние побуждения, которые вызывают у лица решимость совершить преступление и которыми оно руководствовалось при его совершении». [11;12] Можно сказать, что мотив — это собственно то, что побудило лицо совершить общественно опасное деяние. Однако, в рамках убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны, научным сообществом ставится вопрос насчет обязательности цели и мотива. Так, Акимочкин В. И. считает, что «целью обороняющегося является не смерть посягающего, а защита тех или иных правоохраняемых благ, и при достижении этой цели обороняющееся лицо допускает наступление такого последствия». Мотивом убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны, по мнению Ткаченко В. И. является «потребность в устранении возникшей в результате посягательства опасности определенным общественным отношениям при наличии

сознания о вредном способе ее удовлетворения». [13] Проанализировав нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, можно справедливо согласиться с приведенными взглядами ученых. О том, что цель и мотив в данном преступлении будут обязательными элементами, свидетельствует разграничение с преступлением, предусмотренным статьей 105 УК РФ. При превышении пределов необходимой обороны, обороняющийся изначально преследовал благую цель, а именно предотвратить либо пресечь посягательство, и пользовался своим правом, но превысил пределы, установленные законом, и тем самым совершил преступление. При простом же убийстве у лица

не было права причинять вообще какой бы то ни было вред потерпевшему — это, во-первых, а, во-вторых, законодатель в данном случае не указывает какую-либо связь между общественно полезной целью и убийством.

Резюмируя, можно сказать, что субъективная сторона убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны характеризуется умышленной формы вины. Однако вопрос вида умышленной формы вины в научном сообществе остается дискуссионным. Существует тенденция изменения статуса цели и мотива из факultatивных в основные элементы субъективной стороны в рамках рассматриваемого преступления.

Литература:

1. Трайнин, А. Н. Учение о составе преступления / А. Н. Трайнин. — М.: Юридическое издательство, 1946. — 183 с. — Текст: непосредственный.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996г. N 63-ФЗ. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 07.04.2026).
3. Пленум, Верховного Суда РФ О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление / Верховного Суда РФ Пленум. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (дата обращения: 07.04.2026).
4. Акимочкин, В. И. Убийство при превышении пределов необходимой обороны: анализ субъективной стороны / В. И. Акимочкин. — Текст: непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. — 2020. — № 1 (834).
5. Савинов, А. В. Механизм установления пределов правомерности причинения вреда при необходимой обороне / А. В. Савинов. — Текст: непосредственный // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. — 2010. — № 1–1.
6. Кабурнеев, Э. В. Ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны: специальность 12.00.08: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кабурнеев Э. В.. — М., 2002.
7. Вольдимарова, Н. Г. Уголовная ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны: специальность 12.00.08: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Вольдимарова Н. Г. — М., 2003.
8. Побегайло, Э. Ф. Уголовное право. Превышены ли пределы необходимой обороны / Э. Ф. Побегайло. — М.: Норма, 2007. — 231 с. — Текст: непосредственный.
9. Кудрявцев, В. Н. Борьба мотивов в преступном поведении / В. Н. Кудрявцев. — М.: Норма, 2022. — 128 с. — Текст: непосредственный.
10. Беляев, В. Г. Вопросы квалификации убийств / В. Г. Беляев, Н. М. Свидлов. — Волгоград: ВСШМВД СССР, 1984. — 60 с. — Текст: непосредственный.
11. Афиногенов, С. В. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / С. В. Афиногенов, Л. Д. Ермакова, Б. В. Здравомыслов. — М.: Юрист, 1996. — 509 с. — Текст: непосредственный.
12. Князьков, А. А. Теория и практика квалификации преступлений / А. А. Князьков. — учебное пособие. — Ярославль: ЯрГУ, 2018. — 99 с. — Текст: непосредственный.
13. Ткаченко, В. И. Необходимая оборона по уголовному праву / В. И. Ткаченко. — М.: Юридическая литература, 1979. — 119 с. — Текст: непосредственный.

К вопросу о содержании понятия «необходимая оборона»

Шкуратов Егор Олегович, студент

Научный руководитель: Доронин Геннадий Николаевич, кандидат юридических наук, доцент

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

Статья посвящена теоретическому и практическому разграничению понятий «необходимая оборона» и «состояние необходимой обороны» в российском уголовном праве. На основе анализа положений главы 8 УК РФ, статьи 37 УК РФ и Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27.09.2012 рассматриваются различные подходы к определению необходимой обороны, представленные в работах А. И. Плотникова, Д. В. Савельева, Э. Ф. Побегайло, В. В. Меркурьева, и обосновывается вывод о том, что наиболее полным является подход, трактующий необходимую оборону как элемент правового статуса личности.

В работе анализируются две группы условий правомерности необходимой обороны: условия, относящиеся к посягательству (общественная опасность, наличность, действительность), и условия, относящиеся к защите (защита законных интересов, причинение вреда только нападающему, отсутствие превышения пределов). Отдельное внимание уделяется критериям «состояния необходимой обороны» — временному промежутку и основанию возникновения права на защиту — с привлечением разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и примера из судебной практики (приговор Лузского районного суда Кировской области).

Ключевые слова: необходимая оборона, институт необходимой обороны, критерии института необходимой обороны, состояние необходимой обороны, критерии состояния необходимой обороны.

Уголовный Кодекс Российской Федерации содержит Главу 8, которая носит название: «Обстоятельства, исключающие преступность деяния». Данная глава перечисляет и раскрывает случаи, когда деяния лица, хотя формально и схожи с преступлением, однако лишены такого признака как преступность. Среди таких обстоятельств законодатель расположил на первом месте необходимую оборону. Что же представляет собой необходимая оборона?

Разные авторы вкладывают в это понятие различное содержание. Например, Плотников А. И. пишет, что необходимая оборона — это правомерная защита личности, общественных и государственных интересов от общественно опасного посягательства путем причинения вреда посягающему. [1] Савельев Д. В. считает, что необходимая оборона — это неправомерное причинение вреда посягающему лицу при защите правомерных интересов, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны. [2] Побегайло Э. Ф. раскрывает термин необходимой обороны как активное содействие правоохранительным органам, защита не только личных, но и общественных интересов. [3] Меркурьев В. В. в своей работе излагает, что необходимая оборона — это составной неотъемлемый элемент правового статуса личности, который берет свое начало в обычном и естественном стремлении человека защитить себя, других лиц, интересы общества и государства от противоправного посягательства и находит соответствующее правовое закрепление в нормах Конституции Российской Федерации (ч. 2 ст. 45). [4] На мой взгляд, наиболее полный подход к изучению термина необходимой обороны представлен Меркурьевым В. В.

Необходимой обороне посвящена статья 37 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Часть 1 данной статьи за-

крепляет следующие положения: «Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия». [5] Мы видим, что статья 37 УК РФ именуется термином «необходимая оборона», в то время как текст самой статьи раскрывает понятие «состояние необходимой обороны». Являются ли они тождественными? В данном случае уместно процитировать Вольтера: «Прежде чем спорить, договоритесь о терминах».

Необходимая оборона — это институт уголовного права, который является одной из гарантий реализации конституционного положения, закрепленного в части 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации, о том, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. [6] Институт необходимой обороны именуется рядом учёных, как право необходимой обороны и главным образом закреплён в статье 37 Уголовного кодекса Российской Федерации. Рассматриваемый институт по своей сути представляет совокупность правовых норм, которые регулируют порядок причинения правомерного вреда посягающему лицу для защиты личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства. Данный институт представляет собой не что иное, как юридическую модель поведения. Такая модель содержит в себе определенные условия, которые необходимы для признания действий правомерными. Эти условия в на-

учной литературе принято дифференцировать на две группы, такие как условия, относящиеся к посягательству, и условия, относящиеся к защите. Каждая группа условий включает в себя определенные критерии. Так условия, относящиеся к посягательству, состоят из следующих критериев: общественная опасность, наличность, действительность.

Общественная опасность посягательства — это способность деяния причинять вред или создавать угрозу причинения вреда охраняемым законом интересам. Для правомерности необходимой обороны не требуется признания посягательства противоправным. Главным является его общественная опасность, то есть наличие реальной возможности причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны. Статья 37 УК РФ классифицирует общественно опасные посягательства на две группы. Первая группа установлена частью 1 статьи 37 УК РФ и включает в себя «общественно опасные посягательства, сопряженные с насилием опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия». Часть 2 статьи 37 УК РФ указывает на «посягательства, не сопряженные с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия».

Наличность посягательства определяет временной промежуток правомерности необходимой обороны. Под наличностью посягательства понимается посягательство, которое началось и еще не закончило, либо же непосредственная угроза начала такого посягательства. Вопрос относительно наличности посягательства наиболее подробно раскрывается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19.

Критерий действительности посягательства означает, что необходимая оборона возможна только в тех случаях, когда посягательство реально существует в объективной действительности. Действительность посягательства играет ключевую роль в разграничении необходимой обороны и мнимой обороны. Пункт 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 закрепляет, что «Если же общественно опасного посягательства не существовало в действительности и окружающая обстановка не давала лицу оснований полагать, что оно происходит, действия лица подлежат квалификации на общих основаниях». [7] Таким образом, критерий действительности посягательства непосредственно влияет на квалификацию действий лица.

Условия, относящиеся к защите, включают в себя такие критерии, как защита законных прав и интересов, причинение вреда только нападающему лицу и отсутствие превышения пределов необходимой обороны.

Защита личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемые законом интересы общества или государства является основополагающим критерием. Так как именно этот критерий и объясняет цель института необходимой обороны.

Критерий причинения вреда только нападающему лицу. Так как институт необходимой обороны представляет возможность причинения правомерного вреда только с целью предотвращения либо пресечения общественно опасного посягательства, то причиняемый вред должен быть направлен только на то лицо, которое реализует общественно опасное посягательство или которое готово перейти к его непосредственной реализации. Пункт 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 указывает, что «При необходимой обороне недопустимо причинение вреда третьим лицам». Если посягающих лиц несколько, то, в соответствии с положениями пункта 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19, обороняющееся лицо вправе применить меры защиты к любому из посягающих лиц.

Отсутствие превышения пределов необходимой обороны главным образом имеет значение при обороне, предусмотренной частью 2 статьи 37 УК РФ, а именно когда общественно опасное посягательство не сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с угрозой применения такого насилия. Важность отсутствия превышения пределов необходимой обороны заключается в том, что при превышении пределов необходимой обороны предусмотрена уголовная ответственность.

Состояние необходимой обороны — это конкретная ситуация, в которой находится лицо и при которой возникает право на необходимую оборону. По своей сути состояние необходимой обороны представляет применения института необходимой обороны к частному случаю. Выяснение состояния необходимой обороны имеет практическое значение и происходит на основе множества конкретных обстоятельств дела. Главными критериями состояния необходимой обороны являются: временной промежуток и основание возникновения.

Под временным промежутком понимается тот период времени, с учетом конкретных обстоятельств, в рамках которого лицо обладало правом на необходимую оборону. В указанный временной промежуток входит непосредственно само время осуществления общественно опасного посягательства. То есть право на необходимую оборону возникает с начала общественно опасного посягательства и сохраняется до момента его фактического окончания. Однако и в научной литературе, и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 справедливо указываются и те обстоятельства, выходящие за временные рамки деяний посягающего лица, но сохраняющие право на необходимую оборону для обороняющегося. Пункт 8 ПП ВС РФ от 27.09.2012 № 19 закрепляет следующие положения: «Состояние необходимой обороны может иметь место в том числе в случаях, когда:

защита была осуществлена при обстоятельствах, свидетельствующих о наличии реальной угрозы совершения общественно опасного посягательства, а действия оборо-

нявшегося лица непосредственно предшествовали такому посягательству и были направлены на его предотвращение; защита последовала непосредственно за актом хотя и оконченного посягательства, но исходя из обстоятельств для оборонявшегося лица не был ясен момент его окончания и лицо ошибочно полагало, что посягательство продолжается;

общественно опасное посягательство не прекращалось, а с очевидностью для оборонявшегося лица лишь приостанавливалось посягавшим лицом с целью создания наиболее благоприятной обстановки для продолжения посягательства или по иным причинам».

Что касается основания возникновения права на необходимую оборону, то этот тот факт, который послужил причиной появления у лица права на необходимую оборону. В статье 37 Уголовного кодекса Российской Федерации выделяют два основания:

общественно опасное посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия;

общественно опасное посягательство, не сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

В реальной жизни встречаются случаи, когда внешне ситуация и может напоминать основание возникновения права на необходимую оборону, но исходя из своей сути таковой не является, Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 дает следующие разъяснения:

Не могут служить основанием необходимой обороны действия субъекта, совершающего противоправное посягательство, которые хотя формально и содержат признаки какого-либо деяния, предусмотренного Уголовным

кодексом Российской Федерации, но заведомо для обороняющегося лица в силу малозначительности не представляют общественной опасности.

Правомерные действия должностных лиц, находящихся при исполнении своих служебных обязанностей, даже если они сопряжены с причинением вреда или угрозой его причинения, состояние необходимой обороны не образуют. В данном случае речь идёт не о ситуациях, предусмотренных ч.3 ст.37 УК РФ, а о тех, когда в отношении лица применяются правомерные действия со стороны должностных лиц, находящихся при исполнении своих служебных обязанностей. Такие действия не являются общественно опасными, а значит и не образуют у лица, на которого они направлены, состояния необходимой обороны. Примером, подтверждающим указанное положение, может служить приговор Лузского районного суда Кировской области № 1-54/2025 от 28 сентября 2025 г. по делу № 1-54/2025. [8]

Действия не могут признаваться совершенными в состоянии необходимой обороны, если вред посягавшему лицу причинен после того, как посягательство было предотвращено, пресечено или окончено и в применении мер защиты явно отпала необходимость, что осознавалось оборонявшимся лицом.

Лицо не будет находиться в состоянии необходимой обороны, если оно спровоцировало нападение, чтобы использовать его как повод для совершения противоправных действий.

Резюмируя, можно сказать, что необходимая оборона представляет собой правовой институт, свод правил, а состояние необходимой обороны — это реализация института необходимой обороны. Это два взаимосвязанных элемента, развитие одного из которых непременно приводит к изменениям в другом.

Литература:

1. Плотников, А. И. Уголовное право России. Общая часть / А. И. Плотников. — Учебник для бакалавров. — Оренбург, 2016. — Текст: непосредственный.
2. Савельев, Д. В. Уголовное право. Общая часть / Д. В. Савельев. — М.: Издательство Юрайт, 2026. — 374 с. — Текст: непосредственный.
3. Побегайло, Э. Ф. Уголовное право. Превышены ли пределы необходимой обороны: учебное пособие / Э. Ф. Побегайло. — М.: Норма, 2007. — 231 с. — Текст: непосредственный.
4. Меркурьев, В. В. Уголовное право: необходимая оборона / В. В. Меркурьев. — 2-е изд. — М.: Издательство Юрайт, 2025. — 238 с. — Текст: непосредственный.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996г. N 63-ФЗ. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 07.04.2026).
6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями от 01.07.2020). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 07.04.2026).
7. Пленум, Верховного Суда РФ О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление / Верховного Суда РФ Пленум. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (дата обращения: 07.04.2026).
8. Приговор Лузского районного суда Кировской области № 1-54/2025 от 28 сентября 2025 г. — Текст: электронный // sudact.ru: [сайт]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/gTEB671MUGdw/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-

lawchunkinfo=Статья+318.+Применение+насилия+в+отношении+представителя+власти %28УК+РФ %29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=10®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1774520994382 (дата обращения: 07.04.2026).

ИСТОРИЯ

Эффективность народного контроля в Мордовской АССР: анализ итогов работы начала 1970-х годов

Мамеев Руслан Маратович, аспирант

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

В статье анализируются результаты деятельности органов народного контроля Мордовской АССР на начало 1970 года. Особое внимание уделяется роли народного контроля в выявлении нарушений в работе предприятий и организаций республики, а также его вкладу в обеспечение рационального расходования материальных, энергетических и финансовых ресурсов. В статье приводятся конкретные примеры успешных проверок на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах, демонстрирующие, как деятельность народных контролёров способствовала сокращению потерь и оптимизации производственных процессов.

Ключевые слова: народный контроль, Мордовская АССР, предприятия, комитет, колхозы.

Одним из ключевых приоритетов развития России является поиск действенных механизмов взаимодействия власти и общества. Это актуально по нескольким причинам. В первую очередь, участие граждан в принятии решений, затрагивающих их интересы и благополучие социума, укрепляет демократическое устройство государства, повышает легитимность управленческих решений и уровень гражданской ответственности. Во-вторых, эффективный диалог власти и общества снижает риски злоупотреблений, поскольку прозрачность процессов, общественный контроль и обратная связь препятствуют коррупции и произволу. В-третьих, активное вовлечение граждан в обсуждение и реализацию общественно значимых инициатив способствует формированию гражданских традиций и ценностей, укреплению идентичности и развитию солидарности, что особенно важно при нынешнем дефиците устойчивых гражданских практик. Наконец, в-четвёртых, такое взаимодействие служит катализатором социального прогресса: совместная выработка стратегий развития с учётом интересов разных групп населения повышает эффективность государственных программ и способствует устойчивому развитию регионов [1. С. 4].

Гражданское участие — фундамент конституционной демократии, который даёт гражданам не просто формальные права, а реальную возможность влиять на общественно политическую жизнь страны: свободно выражать мнение, объединяться в организации, участвовать в формировании публичной повестки, контролировать решения и получать достоверную информацию. Такой непрерывный диалог между обществом и властью укрепляет взаимное доверие и способствует устойчивому развитию государства [2. с. 174].

С приходом Н. С. Хрущёва к руководству ЦК КПСС акценты в политике народного контроля существенно изменились: в рамках реформ, нацеленных на оживление социалистической демократии, в 1961 году была принята Третья программа КПСС. В ней среди ключевых задач партии провозглашалось установление постоянного государственного и общественного контроля через специальные органы, сочетающие государственный надзор с общественной инспекцией на всех уровнях управления. Партия рассматривала инспекции народного контроля как многофункциональный инструмент, который должен был вовлекать широкие массы в управление государством, обеспечивать соблюдение законности, совершенствовать госаппарат, бороться с бюрократизмом и оперативно реализовывать предложения трудящихся. Таким образом, реформы в сфере народного контроля были направлены на формирование более открытой и отзывчивой системы управления, что соответствовало общей тенденции эпохи «оттепели» к демократизации и повышению роли личности в общественных процессах [3.с.239].

На XXII съезде ЦК КПСС в 1962 году Н. С. Хрущёв заявил, что каждый гражданин СССР должен стать активным участником управления делами общества, а партия — постепенно передавать значительное число государственных функций общественным организациям. Такой переход от социалистической государственности к общественному самоуправлению, по его мнению, требовал возврата к ленинским идеям о народном контроле: без масштабного привлечения широких масс невозможно выстроить эффективную работу органов государственного контроля [4. с.118].

Идеи Н. С. Хрущёва, озвученные на ноябрьском Пленуме 1962 года, воплотились в создании в 1965 году ор-

ганов народного контроля, чей статус позже закрепили на конституционноправовом уровне. Это стало шагом к развитию участия граждан в управлении государством и реализации принципов социалистической демократии.

Ведущие отечественные учёные изучали роль народного контроля в укреплении связи государства и общества, его влияние на эффективность управления и механизмы вовлечения граждан в контроль за властью.

Важный вклад внесла коллективная монография под редакцией В. И. Туровцева «Государственный и общественный контроль в СССР» (1970). В ней проанализированы понятие и особенности контроля в советской системе, история его развития, структура и основы работы органов народного контроля, а также регулирующие их деятельность правовые нормы. Работа помогла систематизировать представления о народном контроле как части советской модели демократии [5. с. 332]

Комитет народного контроля в Мордовской АССР был учреждён в 1966 году на основании Закона Мордовской АССР «Об органах народного контроля в Мордовской АССР» от 18 января 1966 года. Этот нормативный акт заложил правовую основу для создания и функционирования органа общественного контроля на территории республики. В период с 1966 по 1968 год осуществлялась детальная проработка и утверждение внутреннего распорядка работы комитета: разрабатывались регламенты деятельности, определялись функциональные обязанности сотрудников, формировались процедуры взаимодействия с другими государственными и партийными структурами, а также с хозяйственными организациями республики [6. с.114].

В 1970 году органы народного контроля Мордовской АССР выстраивали свою деятельность в соответствии с решениями декабрьского (1969 год) Пленума ЦК КПСС, а также с положениями совместного Письма ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «Об улучшении использования резервов производства и усилении режима экономии в народном хозяйстве».

Приоритетными задачами комитетов, групп и постов народного контроля стали: повышение эффективности общественного производства, рациональное использование внутренних резервов и производственных мощностей, внедрение научно-технических достижений, а также укрепление государственной, производственной и трудовой дисциплины [7.Л.102].

В 1970 году для повышения результативности контрольно-проверочной работы была усилена учёба работников и активистов народного контроля. Комитет народного контроля Мордовской АССР провёл трёхдневный семинар и восемь однодневных инструктивных совещаний с председателями районных и городских комитетов. На предприятиях, в колхозах, совхозах и организациях проводилась систематическая учёба народных контролёров с участием руководителей и специалистов [7. Л.104].

Таким образом, в результате мероприятий городского комитета и групп народного контроля за год удалось сэкономить 240 тыс. рублей тепловой энергии и 6 904 тыс. кВт часов электроэнергии, около 5 млн рублей — за счёт рационального расходования сырья и материалов, а также реализовать сверхнормативное оборудование и материалы на 936 тыс. рублей. Кроме того, снижение себестоимости продукции дало экономию свыше 1,5 млн рублей, а внедрение 41 рационализаторского предложения обеспечило условно годовую экономию 5,5 млн рублей [7.Л.107–108].

До этого, в 1969 году успешно прошла массовая проверка расходования электрической и тепловой энергии, топлива и горючесмазочных материалов. В мероприятии приняли участие более 10 тысяч человек, а его охват составил 413 предприятий, организаций, колхозов и совхозов.

В ходе проверки особое внимание уделялось реконструкции систем отопления, улучшению состояния теплотрасс, модернизации технологического оборудования для сбора и возврата конденсата, а также реализации прочих организационно-технических мероприятий. Благодаря этим мерам удалось сэкономить 29,3 млн кВт в час электроэнергии.

Конкретные результаты отдельных предприятий подтвердили эффективность проведённых работ: на Саранском резиновом комбинате за счёт перевода отопления с пара на горячую воду сэкономили 2 636 Гкал тепла; Саранский электроламповый завод сократил потребление электроэнергии более чем на 360 тыс. кВт в час, а завод «Электровыпрямитель» — более чем на 100 тыс. кВт в час. Кроме того, зафиксировано значительное снижение расхода твёрдого топлива и горючесмазочных материалов [8. Л.85].

Рузаевский городской комитет народного контроля в 1970 году провёл масштабную работу по контролю за выполнением государственных планов экономии и бережливости: всего состоялось 77 проверок. Благодаря этой работе активизировалась деятельность народных контролёров. Например, на заводе химического машиностроения провели фотографии использования рабочего времени для повышения производительности труда и довели до цехов планы снижения трудоёмкости выпуска продукции. Также проверили остатки товарно-материальных ценностей и помогли установить нормативы запасов — в результате сверхнормативные остатки вспомогательных материалов в отделе снабжения снизились на 189 тыс. рублей [7. Л. 109].

Помимо этого, в 1970 году благодаря проведённым мероприятиям выпуск продукции вырос на 574 тыс. рублей по сравнению с 1969 годом, а выработка на одного рабочего увеличилась на 13,2 %.

Значительный экономический эффект от мер по экономии достигнут также на Рузаевской трикотажной фабрике, заводе электровакуумного машиностроения и других предприятиях.

Активная работа органов народного контроля помогла промышленным предприятиям города досрочно выпол-

нить задания пятилетнего плана. В 1970 году объём выпускаемой продукции вырос на 25 %, производительность труда — на 79,1 % [7. Л.110].

Группы народного контроля промышленных предприятий выявили значительные сверхнормативные запасы сырья и материалов в 1970 году. Так, были обнаружены излишки: в объединении «Светотехника» — на 997 тыс. рублей, на Саранском экскаваторном заводе — на 282 тыс. рублей. В целом по республике объём сверхнормативных запасов составлял 10,2 млн рублей.

По итогам обсуждений на заседаниях групп, районных, городских комитетов и комитета народного контроля МАССР удалось добиться снижения излишков: на Саранском кафельном заводе запасы сократились вдвое, объединение «Светотехника» снизило их на 520 тыс. рублей и отказалось от части фондируемых материалов на 1971 год, заметно уменьшились излишки на Саранском заводе «Электровыпрямитель» и Кадошкинском электротехническом заводе. Итого по Мордовской АССР к концу 1971 года сверхнормативные запасы снизились на 3 млн рублей [7. Л. 111–112].

Народные контролёры в 1969 году проверяли состояние погрузки и разгрузки вагонов в выходные и ночное время, изучали связанные с этим операции на станциях и заводах и вносили предложения по улучшению использования вагонов и повышению ответственности работников.

Благодаря их усилиям простой вагонов заметно сократился. На станции «Красный узел» по сравнению с 1968 годом они снизились на 1,7 часа. За 11 месяцев 1969 года по сравнению с аналогичным периодом 1968го простой вагонов по Рузаевскому отделению уменьшился на 20,1 %, а сумма уплаченных штрафов сократилась на 99,4 тыс. рублей. При этом статистическая нагрузка на ось превысила план на 1000 кг, что позволило ежемесячно экономить 909 вагонов.

Рузаевский комитет народного контроля сыграл значительную роль в сокращении простоев: так, на Рузаевском заводе химического машиностроения простой каждого вагона снизился на 1,5 часа, а на холодильнике «Росмясорыбторга» — на 0,7 часа (по сравнению с 1968 годом).

Саранский городской комитет совместно с группами и постами народного контроля провёл в 1969 году 6 рейдов по подъездным путям предприятий и принял меры по ускорению оборота вагонов. За 9 месяцев 1969го простой на станции уменьшился на 0,3 часа. Конкретные результаты отдельных предприятий: комбинат кручёных изделий «Сура» сократил простой вагонов на 17,3 %, завод медпрепаратов — на 50 %, комбинат теплоизоляционных материалов — на 25 % [8. Л. 84–85].

В 1970 году при проверке народного контроля выявлены факты халатного отношения руководителей и хищений на мясокомбинатах республики. В частности, на Первомайском мясокомбинате скот, привозимый для забоя, не кормили 7–10 дней. Также, животные содержались в антисанитарных условиях, случались подмены

скота, а народные контролёры совместно со сторожевой охраной задержали множество людей с похищенным мясом. Комитет народного контроля МАССР совместно с местными комитетами и группами проверил мясокомбинаты и привлёк виновных в халатном отношении к строгой ответственности. В результате ситуация на предприятиях значительно улучшилась [7. Л.113].

Похожая проблема была и в 1969 году. Так, группы народного контроля колхозов и совхозов уделили особое внимание подготовке к зимовке общественного скота и повышению его продуктивности. Были созданы специальные комиссии для проверки готовности животноводческих помещений к зиме. Все же выявленные недостатки устранялись оперативно.

Помимо этого, в колхозе Инсарского района народные контролёры обнаружили антисанитарные условия: навоз разбрасывался по территории вместо буртования, скот недокармливался [8. Л. 82].

Несмотря на выявление ряда нарушений, сохранялся комплекс системных проблем, ограничивающих эффективность работы органов контроля. Проверки нередко сводятся лишь к фиксации нарушений, а не к их предупреждению и устранению. Материалы о проступках должностных лиц редко передаются на обсуждение трудящихся. Комитеты недостаточно контролируют выполнение государственных планов: из 215 промышленных предприятий 21 (9,8 %) не выполнили задания по реализации продукции на 1970 год. Слабо задействованы внештатные отраслевые отделы, а проверки порой проводятся без участия групп народного контроля.

Низка эффективность работы некоторых групп на предприятиях службы быта: они слабо контролируют развитие бытового обслуживания и сокращение незавершённого строительства. В колхозах, совхозах и на промышленных предприятиях народные контролёры мало содействуют автоматизации и механизации процессов. Кроме того, отдельные группы работают пассивно, что снижает их влияние на улучшение ситуации на предприятиях и в организациях [7. Л. 123–124].

Таким образом, можно прийти к обоснованному выводу: несмотря на значительную положительную роль народного контроля Мордовской АССР в выявлении нарушений и сокращении расходования ресурсов, к началу 1970го года сохранялся ряд системных проблем, сдерживающих эффективность его работы.

Отмечалась низкая результативность отдельных групп народного контроля, особенно на предприятиях службы быта. Кроме того, потенциал внештатных отраслевых отделов использовался не в полной мере, изза чего снижалась глубина проверок и ослаблялась экспертная поддержка групп народного контроля. Также фиксировались случаи проведения проверок без участия групп народного контроля, что подрывало суть общественного контроля, снижало доверие к результатам ревизий и лишало коллективы возможности участвовать в обсуждении проблем и выработке решений.

Литература:

1. Бабинцев В. П., Давтян Д. В., Надуткина И. Э., Ушамирская Г. Ф. Реализация гражданского контроля в практике местного самоуправления: монография. Белгород, 2016. 163 с.
2. Холмская М. Р. Политическое участие как объект исследования. Обзор отечественной литературы // Полис. 1999. № 5. С. 170–176.
3. Программа Коммунистической партии Советского Союза. [1961 г.] // XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет: в 3 т. Т. 3. Москва: Госполитиздат, 1962. 591 с.
4. Пленум Центрального Комитета КПСС. 19–23 ноября 1962 г. Стенографический отчет. Москва: Госполитиздат, 1963. 607 с.
5. Государственный и общественный контроль в СССР / под ред. В. И. Туровцева. Москва, 1970. 332 с.
6. Собрание действующего законодательства Мордовской АССР. Т. 1. Саранск, 1978. 622 с.
7. ЦГА РМ, ф. р-2069, оп. 1 д. 82.
8. ЦГА РМ, ф. р-2069, оп. 1 д. 255.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 15 (618) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 22.04.2026. Дата выхода в свет: 29.04.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.